

Русский Двадцатый 1879. № 11

- 3 -

ПО ГОРАМЪ И СТЕПЯМЪ СРЕДНЕЙ АЗИИ

ПУТЕВЫЯ ЗАМѢТКИ ОТЪ МОСКВЫ ДО КУЛЬДЖИ

Отъ потрясенаго Кремля
До стѣнь недвижнаго Китая...
Пушкинъ.

I. Отъ Оренбурга до Орска (265 вѣрстъ).

Въ началѣ 1877 года я, согласно выраженному мною желанію, былъ назначенъ военнымъ врачомъ въ Туркестанскій округъ, въ 10-й линейный батальонъ, штабъ-квартира котораго находилась въ Кульджѣ.

Поѣздка въ центральную Азію составляла мое давнишнее желаніе; мнѣ давно хотѣлось посѣтить эти земли, такъ мало изслѣдованныя, такъ полныя таинственности, гдѣ и теперь еще есть места въ сравненіи съ которыми безплодныя африканскія пустыни и дикая американскія прерія представляются вполнѣ изученными. Чѣмъ напримѣръ мы можемъ сказать съ достовѣрностью о верховьяхъ Аму-Дарьи или о Памирѣ, этомъ таинственномъ плоскогоріи, составляющемъ, по мнѣнію туземцевъ, крышу міра? А между тѣмъ здѣсь была колыбель человѣчества; здѣсь, по преданію, на этихъ привольныхъ лугахъ, кочевалъ со своими многочисленными стадами Абулджа-ханъ сынъ Іафета; сюда ходили царь Киръ и Александръ Великій; здѣсь никогда ключомъ килѣла жизнь и цвѣла своеобразная

цивилизациѣ; во времѧ б҃о, когда молодая, не окрѣпшая Русь не успѣвала отбиваться отъ татарскихъ кабѣговъ, сюда, въ великолѣпную столицу Тимура стекались почти всѣ князья Asia, прося дружбы и покровительства, и съ покорностию цѣловали синій камень (кокъ-ташъ), знаменитый льедесталъ Тамерланова трона.

Не долги были мои сборы и 26 февраля 1877 года я уже выѣхалъ изъ Москвы вмѣстѣ съ моимъ товарищемъ, врачомъ Л., который по счастливой случайности былъ назначенъ въ Караколъ (тоже въ Туркестанѣ) и съ которымъ поэтому мы рѣшилиѣ вѣхать вмѣстѣ. Чрезъ три дня вѣзды по желѣзной дорогѣ мы безъ особыхъ приключений прибыли въ Оренбургъ, гдѣ провели два дня, но почти не видали города, потому что въ это время сѣвалась оттелель и на улицахъ стояла такая невылазная грязь что шагу нельзя было сдѣлать. Я замѣтилъ только что военный элементъ преобладаетъ: вездѣ шпоры, эполеты, аксельбанты, блестящіе мундиры. (Тогда въ виду қастулающей войны многіе вѣхали изъ Средней Азіи).

Грязь и вода положительно отбивали охоту куда-нибудь идти, и отъ нечего дѣлать, сидя въ нумерѣ лучшей (хотя вовсе не хорошей) „Европейской“ гостиницы, гдѣ мы остановились, я наблюдалъ какъ по улицамъ тянулись вереницы верблюдовъ съ невозмутимымъ хладнокровiemъ шлепая по грязи, да пробирались стороною Башкиры и Киргизы въ своихъ безобразныхъ малахаяхъ и стеганыхъ, засаленныхъ до невозможности, халатахъ...

Но въ путь! въ путь! 2-го марта, въ 8 часовъ вечера, намъ подали сани, запряженные маленькими, лохматыми казачьими лошадками. Скоро Оренбургъ скрылся изъ глазъ, и послѣднія линіи городскихъ огней потонули во мракѣ. Лошади быстро бѣжали впередъ, и мои думы неслись вмѣстѣ съ ними. Три тысячи верстъ лежали предо мной; впереди необозримыя равнины, стелющіяся изъ конца въ конецъ, безплодныя, „голодныя“ степи, сыпучіе „черные“ пески, горы, предъ которыми блѣднѣютъ Альлы, пѣмые памятники прошедшаго, разрушенные города и села, пустынныя мѣста, гдѣ по цѣлымъ днямъ не встрѣтишь ни одного человѣка, гдѣ на тысячѣ квадратныхъ верстъ не найдешь ни одного города, гдѣ жизнь, ярко вспыхнувъ и блеснувъ на мгновеніе, вдругъ остановилась и замерла и поколѣнія за поколѣніями плетутся теперь нога

за ногу, не видя въ будущемъ цѣли, не имѣя въ прошедшемъ ничего, кромѣ кровавыхъ драмъ безъ смысла...

И все это предстояло видѣть и лосѣтить....

Время шло незамѣтно и чрезъ полтора часа предъ нами вынырнула изъ мрака первая станція, казачья станица Нѣжинка. На всемъ протяженіи отъ Оренбурга до Орска станціи расположены по станицамъ, которыя прежде составляли нашу передовую линію и границу отъ Киргизовъ, почему живущіе въ нихъ казаки и до сихъ поръ называются линейными, хотя самая линія давнѣмъ давно утратила свое значеніе. Станціи, это большія деревни, села, имѣющія иногда по вѣскольку сотъ домовъ и одну или двѣ церкви. Въ нихъ можно достать все съѣстное и путнику нѣть надобности запасаться на этотъ промежутокъ дороги провизіей. Почтовую гоньбу содержать казаки, а женское населеніе этихъ станицъ поголовно занимается вязаніемъ пуховыхъ платковъ, известныхъ у насъ лодъ именемъ оренбургскихъ. И дѣйствительно, на всемъ пространствѣ Россіи эта отрасль промышленности пріохотилась исключительно между Оренбургомъ и Орскомъ.

За первую станціей лошли слѣдующія, прошелъ первый и второй день, безконечныя снѣжныя равнины смѣнялись другими и мы понемногу стали втягиваться въ путешествіе. Лошади лопадались отличныя, мы часто дѣлали по двѣнадцати верстъ въ часъ и съ завистью вспоминали эту быстроту, когда попали лотомъ на проклятый Кузнецковскій трактъ. Неудобно здѣсь то что ямщики по большей части Киргизы или Татары и ни слова не говорятъ по-русски; что бы вы ни спрашивали, Киргизъ упорно твердитъ свое „белмей“, („не понимаю“) и по-русски знаетъ только одно, „на водку“, которую и истребляетъ въ огромномъ количествѣ, не стѣсняясь никакими предписаніями Корана.

Недалеко отъ Орска мѣстность сдѣлалась холмистою: намъ стали лопадаться горы, сначала невысокія въ видѣ круглыхъ холмовъ, лотомъ повыше; то отдалѣко, то соединяясь въ кучки, забѣгали онѣ впередъ, пересѣкая намъ дорогу. Это были передовые отроги Уральскихъ горъ. Намъ приходилось вѣзасться на нихъ или объѣзжать ихъ кругомъ по карнизамъ. Наконецъ они окружили насъ со всѣхъ сторонъ и предъ нами открылось Губерлинское ущелье.

Это было на третій день нашего пути, не далеко отъ Орска. Ущелье тянулось на семь верстъ и не представляло ничего

замѣчательнаго даже для насть, не видавшихъ никогда горъ. Справа и слѣва поднимались невысокіе холмики, совершенно дикіе и безжизненные. Мыѣхали по самому дну ущелья, гдѣ протекалъ небольшой ручей, который теперь пробилъ покрывавшій его тонкій слой льда и съ шумомъ бѣжалъ по каменъямъ. Ёхали конечно шагомъ, такъ какъ наша кошева (такъ называются здѣсь сани, рѣшетчатый верхъ которыхъ обтянутъ кошмой) то одною, то другою стороной тащилась по песку и грязи, и съ досадой думали что не поладемъ сего-дня въ Орскъ какъ предполагали; къ довѣршенію несчастья, при самомъ выходѣ изъ ущелья, ямщикъ засадилъ насъ въ какой-то зајоръ или оврагъ, гдѣ мы пробились до поздняго вечера, а на станціи намъ предложили переноочевать, говоря что придется єхать ночью льдомъ по рѣкѣ Уралу, такъ какъ бы не поластъ въ полынью. Мы уступили и остались. Потомъ горькій опытъ умудрилъ насть; во время нашего сорока четырехдневнаго путешествія мы испытали все: насть заносило снѣгомъ, заносило и пескомъ; мытонули въ рѣкахъ, падали съ горъ, падали и на ровномъ мѣстѣ, и наконецъ до того обтерпѣлись и обколотились что не обращали ни на что вниманія и во время подобныхъ превратностей умоляли ямщика только объ одномъ, чтобы онъ єхалъ скорѣе. Но тутъ мы только начинали путешествіе; мы сильно трусили, когда подъ давленіемъ на ледъ нашего экипажа вода въ близъ лежащей полынѣ ключомъ поднималась вверхъ; мы тащились по Уралу какъ черепаха, и несмотря на то что выѣхали чуть свѣтъ, только къ полуночи прибыли въ Орскъ.

II. Отъ Орска до форта Карабутака (213 верстъ).

Въ 1730 году могущественному Абуль-Хаиру, хану Малой Каргизской орды, до того наскучило возиться съ беспокойными соседями, Башкирами и Калмыками, что онъ изъявилъ желаніе принять подданство Россіи. Хитрый ханъ, не желая однако потерять все, просилъ между прочимъ чтобы ханское достоинство павсегда было оставлено за его родомъ, а такъ какъ онъ зналъ что это не понравится его будущимъ подчиненнымъ, то просилъ выстроить для его защиты крѣпость при слияниіи рѣка Ора и Урала. Желаніе его было уважено и въ 1735 году былъ построенъ городъ Орскъ. По-

ченный городъ насчитываетъ такимъ образомъ 143 года своего существованія.

Для нась этотъ городъ представлялъ тотъ практическій интересъ что здѣсь трактъ раздѣляется на два и намъ надо было решать трудный вопросъ—который изъ нихъ выбрать. Какъ известно, въ наши средне-азіатскія владѣнія ведутъ двѣ дороги, причемъ Орскъ составляетъ узель, изъ котораго онъ развѣтвляются. Одна дорога изъ Орска идетъ на сѣверо-востокъ по городамъ южной Сибири (Орскъ, Уральскъ, Троицкъ, Петропавловскъ, Омскъ, Семипалатинскъ) до Сергіополя, который уже относится къ Семирѣченской области Туркестанского округа. Другая же дорога идетъ на югъ, къ Аральскому морю, прямо въ наши средне-азіатскія владѣнія, прямо въ степь. Несмотря на то что сибирскій трактъ длинище стелнаго на четыреста верстъ, намъ нѣкоторые соѣтствовали выбрать его, но... ни одной минуты всевѣдѣнія недано человѣку и не было дано намъ въ то время; къ тому же мы хотѣлись посѣтить именно земли центральной Азіи, да и на нашихъ маршрутахъ стояло: Орскъ, Казалинскъ, Чимкентъ.... однимъ словомъ сама судьба указывала намъ Туркестанскій трактъ, такъ что не удивительно что мы выбрали его, хотя скоро по этому поводу едва не прокляли часъ своего рожденія.

Итакъ въ путь! Степь, теперь уже настоящая степь, необъятная, безгранична, лежала предъ нами и намъ предстояло съ нею познакомиться. Мы стали сбираться въ дорогу и прежде всего отправились закупать провизію, такъ какъ намъ категорически заявили что мы теперь на станціяхъ ничего не отыщемъ кромѣ самовара.

Орскъ открылся предъ нами во всей своей красѣ, когда мы вышли на улицу. Онъ лежитъ на лѣвомъ берегу Урала и прежде назывался Оренбургомъ, до построенія этого послѣдняго въ 1744 году. Сначала, какъ передовой пунктъ, онъ имѣлъ смыслъ, но теперь утратилъ всякий *raison d'être* и только наводитъ уныніе на путешественниковъ. Много, много плохихъ русскихъ деревень гораздо лучше города Орска... Въ русскихъ лавкахъ мы нашли чай, сахаръ и палиросы. Кромѣ русскихъ въ городѣ есть еще бухарскія лавки, но въ нихъ не было ничего кромѣ кишмишу и сушенаго урюку (абрикосовъ). Для нась все это было неподходяще; но къ счастію намъ указали на одну новую, еще недавно выстроенную лавку, гдѣ спекуляторъ en grand

спекулировалъ предметами совсѣмъ иного сорта, очевидно разчитывая на путешественниковъ. Такъ мы нашли у него сгущенное швейцарское молоко, либиховскій экстрактъ и даже довольно большой кусокъ какой-то любопытной окаменѣлости подъ громкимъ названіемъ швейцарского сыра. Возвращаясь назадъ, въ одной татарской лавкѣ я хотѣлъ купить мѣховые рукавицы; положимъ онѣ поражали скорѣе своею прочностью чѣмъ изяществомъ, но холода усиливались съ каждымъ днемъ со времени нашего выѣзда изъ Оренбурга и я думалъ что онѣ мнѣ пригодятся. Торгъ вышелъ преинтересный: купецъ не зналъ ни слова по-русски, а я столько же по-татарски. Напрасно я одною рукой указывалъ на рукавицы, а другою предлагалъ различные денежные знаки, начиная отъ гривенника и кончая рублевою бумажкой; Татаринъ только кивалъ головой и подъ конецъ, горячо жестикулируя, самъ заговорилъ что-то, должно-быть очень интересное, но къ сожалѣнію совершенно для меня непонятное. Такъ я и остался безъ рукавицъ.

Между тѣмъ въ этихъ сборахъ прошло нѣсколько часовъ и уже начало темнѣть. Мы заторопились; скоро были готовы лошади, и мы выѣхали въ широкую степь.

Скоро познакомились мы со степью; она въ тотъ же вечеръ дала себя знать и для первого знакомства угостила насъ бураномъ...

Чтѣ такое буранъ? Мы много слышали и читали про бураны, но никогда не испытывали ихъ, да и вообще въ Россіи не имѣютъ понятія о настоящихъ буранахъ, о тѣхъ которые составляютъ грозу и ужасъ Туркестанскаго края. Здѣсь бураны раздѣляются на низовые и верховые: первые дуютъ съ начала зимы и представляютъ не что иное какъ простую метель: сильный вѣтеръ поднимаетъ снѣгъ съ поверхности земли и крутить его въ воздухѣ. Но верховые бураны—страшные бураны. Они начинаются съ декабря мѣсяца и происходятъ оттого что холодный сѣверо-восточный вѣтеръ, смѣняя теплый юго-западный, превращаетъ поднявшіеся при этомъ тепломъ вѣтры пары въ иней. Эти бураны составляютъ истинный бичъ страны. Киргизъ, который въ самую темную ночь какъ въ ясный день ведетъ васъ на любое урочище, во время бурана и тотъ теряетъ голову. Случалось, люди замерзали въ городахъ, на улицахъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ своего дома. Скотъ во время такихъ бура-

ковъ гибаетъ во множествѣ. До сихъ поръ съ какимъ-то суевѣрнымъ ужасомъ вспоминаютъ Киргизы Внутренней Орды буранъ бывшій въ 1827 году, когда погибло 10.500 верблюдовъ, 75.480 головъ рогатаго скота, 280.500 лошадей и 1.012.000 овецъ, на сумму около 13 миллионовъ руб. сер. Съ неслыханною силой цѣлую недѣлю свирѣпствовалъ этотъ буранъ на громадномъ пространствѣ. Скотъ весь шарахнулся съ испугомъ къ сѣверу, въ Саратовскую губернію, и частію замерзъ на голой стели, частію свалился въ овраги и балки или былъ захваченъ жителями. Да, плохая вещь буранъ въ степяхъ Средней Азіи.

По счастію, тотъ буранъ который мы вытерпѣли былъ одинъ изъ самыхъ легкихъ.

Отъ Орска до первой станціи Токана считается 27 верстъ. Когда мы выѣхали, слегка морозило, но все-таки вечеръ былъ прекрасный; луна ярко освѣщала степь и въ воздухѣ было тихо и ясно. Но не отѣхали мы и трехъ верстъ какъ поднялся вѣтеръ; сначала онъ дулъ не особенно сильно, и мы не обращали на него вниманія, а только спустили фартукъ кибитки. Я замѣтилъ только что по стели шелъ какой-то ларъ; степь какъ будто курилась; снѣгъ подымался надъ степью около полуаршина и стался какъ дымъ логоняемый вѣтромъ. Но что насъ удивило, такъ это то что ямщикъ, который до сихъ поръ вѣхалъ умѣренкою рысью, вдругъ логналъ лошадей въ карьеръ. Долго, около часа, вѣхали мы такимъ образомъ; наконецъ я рѣшился спросить его о причинѣ такой послѣшности и открылъ фартукъ.

Картина перемѣнилась...

Сдѣлалось темнѣе. Звѣзды ярко горѣли и малѣйшія изъ нихъ отчетливо вырисовывались на темно-синемъ фонѣ неба. Но стели я уже не видалъ; она пролола и мы неслись какъ бы въ туманѣ или облакѣ. Снѣжный дымъ почти закрывалъ лошадей и кибитку. Мы неслись, и онъ несся за нами какъ непріятель, упорно догоняя и перегоняя насъ, заметая дорогу и становясь все выше и выше, гуще и гуще. Подъ лучами звѣздъ и уже заходящаго мѣсяца, снѣжныя пылиники, крутясь въ воздухѣ, горѣли брилліантами и равнина разстилалась вдали синевато-блѣдыми полосами, безпрестанно мѣнявшими свое мѣсто. Все далеко было видно кругомъ и вездѣ стояла по землѣ этотъ снѣжный туманъ. Картина была эфектная.

— Чѣдѣ это такое? спросилъ я ямщикъ.—Чего ты гонишь?
По счастью ямщикъ былъ Татаринъ и говорилъ по-русски.
— Бѣда, буранъ! отвѣчалъ онъ.

Мой товарищъ тоже выглянулъ, но мы все-таки ничего не боялись, потому что составили себѣ о буранѣ совсѣмъ другое понятіе. Между тѣмъ лошади все неслись и намъ нравился ихъ быстрый бѣгъ среди этого волнующагося свѣжнаго моря.

Вдругъ, трахъ.... ураганомъ налетѣлъ сильнѣйшій порывъ вѣтра и чуть не опрокинулъ кибитку.

Все перемѣшалось. Снѣгъ закружился въ воздухѣ и поднялся на всю доступную глазу высоту. Луна уже закатилась, и мы вѣхали въ потьмахъ. Я едва видѣлъ ямщика, а лошадей положительно не было видно; ямщикъ погонялъ ихъ какимъ-то улавшимъ голосомъ, но лошади лошили все тише, тише. За первымъ порывомъ вѣтра слѣдовалъ другой, третій.... Онъ съ такою силой билъ въ задъ и бокъ кибитки что стѣнка ея подавалась. Мы держали фартукъ обѣими руками, но при малѣйшей оплошности вѣтеръ вырывалъ его изъ рукъ и мгновенно приносилъ въ кибитку цѣлую массу свѣжной пыли. Вой и свистъ раздавался кругомъ, какъ будто легіонъ невидимыхъ ратей затѣялъ между собой бѣшеную игру. Это буря разыгрывалась и крѣпчала на просторѣ. Да и что удивительного? На всемъ разстояніи отъ Орска до Казалинска, на пространствѣ въ пѣсколько тысячъ квадратныхъ верстъ, нѣтъ ни дерева, ни горы, ни строенія, ничего что могло бы представить какое-нибудь сопротивленіе вѣтру, и вѣтеръ, пробѣгая эти громадныя разстоянія, пріобрѣтаетъ невѣроятную силу. Не знаю, сколько времени вѣхали мы такимъ образомъ, но лошади вдругъ стали. Я думалъ что это станція, но оказалось хуже: мы заблудились. Мы невольно сдѣлалось жутко, особенно когда мы остались одни и ямщикъ отправился отыскивать дорогу. Кто былъ въ положеніи подобномъ нашему, кто, какъ мы, былъ затерянъ въ глухую ночь въ необозримыхъ средне-азіатскихъ степяхъ, тотъ пойметъ это. Вдругъ сзади шагнула къ намъ какая-то громадная, бѣлая масса. Это былъ ямщикъ сплошь облѣпленаый снѣгомъ. Онъ нашелъ дорогу, такъ какъ по счастью мы не далеко отѣхали отъ нея и вовремя остановились. Но все-таки я и теперь не понимаю какимъ образомъ онъ могъ ее найти; за всѣ богатства Индіи и Китая я не отыскалъ бы ничего

въ такую адскую ночь. Къ довершенню несчастія, когда мы хотѣли отправиться дальше, то несмотря на всѣ покуканія ямщика, съ удивлениемъ увидали что стоимъ на мѣстѣ. Дѣло въ томъ что пока ямщикъ ходилъ отыскивать дорогу, вѣтеръ нанесъ къ лѣвому боку кибитки цѣлую гору снѣга и измученныя лошади не могли стащить ее съ мѣста. Пришлось выйти намъ самимъ; не болѣе минуты простоялъ я, а уже былъ такъ-сказать весь пронизанъ снѣгомъ; онъ забрался за шубу, за шарфъ, даже за шапку, засыпался въ валенки.... бѣда! Наконецъ кое-какъ отправились дальше.

— Сколько верстъ до станціи? спросилъ я ямщика.

— А кто ее знаетъ, отвѣчалъ тотъ.

Я и спросилъ-то машинально, и дѣйствительно вопросъ былъ смѣшной, такъ какъ разобрать что-нибудь въ такомъ хаосѣ было никакъ нельзя.

— Не видно ли ея?

— Да къ ней и вплоть подъѣдешь, такъ не увидишь, отвѣчалъ тотъ неохотно. Бѣдный! когда онъ оборачивался чтобы отвѣтить намъ, я слышалъ какъ стучали отъ холода его зубы.

Но все на свѣтѣ и хорошее, и дурное имѣть конецъ. Въ то время какъ мы почти примирились со своею судьбой, порывъ вѣтра налетѣлъ на кибитку, выхватилъ у насъ фартукъ, принесъ цѣлую кучу снѣгу, но вмѣстѣ съ тѣмъ принесъ и пріятный, знакомый звукъ собачьяго лая.... Прямо противъ насъ свѣтилось окно станціи, на которое изнутри была поставлена свѣчка.

Молодость легко переносить всѣ невзгоды; на станціи было тепло, мы обсушались, обогрѣлись и съ удовольствиемъ пили горячій чай въ то время какъ бура грозно выла кругомъ и бросала въ окна холъями мокраго снѣга.

Да, много здѣсь придется вытерпѣть во время дороги, но кто бы ты ни былъ, одно скажу я тебѣ: будь мужественъ, другъ-путешественникъ! Трудно ожидать чего-нибудь хорошаго отъ дикаго края, но съ достаточнымъ запасомъ терпѣнія и настойчивости можно преодолѣть все, и чѣмъ труднѣе были препятствія тѣмъ пріятнѣе будетъ побѣда....

На другой день съ ранняго утра закипѣла работа на станціи; ее откальвали изъ-подъ снѣга. Во время ночи съ сѣверной стороны нанесло цѣлую гору, и только къ девяты

часамъ утра были проложены глубокіе дефилеи, по которымъ мы и выѣхали. Послѣ, уже въ Иргизѣ, узналъ я что не всѣмъ прошла даромъ эта ночь. На одной станціи заблудилась почта шедшая изъ Казалинска въ Оренбургъ. На другой пропалъ ямщикъ и только на третій день воротился блѣдный и худой, на одной лошади вместо трехъ и безъ кибитки: его угнало верстъ на пятьдесятъ въ сторону. Съ тѣхъ поръ мы вплоть до Иргиза, при маленькомъ даже вѣтре, спрашивали ямщиковъ: доѣдемъ ли мы до станціи? Но ямщики отличались замѣчательнымъ хладнокровіемъ и на всѣ вопросы отвѣчали только:—Кто жъ ее знаетъ? Можетъ доѣдете, а можетъ и нѣтъ.

Утромъ предъ выѣздомъ мы осмотрѣли и самую станцію. Это простая изба. Сбоку стоитъ еще изба, гдѣ складывается кормъ, да еще павѣсь для лошадей, вотъ и все: кругомъ степь. Мы навсегда распростились теперь съ тѣми прекрасными станціями которыхъ были расположены отъ Оренбурга до Орска, съ тѣми громадными селами, гдѣ можно было достать все чего хотѣлось. Впрочемъ и эти станціи устроены очень удобно: большая изба раздѣлена на двѣ части: справа помѣщеніе для ямщиковъ, а слѣва большая комната для проѣзжающихъ. Тутъ находятся два громадные kleenчатые дивана, два стола, зеркало и большая желѣзная печка. А прежде чѣ? Я разкажу вамъ какое сообщеніе было прежде. Собственно до 1858 года не было никакого правильнаго сообщенія, по крайней мѣрѣ почтоваго, а ъздили по транспортнымъ дорогамъ. Ъздили только при оказіи, при какомъ-нибудь казенному транспорту, въ своемъ или наемномъ экипажѣ или просто на верблюдахъ, съ большимъ или меньшимъ конвоемъ изъ казаковъ, смотря по степени сложности стели. Дѣлали въ день одинъ или два перехода, смотря по величинѣ ихъ. Переходы обусловливались разстояніемъ между колодцами и рѣчками. Наконецъ все это было найдено очень сквернымъ, и трактъ въ 1858 году былъ сданъ Киргизамъ до форта Карабутака. Отъ Карабутака же до форта № 1 (Казалинска) почта открыта только въ 1862 году. Киргизы повели дѣло по-своему: станцію у нихъ замѣняла кибитка или юрта. О томъ что такое кибитка я скажу послѣ, теперь же замѣчу только что путешественники, сплошь и рядомъ прїезжая на станцію или вѣрнѣ на то мѣсто гдѣ должна была быть станція, не находили ея вовсе.

Ямщикъ-Киргизъ думалъ только о томъ какъ бы отпречь лошадей и уѣхать назадъ, если же бывалъ остановленъ не терпѣливыми разспросами проѣзжающаго, то алатично отвѣчалъ что станція куда-нибудь „укочевала“. Это факты, читатель, и часто повторявшіеся факты. Киргизъ переносилъ кибитку исправлявшую должность станціи на версту или на двѣ въ сторону, въ какой-нибудь ближайшій оврагъ, гдѣ больше было защиты отъ сѣвернаго холоднаго вѣтра, и измученному, озябшему и усталому путешественнику, вмѣсто того чтобы согрѣться и отдохнуть, приходилось ло цѣлымъ часамъ отыскивать станцію какъ какую-нибудь дичь. Наконецъ въ 70хъ годахъ трактъ былъ снятъ вплоть до границы Туркестанскаго генераль-губернаторства (до станціи Терекли, отъ Орска 525 верстъ) оренбургскимъ кулцомъ Мякиньковымъ и станція построены въ теперешнемъ ихъ видѣ. До чего безнадѣжно плохъ былъ этотъ трактъ, видно изъ того что уже въ 1868 году мѣстное начальство вело даже официальную переписку съ министромъ путей сообщенія о томъ чтобы уничтожить его, а оставить другой болѣе длинный на Вѣрое и Омскъ. (Этотъ трактъ намъ и совѣтовали въ Орскѣ.)

Было прекрасное свѣтлое утро, когда мы выѣхали со станціи. Опять потянулись предъ нами съ обѣихъ сторонъ однобразныя сѣжныя поляны; безконечною лентой зилась по нимъ дорога, уходя въ синюю даль; ни дерева, ни строенія кругомъ и только кое-гдѣ выбивались изъ-подъ снѣга тощіе кустики прошлогодней травы. На второй станціи отъ Орска въ окрестности, говорятъ, разбросаны обломки гранита, но мы ничего не видали подъ блестящимъ сѣжнымъ покровомъ. Изрѣдка виднѣлась въ сторонахъ уже слегка посиявшая рѣка Иргизъ, такъ какъ дорога отъ Орска до Карабутака проходитъ сначала вдоль рѣки Ори, а потомъ по правую и лѣвую сторону Иргиза. Снѣгъ замѣтно таялъ на нашихъ глазахъ, по мѣрѣ того какъ мы подвигались къ югу и кой-гдѣ по сторонамъ легли уже проталины какъ громадныя черныя пятна на бѣломъ фонѣ. Цѣлые табуны киргизскихъ лошадей паслись по стели, отыскивая сухую траву; здѣсь скотъ пасется круглый годъ, такъ какъ Киргизы не заготовляютъ корма на зиму, да и не имѣютъ возможности заготовить его вдоволь для своихъ часто громадныхъ стадъ. Вслѣдствіе такого порядка вещей животнымъ самимъ приходится доставать себѣ пищу. Обыкновенно впереди идутъ лошади; они разбиваютъ

снѣгъ передними ногами и достаютъ прошлогодній ковыль; за ними слѣдуетъ рогатый скотъ и наконецъ овцы, которыхъ принуждены уже довольствоваться остатками. Одни только верблюды меланхолически стоятъ въ сторонѣ, такъ какъ не имѣютъ копытъ и не могутъ сами позаботиться о себѣ; съ ними однами дѣлать Киргизъ свой скучный заласъ проса и заготовляетъ на зиму колючку. Если снѣгъ очень глубокъ или если послѣ оттелели сразу наступить морозъ, то лошади не въ состояніи пробить копытами твердую ледяную кору; тогда скотъ погибаетъ съ голоду, такъ что достаточно одной бурной зимы, чтобы Киргизъ изъ богача сдѣлался нищимъ. Впрочемъ некоторые Киргизы уже теперь начинаютъ косить сѣно.

Попадались намъ на встречу и киргизскія зимовки; это простыя землянки, возвышающіяся надъ поверхностью земли около аршина и обыкновенно вмѣстѣ съ крышей заносимыя снѣгомъ. Ихъ часто проѣдешь мимо и не замѣтишь, если только на счастье не торчить изъ-подъ снѣга какой-нибудь шесть. На первыхъ порахъ мы бывали не мало удивлены, когда, вѣроятно заслушавъ звукъ колокольчика, намъ на встречу точно изъ земли выкатывалась цѣлая стая замѣчательно злыхъ собакъ или высыпалась куча совершенно голыхъ ребятишекъ и съ любопытствомъ смотрѣла намъ въ слѣдъ.

Такъѣхали мы два дня; потомъ насы опять хватилъ буранъ, хотя гораздо легче первого; но такъ какъ мы на этотъ разъѣхали въ открытыхъ саняхъ, то онъ все-таки въ два часа исхлесталъ насъ снѣгомъ до того что мы совершенно измучились и передрогли до костей, когда наконецъ увидали вдали высокую башенку форта Карабутака.

III. Отъ форта Карабутака до Иргиза (177 $\frac{1}{4}$ верстъ).

Фортъ Карабутакъ построенъ въ 1848 году, при губернаторѣ Обручевѣ. Прежде онъ служилъ эталнымъ пунктомъ для соединенія Иргиза и Оренбургской линіи, но для чего онъ служить теперь, это вѣроятно знаетъ одинъ Аллахъ. Построенъ онъ на горѣ при слияніи Иргиза и Карабутака и вообще представляетъ не городъ, а какой-то глиняный горшокъ. Отличает-

ся развѣ своимъ буранамъ, которые дуютъ здѣсь круглый годъ и лѣтомъ наносятъ песокъ и подымаютъ щѣкую, соленую пыль съ близь лежащихъ солончаковъ, зимой же бушуютъ до того что даже часовые на гаултвахтѣ ходятъ держась за веревку чтобы не заблудиться. Благодаря бурану и мы почти съ удовольствиемъ вѣхали въ него, между тѣмъ какъ при всѣхъ другихъ условіяхъ можно только съ удовольствиемъ выѣхать изъ этого города... Я не знаю сколько жителей въ Карабутакѣ: ни тогда когда мы прїѣхали, ни тогда когда чрезъ нѣсколько часовъ мы выѣхали, мы не видали ни одного человѣка. До чего мало жителей въ подобныхъ маленькихъ фортахъ видно изъ того что напримѣръ въ Семилалатинской крѣпости въ 1747 году по второй переписи Симбирской губерніи, произведенной генераломъ Черновымъ, жителей оказалось всего двѣ души разночинцевъ.

Ночевали мы въ тотъ день на Аязи-Сайской станціи (Сай значитъ оврагъ и вообще станція названа очень вѣрно, такъ что мы чуть не полетѣли кувыркомъ, подѣвжая къ ней). Я помню эту станцію еще потому что прїѣхали мы туда голодные, такъ какъ наши припасы уже истощились (оставалось только сгущенное молоко). Мы разчитывали заластись кой-чемъ въ Карабутакѣ, но не купили ничего по той простой причинѣ что въ этомъ городѣ рѣшительно ничего не продается и всѣ припасы везутся изъ Орска; на станціи тоже конечно не было ничего, такъ что мы надѣялись согрѣться хоть чаемъ, но увы! и увы! вода оказалась горько-соленаго вкуса и чай представлялъ какой-то противный растворъ въ родѣ глауберовой соли. Такъ мы и улеглись спать голодные, хотя и нельзя сказать чтобы „не солено хлебавши“.

Да, были-таки пріятности! Теперь, изъ своего прекраснаго далека, мнѣ есть что вспомнить въ этомъ путешествіи. Прощель уже годъ и краски успѣли лоблѣдѣть въ моемъ воображеніи, но въ то время всѣ эти неудобства до такой степени угнетали насъ что часто, измучившись и выбившись изъ силъ, мы вечеромъ прїѣзжали на станцію и намъ не хотѣлось ни есть, ни пить, не хотѣлось даже спать и оставалось только одно достаточно сильное желаніе, чтобы весь Туркестанскій край съ его городами и жителями, да ложа-луй и съ нами самими, провалился куда-нибудь сквозь землю...

Весна близилась. Все ближе и ближе съ каждымъ днемъ подходила она къ намъ съ юга. Все нетерпѣливѣе смотрѣли

мы въ эту сплошную туманную даль, гдѣ, говорятъ, уже давно зеленѣетъ трава и распустились цветы. Уже всего полдня тѣзы оставалось намъ до города Иргиза, откуда, какъ намъ сказали, мы пойдемъ на колесахъ. Дорога съ каждымъ часомъ дѣлалась хуже и хуже; она сплошь представлялась черною полосой, по которой вереницей блестѣли глубокія ямки, протоптанныя огромными ногами верблюдовъ и налитыя до краевъ водой. Ямщикъ помпунто сворачивалъ въ сторону, стараясь выбрать мѣстечко гдѣ было побольше снѣга. Богъ знаетъ откуда явились маленькия стелныя рѣчки, въ которыхъ лѣтомъ не хватаетъ воды чтобы напиться курицѣ. Овраги наполнились водой. Мы среди бѣлаго дня ухитрились завязнуть въ рѣчкѣ Кайрактѣ около Кумъ-Сайской станціи и спѣли въ водѣ и снѣгу до тѣхъ поръ пока ямщикъ не сѣѣдалъ на станцію и не привелъ оттуда цѣлую партію конныхъ Киргизовъ съ лопатами и кольями. Потомъ пришлось перебѣжать рѣку Иргизъ; опасно былоѣхать: рѣка посинѣла и вздулась; около берега были полыни и дорогу на рѣкѣ какъ-то перекосило. Но ямщикъ нахлесталъ лошадей и лихо вынесъ насъ на противоположный берегъ, такъ что мы едва успѣли услыхать какой-то подозрительный трескъ. На станціи однако я не утерпѣлъ:

— Долго ли вы будете еще возить по Иргизу? спросилъ я смотрителя.

— Да пока кто-нибудь не провалится, отвѣчалъ тотъ хладнокровно.

Послѣ этого, конечно, спрашивать было нечего и я порадовался только что не мы открыли собой навигацію.

Небывалое до сихъ поръ оживленіе господствовало въ молчаливой, пустынной стели. Прилетѣли грачи; мы уже два дня видѣли какъ они тучами носились надъ зимовками Киргизовъ. Явились скворцы, которыхъ почему-то называютъ зимними, вѣроятно потому что ихъ не бываетъ зимой. Прилетѣли еще какія-то птицы. Даже стада весело гуляли по оттаивающей землѣ, совсѣмъ не такъ какъ нѣсколько дней тому назадъ мы видѣли ихъ во время метели подъ Карабутакомъ. Поладались и аулы, такъ какъ Киргизы уже бросили зимовки и перебрались въ кибитки, которые придвижнули почти къ самой дорогѣ. Караваны верблюдовъ иногда тянулись по дорогѣ на цѣлую версту и глупыя животныя одинъ за другимъ неуклюже сворачивали предъ нами въ

жидкую грязь. Встрѣчались и всадники; Киргизъ сначала добродушно кричалъ „аманъ“ (здравствуй), а потомъ трусѣлъ около насъ нѣсколько времени, разговаривая о чёмъ-нибудь съ ямщикомъ на свое мѣсто тарабарскомъ языкѣ. Встрѣчались, впрочемъ, тилы и другого рода. На поджаромъ конѣ напримѣръ єдетъ тощій, испитой старикъ; жиенъкая, сѣдая бородка клиномъ рѣзко вырисовывается на темнобронзовомъ лицѣ. Вотъ онъ поравнялся съ вами; при видѣ вашихъ веселыхъ, довольныхъ лицъ, взглядъ непримиримой ненависти сверкнетъ изъ-подъ густыхъ нависшихъ бровей; по еще минута, и всадникъ, угрюмо потуясь и сгорбившись на сѣдлѣ, молча проѣдетъ дальше. Это какой-нибудь мулла или богомолецъ, отправляющійся въ Самарканѣ или Бухару. Онъ вспоминаетъ былое время и злобно глядитъ на побѣдителей-кафировъ (невѣрныхъ). Въ самомъ дѣлѣ, только десять лѣтъ тому назадъ въ Самарканѣ, цвѣтъ и красу мусульманскаго міра, никогда не ступала нога гяура; не дальше какъ въ 1863 году знаменитый венгерскій путешественникъ-филологъ пробирался туда съ оласностью жизни, распѣвавъ мусульманскіе псалмы и въ одѣждѣ дервиша-пилигрима, опасаясь на каждомъ шагу быть узнаннымъ и зарѣзаннымъ какъ собака, безъ суда и расправы; а теперь на Самарканской цитадели бѣлѣется штыкъ и кели русскаго часоваго, а знаменитый кокъ-ташъ (синій камень) на гробѣ Тимуръ-Ленга, покорителя міра (Тимура или Тамерлана), обесенъ изящною желѣзною рѣшеткой, работы нашихъ же мастеровъ. Благородная (шерифъ) Бухара, опора Ислама, все равно что въ нашихъ рукахъ, такъ какъ въ любой годъ мы можемъ не заплотить арыковъ Заревшана и она остается безъ воды. Въ тридцати верстахъ отъ Хивы стоитъ и сторожить ее наше укрѣпленіе Петро-Александровское, сторожить ту самую Хиву, о которую разбились нѣкогда экспедиціи Бековича и Перовскаго. Да, многое перемѣнилось за послѣднее время въ Средней Азіи и плохо живется теперь тамъ фанатикамъ-мулламъ.

Подъ мысли о нашемъ величіи мыѣхали шагомъ по жидкой грязи и ждали когда окончится наше странствіе. Ждать пришлось не долго. Нежданно, негаданно лошади взобрались на какой-то высокій бугоръ и остановились. Мы прїехали.

Прямо подъ нами и глубоко внизу бурно шумѣлъ и пѣвался Иргизъ. По ту сторону его виднѣлась куча маленькихъ глиняныхъ, вытянутыхъ въ одну линію по берегу

рѣки, домиковъ. Это и былъ давно жданный нами городъ Иргизъ (укрѣпленіе Уральское).

Уже день какъ разлилась рѣка и лопасть на ту сторону можно было только на паромѣ. Но паромъ еще не былъ готовъ, а лежалъ на берегу вверхъ дномъ и осмаливался, такъ какъ Иргизъ въ этомъ году не оправдалъ соображеній начальства и разлился раньше чѣмъ ожидали. Тамъ и сямъ на берегу виднѣлись котелки съ кипящею смолой, около которыхъ кучками сновали солдаты. Мы крикнули имъ. Тѣ въ надеждѣ получить на водку живо достали какую-то лодку и прибыли къ намъ.

Мы твердо рѣшились переправиться, такъ какъ не очевидать же было въ полѣ; но несмотря на это я долго не хотѣлъ сходить внизъ. Берегъ былъ крутой и глинистый; кроме того онъ былъ довольно высокъ и должно-быть промокъ нас kvозь, такъ что сойти по немъ не было никакой возможности, а можно было только скатиться какъ по наклонной плоскости.

Наконецъ я рѣшился и растопыривъ руки и балансируя быстро покатился внизъ. Усатый унтеръ, бывшій внизу въ лодкѣ, кричалъ мнѣ:

— Не здѣсь, не здѣсь, ваше благородіе; здѣсь скользко; вотъ тутъ, тутъ...

Но и тутъ, и тутъ—вездѣ было скользко. Я не удержался и по всей вѣроятности со средины обрыва полетѣлъ бы кубаремъ, еслибы не подвернулись двое изъ прибывшихъ къ намъ солдатъ, которые раньше пробовали взбираться къ намъ, но не могли и остановились на полдорогѣ.

Они подхватили меня подъ руки и мы покатились уже втроемъ, прямо въ лодку, которую чуть не опрокинули. Потомъ также спустился мой товарищъ. Иргизъ тяжело катилъ свои мутныя, желтые волны и насы сильно отвесло теченіемъ. Около полуверсты мы должны были идти пѣшкомъ до станціи, съ трудомъ вытаскивая ноги изъ вязкой глины. Насъ радовала только одна мысль что наконецъ мы распрошались съ саннымъ путемъ и что здѣсь въ Иргизѣ конецъ нашимъ испытаніямъ. Но настоящія испытанія ждали насъ еще впереди.

IV. Отъ Иргиза до Казалинска (355 верстъ).

Когда мы вошли въ большую станціонную комнату въ Иргизѣ, насъ поразило множество собравшагося тамъ народа. Болѣе 20 человѣкъ сидѣло на лавкахъ и диванахъ или лежало на какихъ-то постеляхъ по разнымъ угламъ. Тутъ были и военныя и статскіе, мужчины и женщины, было даже два мальчика лѣтъ восьма и десяти. Въ другой маленькой комнатѣ, „черной“, ютился цѣлый десятокъ почтальоновъ со своими почтами. Все это объяснилось очень скоро, когда въшелъ смотритель и объявилъ намъ чтоѣхать дальше за разлитіемъ водъ нельзя, а надо ждать. Мы поинтересовались узнать сколько же времени придется ждать.

— Да недѣльки три слишкомъ придется подождать, ваше благородіе; ну а послѣ Пасхи-то мы васъ отпустимъ.

Ждать три недѣли? Три недѣли жить въ этой грязной, отвратительной трущобѣ, которая только по какому-то странному географическому недоразумѣнію называется городомъ. Мы решительно протестовали противъ этого предложенія.

— Но неужели же никакъ нельзя выѣхать? спросили мы смотрителя.

— Никакъ нельзя, отвѣчалъ онъ;—рѣчки и овраги за Иргизомъ разлились верстъ на сто. Можетъ-быть вы пойдете гулять, тогда сами увидите какова дорога. До Иргиза дорога хорошая, а дальше нельзя.

Мы вспомнили эту хорошую дорогу и невольно подумали какія же въ такомъ случаѣ бываютъ дурные дороги.

— Впрочемъ есть одно средство, продолжалъ смотритель,— только согласитесь ли вы?

— Какое?

— Уѣхать верхомъ на верблюдахъ.

Да! обѣ этомъ стоило подумать. Напившись чаю мы вышли на улицу чтобы на свободѣ обсудить свое положеніе. Грязною полосой раскинулся предъ нами Иргизъ направо и налево. Онъ построенъ генераломъ Обручевымъ въ 1845 году и расположено на самомъ возвышенномъ мѣстѣ праваго берега рѣки Иргиза. Онъ весь состоитъ изъ кучи домовъ, или вѣрѣ мазанокъ глиняныхъ и земляныхъ (деревянныхъ нѣтъ) съ плоскими крышами, крытыми камышомъ и соло-

мой. На улицахъ неизобразимая мерзость; вся грязь казалось растворилась до стелени первобытной хляби и мы едва-едва вытаскивали ноги. Но за то видъ на югъ представлялся чудесный; вслѣдствіе своего возвышеннаго положенія Иргизъ господствовалъ надъ степью. Она открывалась глазу на громадное пространство и подъ жаркими лучами полуденного солнца отливала какимъ-то синевато-сѣрымъ колоритомъ. Тамъ и сямъ были разбросаны по ней огромныя скопища стоячей воды и блестѣли какъ зеркала. Снѣгу не было вовсе; дороги тоже не было иѣхать въ какомъ-нибудь экипажѣ не представлялось никакой возможности.

Что же дѣлать? ждать? во мы боялись пропустить всѣ законые ливерстные сроки и опоздать на службу. Послѣ я узналъ что эта боязнь напрасна. Въ Туркестанскомъ округѣ не соблюдаются никакихъ сроковъ, такъ какъ прибыть туда вовремя можно только по особой счастливой случайности. Начальство отлично знаетъ что тамошніе пути сообщенія не ремонтируются вовсе, а предоставлены силамъ природы и особенному милосердию Божію. Но въ то время мы не знали еще здѣшнихъ порядковъ.

Но прежде всего, оставаться илиѣхать, намъ надо было возобновить свои заласы, такъ какъ два послѣдніе дня мы и то пребывали на пищѣ Св. Антонія. Тутъ повторилась старая исторія; послѣ долгихъ поисковъ мы достали только какую-то въ полномъ смыслѣ слова ужасную колбасу, о которой я и теперь не могу вспомнить безъ отвращенія, да по счастью перекули у одного изъ проѣзжающихъ кадушку съ медомъ. Хотѣли по крайней мѣрѣ поѣсть чего-нибудь горячаго и для этого зашли въ единственную гостиницу „Россія“ и спросили щей. Но хозяинъ гостиницы сказалъ намъ что сегодня нельзя, а приходите завтра, даже не объяснялъ почему нельзя. Впрочемъ и на другой день мы не добились ничего; когда мы пришли, хозяинъ опять намъ отвѣчалъ чтобы мы приходили чрезъ три часа, а что теперь надо сушилъ дрова; за то обѣщалъ приготовить какую-то очень вкусную вещь изъ курдючья сала (изъ которого дѣлаютъ мыло и свѣчи). Мы послали его къ чорту и съ его саломъ и все остальное время довольствовались чаемъ съ хлѣбомъ и медомъ.

Спать на станціи тоже не представлялось никакой возможности; всякий уголокъ былъ занятъ другими проѣзжающими,

вездѣ раздавалась брань и жалобы на задержку то въ мінорномъ, то въ мажорномъ тонѣ. Послѣ двухъ дней нашего пребыванія въ Иргизѣ, большинство путешественниковъ не выдержало: они наняли вплоть до Казалинска большой караулъ верблюдовъ и отправились. Предлагали и намъ, но мы отказались, все еще надѣясь на что-то.

Прошло еще два долгихъ, томительныхъ днія... и мы не выдержали; махнувъ на все рукой, мы попросили станціоннаго прислужника-Бурята нанять намъ верблюдовъ. Къ намъ присоединились еще два проѣзжающихъ: полковникъ К., ѿхавшій въ Казалинскъ, и майоръ дю-Бр., отправлявшійся въ Ходжентъ. Скоро было все порѣшено; мы наняли восемь верблюдовъ (по два на человѣка) при трехъ проводникахъ-Киргизахъ, съ обязательствомъ доставить настъ въ теченіе трехъ сутокъ на станцію Терекли, границу Туркестанскаго генерал-губернаторства (100 верстъ отъ Иргиза). За это мы должны были заплатить Киргизамъ по пяти рублей съ верблюда и во все время пути кормить ихъ на свой счетъ. Послѣднее обязательство мы не ставили ни во чѣ, но когда узнали что голодный Киргизъ легко съѣдаетъ по барану въ день, особенно на чужой счетъ, то ограничились условіемъ кормить ихъ только хлѣбомъ. Мы купили три пуда хлѣба и 12го марта въ полдень тронулись въ путь.

Выѣздъ нашъ изъ Иргиза представлялъ оригинальное зрѣлище и мы невольно подумали о томъ что сказали бы наши московскіе знакомые, увидя настъ въ такой обстановкѣ. Впереди ѿхалъ верхомъ на лошади проводникъ-Киргизъ, затѣмъ я на верблюдѣ, затѣмъ трое верблюдовъ съ грузомъ, потомъ мой товарищъ; затѣмъ опять проводникъ на ослѣ и въ нѣкоторомъ отдаленіи слѣдовалъ таантасъ съ полковникомъ и майоромъ, запряженный тройкой верблюдовъ. Они ѿхали въ своеѣ экипажѣ и никакъ не хотѣли бросить его. Собственно по дорогѣ не проѣхалъ бы никакой экипажъ, но мы потому и миновали большую почтовую дорогу и шли далеко стороной, цѣликомъ, какъ говорится, даже по виду совсѣмъ не въ ту сторону, не прямо на югъ, какъ намъ было нужно. Въ этомъ мы положились на нашихъ проводниковъ, которые сначала заботились только о томъ какъ бы выбрать мѣстечко лосуне или по крайней мѣрѣ где вода была не такъ глубока. И такъ ѿхать три днія и три ночи! Первое время отъ Иргиза мы шли почти сплошь по водѣ, переходя изъ

одной лужи въ другую, но къ концу дня воды стало меньше и только изрѣдка попадались намъ озера или вѣрхнѣ скопища воды, образовавшейся отъ таянія снѣга и не успѣвшей высохнуть и впитаться въ почву. Сначала, если лужа была довольно глубока и вода доходила верблюду выше колѣна, то мой верблюдъ обнаруживалъ непреодолимое желаніе лечь въ воду и на каждомъ шагу подгибалъ колѣни. Весело мнѣ было сидѣть на немъ въ это время! Но проводникъ и хозяинъ нашего маленькаго каравана, Киргизъ Кампышъ Рукумъ-бай, изо всѣхъ силъ начиналъ тянуть за веревку, которая у верблюда продѣта чрезъ носъ, кричалъ „беръ, беръ!“ и верблюдъ шелъ дальше. Ездить верхомъ на верблюда страшно неудобно; онъ качается сзади напередъ на каждомъ шагу, и вы можете испытать совершенно новыя ощущенія, раскачиваясь по цѣлымъ часамъ какъ маятникъ на его спинѣ. Даже Киргизы не могутъ долго выдержать подобной ъезды и идутъ пѣшкомъ. Покачавшись такимъ образомъ часа два я тоже не выдерживалъ: уменя начинала кружиться голова и я версты двѣ или три шелъ пѣшкомъ, до тѣхъ поръ пока какая-нибудь длинная или широкая полоса воды не преграждала мнѣ дороги. Здѣсь преобладаетъ двугорбая порода верблюдовъ, одногорбые же встрѣчаются рѣдко и цѣняются очень дорого, такъ какъ они гораздо сильнѣе. Вообще верблюдъ несетъ на себѣ отъ двѣнадцати до пятнадцати пудовъ грузу. Караванъ тянетъ гусемъ, причемъ у каждого верблюда продѣта чрезъ носъ веревка прикрепленная къ сѣду впереди идущаго верблюда. Упрямство и глупость верблюда невообразимы; все чему его можно выучить, это по слову „чокъ“ ложиться и по слову „беръ“ вставать. Если верблюдъ не захочетъ идти дальше, то онъ останавливается, причемъ веревка продѣтая ему чрезъ носъ, натянувшись, разрывается, но если веревка крѣплка, то разрывается носъ и тогда верблюдъ свободенъ на всю жизнь, оттого что имъ уже невозможно управлять.

Въ первый день мы остановились на ночлегъ около лустаго, заброшенаго аула, у подножія невысокаго холмика. Солнце давно сѣло и по стели ложились уже мягкія тѣни почі. Киргизы живо натаскали камышу, которымъ обнесенъ былъ аулъ, разложили костеръ и начали кипятить воду для чая. Всѣ они втроемъ, вмѣстѣ взятые, ни слова не говорили по-русски и мы объяснялись лантомимами. Положимъ, я еще

въ Иргизѣ записалъ различные киргизскія фразы, но онъ привнесли мнѣ мало пользы, потому что, заготовивъ вопросы, я не могъ предугадать отвѣтовъ, а потому совершенно не понималъ что отвѣчалъ Киргизъ. Одинъ изъ нашихъ слутниковъ, майоръ, долго жилъ на Кавказѣ и увѣралъ что знаетъ киргизскій языкъ. Пока кипятился чай, онъ принялъся разспрашивать проводниковъ сколько верстъ осталось до Терекли и когда мы завтра отправимся дальше, но они очевидно не понимали другъ друга, такъ что майоръ въ концовъ сердито плюнулъ и отвернулся въ сторону, проворчавъ что-то очень нелестное для Киргизовъ. Налившись чаю, я отправился побродить кругомъ; ночь была лунная, свѣтлая и прекрасная. Теперь, когда прошелъ годъ, когда всѣ не приятности изгладились или забыты и осталась одна поэтическая сторона путешествія, эта ночь ярко встаетъ предъ моими глазами. Подъ блѣдными лучами мѣсяца степь далеко разстилалась кругомъ, вся какого-то дымчато-сизаго цвѣта; небольшие кустики камыша и прошлогодней полыни казались издали какимъ-то лѣсомъ. Тишина была торжественная, почти абсолютная, и только изрѣдка, на дальнихъ, пустынныхъ озерахъ слышался крикъ дикихъ гусей и утокъ. Догоравшій костеръ всыхивалъ по временамъ, ярко освѣщая склонившуюся надъ нимъ дремлющую фигуру Киргиза; около костра стояли тюки съ нашими вещами, а дальше полукругомъ лежали верблюды, поворотивъ морды къ потухающему огню. Было что-то особенно приятное въ этомъ просторѣ молчаливой стели, среди этой чуждой для меня обстановки, и я долгоостоялъ бы еще, но было уже поздно: мракъ сильно сгустился на заладѣ и съ востока потянуло какимъ-то рѣзкимъ холодомъ. Бросивъ послѣдній взглядъ кругомъ, я тихо разосталъ кошму на сырой и холодной землѣ и завернулся въ нее возлѣ моего товарища....

Въ это время Киргизамъ было очень удобно, еслибы они захотѣли взять своихъ верблюдовъ съ нашими вещами и оставить насъ однихъ на произволъ судьбы.

Киргизы подняли насъ въ два часа ночи. Меня разбудили два положенные около меня и отвратительно ревѣвшіе верблюда. Ужасно не хотѣлось вставать изъ-подъ теллой кошмы на холодъ, но дѣлать было нечего; вещи всѣ были навьючены и ждали только насъ. Киргизъ, чтобы дать намъ согрѣться, бросалъ въ огонь конную связку камыша и мы

трогались въ путь. Странную картину должно-быть мы представляли тогда: кругомъ ночь; вездѣ тихо и темно и только мы медленно и безшумно вереницей скользили по стели какъ стая привидѣній. Безмолвіе нарушалось только тогда когда мы переправлялись чрезъ замерзшія рѣчки, покрытыя ледяною корой и сверкающія при лунѣ матовымя блескомъ; копыта лошадей и ноги верблюдовъ гулко врѣзывались въ ломавшійся ледъ и вслески воды долго еще слышались за нами. Перебирались мы и черезъ сухіе солончаки и это по моему мнѣнію составляло лучшую часть дороги. Въ этомъ краю множество солончаковъ; они состоятъ изъ сѣроватаго соленаго ила и составляютъ дно высохшаго моря. Они раздѣляются на сухіе и мокрые; сухіе, по которымъ мы напримѣръ проходили, блестятъ какъ полированное зеркало и такъ тверды что ни копыта лошадей, ни колеса экипажей, не оставляютъ на нихъ ни малѣйшаго слѣда. Мокрые же наоборотъ представляютъ непроходимую толь, не высыхающую даже во время самыхъ сильныхъ жаровъ. Сверху на нихъ лежитъ слой изъ соли и грязи, но чѣмъ глубже тѣмъ больше воды. Только твердые берега ихъ доступны, но дальше къ срединѣ они совершенно непроходимы. Отъ бассейновъ Аракса, Балхаша и Каспія они врываются огромными полосами внутрь материка и танутся иногда на цѣльые десятки верстъ. Солонцы представляютъ мертвую пустыню безо всякихъ слѣдовъ жизни. Только лѣтомъ твердые берега растрескиваются отъ солнечнаго жара и въ щели иногда заползаютъ насѣкомыя или прячутся змѣи.

Но вотъ кончался солончакъ и мы олять тянулись ровною, однобразною стелью, съ торчащими на ней маленькими кустиками сухой полыни. Дремота невольно смыкала глаза, но дремать на верблюдѣ нельзя, потому что, качаясь и раскачиваясь, тотчасъ полетишь внизъ. До разсвѣта еще далеко; отъ ничего дѣлать, я, какъnomады пустыни учился узнавать время по звѣздамъ. Вотъ мѣсяцъ закатывается за горизонтъ; онъ побагровѣлъ отъ преломленія лучей въ водяныхъ ларахъ атмосферы и казался огромныхъ размѣровъ. Исчезли крестъ и мечъ Ориона, скрылись Плеяды; лалы Скорпіона низко, низко стоять надъ горизонтомъ. Скоро наступить утро. Вотъ по стели легла предразсвѣтная мгла и закутала ее какъ бы дымкой; вотъ больше и больше начали блѣднѣть тѣни, ярче и ярче разгоралась заря на востокѣ

и наконецъ появлялось солнце, чьему мы всегда бывали очевь рады, такъ какъ къ тому времени успѣвали продрогнуть до костей. Ставилось теллѣ; иной покрывавшій землю быстро таялъ, ледъ на рѣчкахъ распускался, но мы еще долго продолжали свой путь и только часамъ къ восьми подходили къ какому-нибудь озеру и останавливались на привалъ.

На другой день мы остановились около киргизской могилы; предъ нами возвышалось большое глиняное четырехугольное зданіе; въ одной изъ стѣнъ, восточной, были пробиты ворота и надъ ними высился громадный, традиціонный, мавританскій куполъ. Около находилось нѣсколько маленькихъ могилъ, въ видѣ трехгранной усѣченной пирамиды. Эти могилы однѣ разнообразятъ стель и бываютъ часто очень оригинальной постройки.

Днемъ нашъ привалъ былъ оживленнѣе чѣмъ вечеромъ. Прежде всего надо было позаботиться о топливѣ, такъ какъ камыши мы болѣе уже не встрѣчали; мы отправлялись всѣ на поиски и выдергивали сухую полынь. Потомъ надо было достать воды. Съ каждымъ разомъ воды было все менѣше, такъ какъ она быстро впитывалась въ землю. Озерки высыхали на нашихъ глазахъ; кроме того мы уже значительно подвинулись на югъ, гдѣ снѣгъ уже давно стаялъ и стало быть вода уже успѣла исчезнуть. Часто вода которую мы доставали была молочного цвѣта и какая-то густая, точно въ ней было распущенено что-то. Если мы останавливались на берегу порядочно большого озера, то послѣ чая отправлялись охотиться, такъ какъ въ то время былъ перелетъ и на пустынныхъ, никакъ не тревожимыхъ озерахъ плавали тысячи птицъ. Никогда ни прежде, ни послѣ не видалъ я такого множества утокъ и гусей и намъ очень хотѣлось разнообразить ими хоть немножко свой скромный обѣдъ; впрочемъ охота была несчастлива и за все время мы не добыли ничего, то-есть мы нѣсколько разъ убивали утокъ, но они падали въ воду, а такъ какъ мы не имѣли собаки, то и не могли ихъ достать.

Но вотъ наступилъ и третій день нашего путешествія; мы сдѣлали утренній привалъ, но Терекли еще не было. Но каково было наше удивленіе, когда и послѣ вечерняго перехода мы расположились на ночлегъ въ открытомъ мѣстѣ. Кто-то предложилъ даже что насъ просто ведутъ въ лѣнъ въ

Бухару. Майоръ употребилъ все свое краснорѣчіе и весь свой запасъ киргизскихъ словъ чтобы узнать отъ проводниковъ близко ли Терекли, но не добился ничего.

Дѣлать было нечего; не вдалекѣ мы увидали киргизскій аулъ и отправились его смотрѣть, взявъ съ собою одного изъ проводниковъ. При нашемъ приближеніи настъ чуть не сѣѣли двѣ собаки, пока какой-то Киргизъ не отогналъ ихъ. Мы вошли въ крайнюю кибитку. Бѣдность и грязь царствовали въ этомъ жилищѣ средне-азіатскаго кочевника. Кибитка, это родъ круглой палатки около двухъ сажень въ диаметрѣ. Рѣшетчатый остовъ изъ жердей обтягивается кошмой, вверху изъ жердей же конусообразно прикрѣпляется крышка и тоже обтягивается кошмой и связывается веревками. На самомъ верху конуса оставляется отверстіе для дыма, на ночь закрываемое четыреугольнымъ кускомъ войлока (тюндукъ). Опытныя киргизскія женщины въ четверть часа разберутъ и сберутъ кибитку. Внутри на землѣ были постланы войлоки; три русскихъ сундука, покрытые ковриками, стояли около стѣнки, висѣлъ какой-то мѣхъ, вотъ и все. По срединѣ на треножникѣ висѣлъ котелъ; но въ немъ въ настоящее время не варилось ничего и подъ нимъ едва тлѣлъ огонекъ. Вѣсть о нашемъ прибытіи мигомъ разнеслась по всему аулу и въ кибитку набралось множество народа. Всюду мы видѣли рѣзкія, точно изъ бронзы вылитыя фигуры, жидающія, рѣдкія бороды, широко выдающіяся скулы и узкие глаза. Двѣ безобразныя старухи сидѣли тутъ же. Миловидная киргизская девушка жалась у выхода, зорко взглядывая на насъ черными глазами, когда этого никто не замѣчалъ, и пугливо кутаясь въ длинное бѣлое покрывало, когда мы въ свою очередь на нее смотрѣли. Мы сидѣли молча и только одинъ проводникъ тараторилъ съ Киргизами. Пробывъ десять минутъ мы встали; мой товарищъ далъ какую-то серебряную монету киргизскому мальчику и мы вышли, провожаемые почти всѣми жителями аула, низко кланявшимися намъ вслѣдъ. Собаки давно уже охрипли отъ лая, улеглись около кибитки и молчали, глядя на насъ недоумѣвающими глазами. Потомъ нѣсколько Киргизовъ изъ аула пришли къ нашимъ проводникамъ и мы долго видѣли какъ они грѣлись у костра, расливая чай и разговаривая о чёмъ-то.

Въ эту ночь настъ подняли раньше обыкновенного и мы отправились сердитые и недовольные, потому что это былъ

четвертый день нашего путешествия. Но этот день былъ и послѣдній; солнце только что взошло какъ Киргизъ Ѣхавшій впереди поднялъ руку съ нагайкой кверху и указывая намъ на какое-то зданіе, чернѣвшееся на горизонте, сказалъ:

— Терекли манау (вотъ Терекли).

Наконецъ-то! Мы соскочили съ верблюдовъ и лѣшкомъ отправились на станцію, по прибытии на которую тотчасъ же легли спать, почти не вѣря что спимъ наконецъ на кроватяхъ, а не на промокшей землѣ.

Со станціи Терекли мы поѣхали на колесахъ. Отсюда начинаются собственно наши средне-азіатскія владѣнія—Туркестанскій военный округъ. Этотъ округъ былъ образованъ въ концѣ 1866 года, послѣ цѣлаго ряда нашихъ побѣдъ, и открыть въ іюлѣ 1867 года. Въ то время онъ состоялъ только изъ двухъ областей: Сыръ-Дарынской и Семирѣченской. Но въ 1868 году, послѣ войны съ Бухарой, былъ присоединенъ Заревшанскій край; въ 1871 году Кульджинскій районъ; въ 1873 году, послѣ войны съ Хивой, Аму-Дарынскій край и наконецъ въ 1875—76 году, послѣ покоренія Кокана, Ферганскія область. Въ настоящее время наши средне-азіатскія владѣнія простираются слишкомъ на 100.000 квадратныхъ верстъ.

Здѣсь, въ Терекли, кончилась наша хорошая Ѣзда и порядочныя станціи; отсюда до границъ Семирѣченской области (1464 вер.) держитъ почту омскій купецъ Кузнецовъ. Впрочемъ этотъ трактъ такъ замѣчателенъ что я обѣ немъ буду говорить особо. Теперь уже на 1500 верстъ не увидишь деревянныхъ станцій; все пойдутъ глиняные мазанки. Въ нихъ для проѣзжающихъ маленькая комната, въ ней два стула, столъ, да вмѣсто кроватей вдоль обѣихъ стѣнъ сложены два глиняные залавка, на которыхъ можно отлично отломать бока; хотя они изъ приличія и покрыты какимъ-то коврикомъ, но этотъ коврикъ никакъ не сообщаетъ имъ мягкости, а служить только убѣжищемъ различнымъ насѣкомымъ.

Не совѣтую пить чай на станціи Терекли; тамъ замѣчательно соленая вода, такъ что нельзя выпить ни одного стакана. Впрочемъ ямщики разказывали мнѣ что они такъ привыкли къ этой водѣ, что когда прїезжаютъ на другую станцію съ прѣсной водой, то всегда кладутъ въ чай щепотку соды.

Начиная съ Терекли, во все время пути до Казалинска, намъ попадалось по дорогѣ множество куропатокъ изъ породы обыкновенныхъ, сѣрыхъ, стелныхъ (*Pterocles agenarius*, по-киргизки *пудрукъ*). Онѣ до того близко подпускали насъ что мы безо всякаго труда каждый день убивали достаточное количество ихъ себѣ на обѣдъ.

Къ ночи мы добрались до единственной, прекрасно, даже роскошно убранной станціи Константиновской, названной и устроенной такъ въ честь генералъ-губернатора округа К. П. Кауфмана.

На другой день мы отправились дальше по мѣстности совершенно похожей на ту которую встрѣчали и раньше. Совершенно ровною, гладкою какъ скатерть, только кое-гдѣ покрытою прошлогоднею полынью, олять легла предъ нами степь. Погода все время стояла прекрасная, и въ полдень солнце грѣло уже довольно сильно. Воздухъ былъ до того чистъ и ясенъ что часто выѣзжая со станціи мы видѣли вдали на горизонтѣ верстъ за 20 слишкомъ другую станцію. Дорога здѣсь уже совсѣмъ не было въ смыслѣ какой-нибудь опредѣленной линіи, а просто мѣстность версты на двѣ въ ширину была испещрена грязными полосами съ глубокими колеями отъ экипажей и ямщику предоставлялось выбирать по его усмотрѣнію любую. Впрочемъ, онъѣ халъ прямо, не разбирая ничего и только съ особенною тщательностью обходилъ затопленныє солонцы поладавшіеся на дорогѣ, такъ какъ, заѣхавъ туда, нельзя уже было выбраться. До-статочнымъ предостереженіемъ въ этомъ случаѣ служили встрѣчавшіяся тамъ и сямъ, уже завязнувшія, пустыя повозки. Здѣсь обыкновенно дѣлаютъ такъ: если ямщикъ завязнетъ въ солончакѣ, то путешественникъ отправляется на станцію пѣшкомъ, лошади отрягаются, а повозка оставляетъ солончакѣ до будущаго года. Въ степи ее все равно никто не украдетъ, а доставать было бы трудно, потому что солончакѣ скоро до такой степени отвердѣваютъ что ее пришлось бы вырубать топоромъ.

Скоро это путешествіе нагнало на насъ совершенную хандру; начиная отъ Орска, вотъ уже на разстояніи около 600 верстъ, мы не видали буквально ни одного дерева. По учению Зороастра, именно въ этомъ краѣ было жилище злого духа, Аримана, возсѣдавшаго на мрачномъ чер-

номъ тронѣ, поддерживаемъ семью дивами или князьями тьмы. Жители солнечной страны, прекрасного свѣтлого Ирана, очевидно не могли смотрѣть на страну дикую, безводную и безлѣсную иначе, какъ на проклятую Богомъ. Но рядомъ съ этими безпріютными, мертвыми, лишенными всякой растительности мѣстами, есть такие прекрасные оазисы, съ такою роскошью, почти тропическою природой, что Вамбери говоритъ: „Я долженъ замѣтить что богатствомъ и разнообразiemъ мѣстныхъ произведений Туркестанъ на много превосходитъ извѣстныя намъ страны Европейской и Азіатской Турціи, Афганистана и Персіи. Да и вообще во всей Европѣ, столь благословенной и цвѣтущей въ другихъ отношеніяхъ, трудно найти страну которая могла бы сравниться со степною мѣстностью Туркестана.“ Вотъ эти-то оазисы постоянно привлекали сюда завоевателей всѣхъ странъ и народовъ и, начиная съ самой глубокой древности, нѣсколько разъ ярко всыхивала и разцвѣтала здѣсь цивилизациѣ. Въ XIV вѣкѣ Тимуръ своими завоеваніями образовалъ одну изъ громаднѣйшихъ державъ міра со столицею Самарканомъ. Это была блестящая эпоха для Средней Азіи; въ то время, какъ говорятъ, мѣстность отъ Казалинска до Чимкента на разстояніи 824 верстъ по Сырь-Дарьѣ представляла сплошной цвѣтущей садъ, такъ что соловей, перелархивая по вѣткамъ, и кошка, пробираясь по крышамъ домовъ, могли добраться до Аральскаго моря.

И какъ все это безслѣдно ушло, исчезло какъ во снѣ. И теперь этотъ край почти также мертвъ, дикъ и пустыненъ какъ нѣкогда вышелъ онъ изъ нѣдра моря, и только въ самое послѣднее время, съ приходомъ сюда Русскихъ, замѣтился нѣкоторый ловоротъ къ лучшему.

Но вотъ второй день какъ мы выѣхали съ Терекли близился къ концу и мѣстность предъ нами понемногу стала измѣняться. Намъ стали поладать невысокіе плоскіе холмики, покрытые пескомъ на верхушкѣ. Какая-то песчаная горка, вся облитая золотомъ, вся сверкающая подъ послѣдними лучами заходящаго солнца, всталла на самой нашей дорогѣ верстахъ въ двухъ. Но это былъ обманъ зрѣнія, такъ какъ мы не привыкли еще опредѣлять стелныя разстоянія, и до горы, какъ сказалъ ямщицкъ, было добрахъ сорокъ верстъ. Дѣйствительно, сколько мы ниѣхали, мы никакъ лови-

димому не приблизились къ ней; напротивъ: по мѣрѣ того какъ гасли солнечные лучи, блѣднѣли и золотыя полосы по ея скатамъ, гора помутнѣла, потемнѣла и совсѣмъ ушла во мракъ. На другой день около полудня, когда мы проѣхали верстъ шестьдесятъ, мы увидали ее въ томъ же положеніи, но уже сзади насъ. Дорога стала суще; вода и солонцы исчезли. Чаще и чаще стали попадаться небольшія пространства сплошь покрытыя чистымъ, бѣлымъ, сылучимъ пескомъ; песчаныя грядки пересѣкали самую дорогу, такъ что лошади съ трудомъ тащили нашъ тяжело нагруженный экипажъ. Мѣстность стала слегка холмистою.... Мы приближались къ знаменатымъ Кара-Кумскимъ пескамъ.

Въ Средней Азіи есть три системы большихъ песчаныхъ пространствъ: самая большая—это пески Кызылъ-Кумъ (красный песокъ), затѣмъ Муюнъ-Кумъ или Акъ-Кумъ (белый песокъ) и наконецъ Кара-Кумъ (черный песокъ). Кара-Кумы всѣхъ меньше, хотя все-таки они представляютъ площадь въ нѣсколько тысячъ квадратныхъ верстъ. Сплошною полосой тянутся они отъ Сыръ-Дарыи къ югу на 250 верстъ, достигая иногда въ ширину до 200 верстъ. Къ востоку отъ нихъ до озера Балхашъ танется четвертое пустынное пространство Средней Азіи, отчасти песчаное, отчасти солонцовато-глинистое—Голодная Стель (Бекъ-лакъ-дала).

Кара-Кумы названы такъ не потому, что въ нихъ находится черный песокъ, а единственно вслѣдствіе своей дикости. Впрочемъ, и другіе пески не лучше. Во время нашего Хивинскаго похода, въ 1873 году, самая ужасная часть пути была та, когда Туркестанскому отряду пришлось проходить по южной части песковъ Кызылъ-Кумъ.

Впрочемъ, пески все-таки лучше солончаковъ, которые представляютъ совершенно необитаемую пустыню. Въ пескахъ хотя иѣтъ нѣгдѣ ручьевъ и рѣчекъ, за то вездѣ неглубоко отъ поверхности есть вода и не трудно колать колодцы. Притомъ не все пески подвижны, то-есть сылучи; часть ихъ заросла кустарникомъ и травою, и Киргизы даже кочуютъ здѣсь зимой, впервыхъ, потому что въ пескахъ всегда меньше снѣгу, а вовторыхъ потому что мѣстность вслѣдствіе бархановъ (песчаныхъ бугровъ) хоть немножко холмиста и сколько-нибудь защищаетъ отъ южного холода и вѣтра.

Четыре станціи расположенные въ Кара-Кумахъ отданы въ аренду Киргизамъ. Обыкновенно где-нибудь между двухъ высокихъ бархановъ ютится глиняный станціонный домикъ, а около него нѣсколько кибитокъ съ хозяевами Киргизами. Кстати, я долженъ здѣсь замѣтить что мы совершенно неправильно называемъ Киргизами жителей Средней Азіи; по крайней мѣрѣ масса кочевниковъ отъ Каспія до Алатау это имя совершенно неизвѣстно. Они сами называютъ себя казаками (по-турски—бездомный бродяга); мы же назвали ихъ сначала Киргизъ-казаками, потомъ Киргизъ-кайсаками, а потомъ и просто Киргизами. Собственно же Киргизами (кргзъ) называется народъ совсѣмъ иного племеня, кочующій около Иссыкъ-Куля и южнѣе его за Тьянъ-Шаномъ и на Памирѣ. Мы же называемъ ихъ Кара-Киргизами или черными Киргизами, потому что управители ихъ (манаты) простаго происхожденія, а не „бѣлой кости“, какъ султаны у Киргизъ-казаковъ. Это совершенно дикий народъ и производить себя отъ какой-то красной собаки.

Что же касается до Киргизъ-казаковъ, которыхъ и я для краткости буду называть просто Киргизами, то я люблю этотъ лѣнивый, алатичный, но добродушный народъ; онъ чуждъ фанатизма, несмотря на то что исповѣдуетъ мусульманство, и охотно признаетъ превосходство Русскихъ.

На станціи Куль-Кудукъ намъ заложили верблюдовъ, такъ какъ по пескамъ на лошадяхъ ъздить невозможно, и такимъ образомъ мы олять имѣли удовольствіе встрѣтиться съ этими милыми животными. Если верблюдъ неудобенъ подъ верхомъ, то еще неудобнѣе онъ въ упряжи. Наша тройка ревѣла всю дорогу то вмѣстѣ, то поодинакѣ, и часто остава вливалась оттого что то одинъ, то другой верблюдъ ложился на землю и не хотѣлъ вставать, несмотря на всѣ покукия. Конечно, проѣхали мы шагомъ и десять верстъ до станціи Николаевской проѣхали въ четыре часа. Впрочемъ, большую часть дороги мы шли пѣшкомъ. Два раза закладывали намъ верблюдовъ и два раза лошадей, и такимъ образомъ въ сутки съ небольшимъ проѣхали мы Кара-Кумы, которые захватили дорогу на разстояніи шестидесяти верстъ. Не весела дорога въ пескахъ: кругомъ со всѣхъ сторонъ возвышаются барханы, крутые съ одной стороны, отлогие съ другой, кавѣтренной; и съ этой стороны покрытые рапью, какъ волны. Вообще поверхность

сыпучихъ песковъ очень напоминаетъ поверхность моря во время волненія. Нога вязла до колѣна, несмотря на то что мы вѣхали въ лучшее время года, весной, когда песокъ пропитанъ водою и трудно подвижень. Чѣмъ лѣтомъ, когда въ воздухѣ носятся мириады насѣкомыхъ, когда малѣйшій вѣтеръ поднимаетъ цѣлые тучи песчаной пыли, когда вѣдешь точно раскаленную печью и песокъ нагревается до того что рука приложенная къ нему въ одну минуту покрывается пузырями. Тамъ и сямъ по дорогѣ валялись лошадиные и верблюжьи скелеты; вѣтеръ и солнце убѣлили ихъ до степени сѣйской бѣлизны и они представляли собой настоящее шементо, могі въ пустынѣ. Съ третьей станціи Алты-Кудукъ мѣстность начала понижаться; появились прошлогодніе кусты саксаула и колючки, камыша и еще какого-то растенія въ родѣ камыша, которое называется чай; въ воздухѣ похолодѣло, множество раковинъ стало попадаться на дорогѣ и наконецъ, когда мы подъѣхали къ четвертой Кара-Кумской станціи Акъ-Джулласъ, предъ нашими глазами засиялъ синевой ледяной покровъ Аральскаго моря.

Только около береговъ на разстояніи версты была вода. Дорога около десяти верстъ идетъ самымъ берегомъ моря, которое подходитъ сюда своимъ заливомъ Сары-Чегонакъ. Потомъ мы повернули къ востоку. Мѣстность опять пошла песчаная, иногда глинистая, съ большими солонцами. Насъ сильно донималъ кромѣ того сѣверный и сѣверо-восточный вѣтеръ, дующій въ этихъ мѣстахъ, особенно въ низовьяхъ Сыра, съ особенною силой. Между тѣмъ немножко далѣе, въ среднемъ течениіи Сыръ-Дарьи, вѣтровъ совсѣмъ не бываетъ. Днемъ солнце грѣло очень сильно, между тѣмъ какъ ночью ртуть спускалась до -2° — 3° . Вследствіе жары и постояннаго вѣтра мы совершенно загорѣли и кожа на лицѣ нѣсколько разъ принималась у насъ лупиться. На станціи всегда узнавали что мы вдемъ въ стели въ первый разъ, оттого что на загорѣвшемъ темномъ лицѣ рѣзко выдавался защищенный фуражкою совершенно бѣлый лобъ. Несмотря на то что окрестности Аральскаго моря расположены между 43° — 47° сѣверной широты, то-есть одинаковы со Среднею Италией, климатъ здѣсь вовсе не италіянскій. Морозы зимою доходятъ здѣсь до -35° , а жары лѣтомъ до 40° на солнцѣ. Снѣга зимой ладаетъ здѣсь очень мало и распутица

въ Туркестанскомъ округѣ считается тогда когда у насъ въ Россіи бываетъ зима, съ 15 ноября по 1 апреля.

На послѣдней станціи предъ Казалинскомъ, Юнійской, съ нами повторилась та же исторія что около Орска. Смотри-тель объявилъ чтоѣхать далѣе опасно, такъ какъ около Казалинска разлились арыки, и что поэтому не худо бы переночевать на станціи.

— Къ тому же, прибавилъ онъ,—вамъ спѣшить нечего; все равно придется сидѣть въ Казалинскѣ; Сыръ-Дарья разлилась и не пустить васъ дальше.

Типунъ бы тебѣ на языкъ, отъ души подумалъ я въ эту минуту.

Такъ какъ воды въ Средней Азіи мало, то орошеніе производится ирригаціонною системой, посредствомъ арыковъ (канавъ). Главные арыки проводятся изъ рѣкъ и озеръ; отъ нихъ идутъ второстепенные и т. д., кончая маленькими канавками, которыя каждый житель проводитъ на свои поля и сады. Когда же воды не надо, то арыкъ просто закладываютъ кускомъ глины. Въ главныхъ арыкахъ вода держится круглый годъ, но съ конца октября уровень ея понижается. Теперь, вслѣдствіе разлива Сыръ-Дарьи, откуда идутъ всѣ арыки около Казалинска, они были полнѣхоньки водой. Мы ничего не выиграли тѣмъ что ночевали. Несмотря на то что мы ложились днемъ, мы завязали два раза: одинъ разъ выбрались скоро, за то въ другой разъ арыкъ попался глубокій и мы просидѣли три часа, просидѣли бы и больше, но намъ наконецъ наскучило и мы ушли лѣшкомъ въ Казалинскъ, откуда уже прислали Киргизовъ на подмогу.

V. Отъ Казалинска (фортъ № 1) до Кармакчи (фортъ № 2) ($174\frac{3}{4}$ в.).

Предсказаніе смотрителя исполнилось только отчасти, и мы пробыли въ Казалинскѣ всего два дня. Сообщеніе уже началось, но путешественниковъ скопилась масса и мы должны были ждать своей очереди. Впрочемъ, мы нисколько не жалѣли что пробыли два дня; мы отдохнули съ дороги, которая порядкомъ-таки насъ измучила, были въ банѣ и даже два разаѣхали горячій сулъ, роскошь не всегда возможная

или вѣрѣ же сказать почти всегда невозможная во времена путешесвія по Средней Азіи. Въ городѣ есть прекрасная гостиница, где мы и остановились, много лавокъ и магазиновъ, въ которыхъ накупили всякой-всячина изъ провизіи, наученные горькимъ опытомъ.

Казалинскъ расположено на правомъ берегу Сыръ-Дарья, въ тридцати верстахъ отъ владенія ея въ Аральское море и построено генераломъ Перовскимъ въ 1853 году. Хотя въ городѣ считается только 10.000 жителей, но это одинъ изъ немногихъ городовъ Средней Азіи который имѣеть будущность, такъ какъ большая часть каравановъ изъ Хивы и Бухары идутъ на него. На видъ онъ довольно красивъ, хотя и построено весь изъ глины; особенно порадовали насъ деревья, ряды пирамидальныхъ тололей, которыми окружены Казалинскъ. Городъ кажется очень оживленнымъ; множество туземцевъ толкутся на базарѣ, преимущественно Сартовъ. Слово Сартъ не значитъ название племени, а только профессіи; Сартами называются здѣсь торговцевъ къ какому бы племени они ни принадлежали. На взглядъ впрочемъ ихъ никакъ не отличишь отъ Киргизовъ, такъ какъ одѣты все одинаково. Главную роль въ одѣждѣ средне-азіатского кочевника играетъ чаланъ (халатъ); онъ дѣлается изъ ситца или бумажной или полушелковой матеріи; чисто шелковые запрещены Кораномъ. Преимущественно господствуетъ въ стели ситецъ русского издѣлія, который не удастся вытѣснить никакимъ Англичанамъ, по причинѣ его дешевизны; конечно, онъ и линючъ, и рѣдокъ, и гниль, но за то расписанъ яркими цветами, а главное „чухъ, чухъ!“ то-есть такъ наложенъ что шумить при каждомъ движениі. И Киргизъ гордо гардуетъ на своей клячѣ предъ завистливыми товарищами одѣтый въ такой ситецъ и далеко по всей стели распространяется слава про русского торговца умѣвшаго такъ хорошо угодить на киргизскій вкусъ.... Халаты дѣлаются безобразно длинны и безобразно широки; рукава даются рукъ на целый аршинъ, потому что когда ѣдешь въ гости или къ начальнику, то показывать руки считается верхомъ неприличія; они должны быть спрятаны въ рукавахъ и сложены на животѣ. Всѣ халаты подбиты ватой, даже лѣтомъ, а зимой, если холодно, Киргизъ надѣваетъ другой халатъ, на него третій и т. д., такъ что въ стели не говорятъ: „холодъ во столько-то градусовъ“, а говорятъ: „холодъ въ два халата, холодъ въ три халата...“ Подъ халатомъ

кто побогаче носить рубашку, по шаррату (духовному закону) до пятъ, а кто побѣднѣе, тотъ надѣваетъ халатъ прямо на голое тѣло. На бритой головѣ тюбетейка и на ней войлочная шапка лѣтомъ, или мѣховая, мѣхомъ внизъ (малахай), зимою. Сапоги и шаровары изъ бараньей кожи дополняютъ убранство Киргиза. На кожаномъ поясе виситъ всякая дрянь: мѣшечки, сумочки съ ножомъ, огнивомъ, кремнемъ, тамгами (печатями), которые прикладываются здѣсь вмѣсто подпись. Женщины одѣты такъ же какъ мужчины, только халатъ онѣ закидываютъ за голову, которую сверхъ того покрываютъ бѣлымъ локриваломъ. Кокетство киргизской „кысъ“ (дѣвушки) состоитъ въ замѣчательно бѣломъ цвѣтѣ лица, сначала природномъ, а потомъ поддерживаемомъ различными притираниями. Все же кокетство Киргиза состоитъ въ томъ что онъ щилчиками выдергиваетъ себѣ усы, оставляя только узкую полоску (преимущественно впрочемъ Туркмены).

Какъ одинакова одежда Киргиза, такъ одинакова и лица его; знаменитый палашъ (пилафъ) есть и первый киргизскій султанъ, и послѣдній байгушъ (бѣднякъ), съ тою только разницей что богатый есть его когда хочетъ, а бѣдный когда можетъ. Киргизы истребляютъ плоды въ страшномъ количествѣ; хлѣба у нихъ нѣть, а вмѣсто хлѣба у нихъ служатъ прѣсныя пшеничныя лепешки (кульча). Изъ напитковъ преимущественно употребляются чай и кумысъ; сначала я не могъ въ ротъ взять кумыса, но въ послѣствіи чрезвычайно пристрастился къ нему; въ жаркое время года это лучшее прохладжающее, только сохранять его надо умѣющи: онъ такъ крѣлокъ что часто разрывается бутылки.

Мне не спалось въ Казалинскѣ, и я поздно вечеромъ взялъ извоѣника (отставнаго солдата, съ кокардой на фуражкѣ) и велѣлъ везти себя на Сыръ-Дарью. Спустившись съ обрыва, я часа два просидѣлъ у самой воды. Изъ-за рѣки неслись различные звуки; слышался и лай собаки и голосъ человѣка, кое-гдѣ вдалекѣ мигали огоньки, — тамъ были расположены киргизскіе аулы; дикія утки кричали иногда въ прибрежныхъ камышахъ; прямо предо мной тяжело катились мутныя волны пустынной рѣки, догоняя и перегоняя одна другую или съ глухимъ ролотомъ умирали, расплескиваясь предъ моими ногами... Телерь Сыръ-Дарья вся наша; она начинается неиз-

вѣстю гдѣ, въ глубинѣ Тянь-Шаня, со страшной высоты 18.000 футовъ, и сначала не течетъ, а просто прыгаетъ по камнямъ со скоростью восьми верстъ въ часъ; потомъ скорость ея уменьшается и у Казалинска равняется только тремъ верстамъ. Устье ея—самое мелкое мѣсто на всемъ Аральскомъ морѣ.

Пароходство заведено на Сырѣ-Дарьѣ въ 1853 году, въ годъ основанія Казалинска. Сначала были привезены сюда морской пароходъ *Перовскій* въ 40 силъ и паровой катеръ *Обручевъ* въ 12 силъ. Но оба они не могли совладать съ теченьемъ и оказались беспомощными на быстрой рѣкѣ. Тогда изъ Америки былъ привезенъ специально сдѣланный для Сырѣ-Дарьи пароходъ *Самарканда*. Онъ оказался наконецъ удобнымъ и теперь вмѣстѣ съ другими совершаеть рейсы между Казалинскомъ и Чиназомъ (1640 верстъ).

Отъ Казалинска путь нашъ лежалъ къ юго-востоку въ направлениіи Сырѣ-Дарьи. Почта проведена изъ Казалинска до Тюмень-арыка 1 января 1866 года, а на это урочище гдомъ раньше чрезъ Чимкентъ изъ Ташкента. На первыхъ двухъ станціяхъ было много воды, но потомъ дорога пошла прекрасная; съ правой стороны постоянно мелькала Сырѣ-Дарья, то исчезая въ крутыхъ берегахъ, то снова показываясь. Непроходимыя заросли камыша окружали ее; въ этихъ заросляхъ зимою кочуютъ Киргизы, а лѣтомъ живутъ тигры. Вѣрѣ же сказать: жили, оттого что теперь про нихъ ничего не слышно, а прежде, говорятъ, лошади вали, то-есть таскали скотъ у Киргизовъ. Признаюсь, часто по вечерамъ я невольно думалъ что еслибы какому-нибудь *Жудль-барсу* (тигру) вздумалось провѣдать кто ёдетъ, то мы не могли бы оказать ему приличной встрѣчи, потому что уже спрятали револьверы и имѣли только ружье, да и то заряженое мелкою дробью.

Киргизы въ камышахъ кочевали бы и лѣтомъ, но по Сырѣ-Дарьѣ такъ много комаровъ что тутъ не только кочевать, но и часъ пробыть нельзя.

Начала намъ поладаться и зелень, и чѣмъ дальше мыѣхали къ югу тѣмъ больше. Какія-то растенія изъ семейства Gramineae, съ узкими, длинными листиками, не больше какъ на четверть высунулись изъ земли, а уже верхушки ихъ ложелѣли и поблекли. Чаще и чаще стали встрѣчаться кустики колючки (*Xanthium spinosum*). Этотъ кустарникъ кажется и состоитъ только изъ шиловъ, такъ что верхомъ можно ёздить здѣсь не иначе какъ въ чебарахъ (шарова-

рахъ изъ бараньей кожи, выкрашенныхъ въ красный или черный цветъ). Вообще то время когда мыѣхали самое лучшее въ этомъ краѣ: въ мартѣ распускаются деревья и земля покрывается зеленью; апрѣль мѣсяцъ здѣсь прекрасный, но уже съ половины мая жары доходятъ до 45° и вся трава сгораетъ. Тощую, чахлую зелень можно тогда встрѣтить только около рѣчекъ и колодцевъ, да въ горахъ. Въ іюнѣ и іюль все пусто и мертвое, только вольный пустынныи вѣтеръ гуляетъ взадъ и впередъ, подымая тучи песку и ѳдкой соленої лыси, да свободно бѣгаютъ по стели однѣ ядовитыя фланги...

Далѣе до Кармакчи мыѣхали безо всякихъ приключений, во только страшно медленно. Знаменитое правило древнихъ мудрецовъ *festina lente* вполнѣ примѣнено къ Туркестанскому краю. И мыѣхали действительно „слѣшили медленно“, до того медленно что часто дѣлали въ сутки не болѣе 50 верстъ. Кузнецковскій трактъ самый несчастный трактъ; кто виноватъ, неизвѣстно; самъ содержатель, еслибы не былъ связанъ контрактомъ, давно бы бросилъ этотъ трактъ, такъ какъ онъ ему идетъ въ убытокъ. Всего болѣе виновата природа, потому что въ мѣстности гдѣ часто ни за какія дни нельзя достать ни воды, ни корму, трудно содергать исправныхъ лошадей. Конечно, за все приходится расплачиваться проѣзывающимъ. Задержки на станціяхъ безпрестанныя: то должны лошадей кормить, прежде чѣмъ запрягать; то лошади угнаны въ степь на подножный кормъ, часто за 10, 15 верстъ. Лошади худы до невозможности; это какіе-то оставы лошадей. Когда ихъ только ведутъ еще запрягать, онѣ и то едва плетутся нога за ногу. Смотрители, надо отдать имъ справедливость, дѣлаютъ все возможное чтобы помочь проѣзывающимъ. Намъ часто залрягали пять лошадей, вмѣсто трехъ, но ничего не ломогало; верстъ чрезъ 10 какая-нибудь лошадь уставала и не везла, а только тормозила собой экипажъ; ее отпрыгали, бросали и отправлялись дальше, а оставленное животное, понуривъ голову, брело назадъ на станцію. Чрезъ нѣсколько верстъ повторялась та же исторія... Часто, выѣхавъ на лятерикѣ, мы приходили на станцію пѣшкомъ и уже оттуда посыпали за экипажемъ. Дошло до того что на одной станціи намъ заложили верблюдовъ; мы сначала не могли понять что это значитъ, такъ какъ дорога была прекрасная и представляла родъ превосходнаго природнаго

шоссе, но загадка скоро объяснилась. Смотритель повел насъ въ конюшню и мы увидѣли полный комплектъ лошадей, восемь троекъ, которые все были такъ истощены что лежали на землѣ. Нечего было дѣлать; станція была большая (25 верстъ) и мы потеряли прекрасный, длинный, весенний день на этотъ переѣздъ. За то въ этотъ разъ я убилъ прекраснаго чернаго орла; мнѣ давно хотѣлось имѣть чучелу этой птицы, но они сравнительно встрѣчаются очень рѣдко. Орелъ сидѣлъ на высокой колонѣ изъ сухихъ сучьевъ и глыбъ земли и глины, которая служить здѣсь указателями дороги. Человѣкъ очень рѣдкій гость въ стели и потому орелъ подпустилъ меня на 20 шаговъ и только тогда тяжело поднялся и полетѣлъ прямо вверхъ, но было уже поздно; я выстрѣлилъ, и великолѣпная птица, свернувъ распущенныя крылья, тихо легла лодъ ударомъ... Онъ былъ весь черный, съ сѣрыми перьями на груди. Длина его крыльевъ равнялась 1 арш. 10 вершкамъ.

На всѣхъ станціяхъ заведены жалобныя книги; но жалобы никогда не разслѣдуются, да и не могутъ разслѣдоваться съ достаточною правильностию. Теперь на эти книги никто не обращаетъ вниманія или пишутъ въ нихъ ради куріоза какую-нибудь чепуху. Въ какомъ-то сочиненіи читалъ я любопытные обращики туркестанскихъ жалобъ. Такъ одинъ священникъ, котораго заставили просидѣть двое сутокъ на станціи, трогательно описалъ, отъ нечего дѣлать, восходъ и закатъ солнца въ стели. Въ другой разъ на листахъ жалобной книги было разыграно нѣсколько пулекъ въ преферансъ. Протѣжающіе офицеры подписались подъ итогами что они нарочно оставили это доказательство того какъ долго сидѣли они на станціи, такъ какъ четыре пульки скоро разыграть нельзя. Мнѣ самому лопадалось нѣсколько оригинальныхъ жалобъ французскаго уполномоченнаго de M., посланнаго какимъ-то ларижскимъ Географическимъ Обществомъ съ ученую цѣлью въ центральную Азію. Впечатлительный Французъ такъ ошелѣлъ отъ нашихъ дорогъ и нашихъ порядковъ что кричалъ, ругался, выходилъ изъ себя; но такъ какъ вся его горячность разбивалась о непоколебимое, чисто философское хладнокровіе станціонныхъ смотрителей, то бѣднякъ кончилъ тѣмъ что на одной станціи не шутя хотѣлъ зарѣваться.

VI. Отъ Кармакчи до форта Перовскаго
(178 верстъ).

Фортъ № 2й (Кармакчи) основанъ Перовскимъ въ 1853 году и расположено на правомъ берегу Сыръ-Дарьи, при владеніи въ нее рѣчки Кара-Узакъ. Невысокая землянада въ видѣ насыпи съ червѣющими ся на ней пушками, церковь, казармы, куча глиняныхъ мазанокъ.... вотъ и весь фортъ. Сказать про него просто что это скверный городишко, и то значить сдѣлать ему совершенно незаслуженный комплиментъ. Поэтому чѣмъ меныше мы будемъ говорить про него, тѣмъ лучше. Мимо, читатель, мимо!...

Дорога отъ Кармакчи до Перовска далеко отходитъ отъ Сыръ-Дарьи, образуетъ крутую дугу, потому что берега Сыръ-Дарьи (по обоимъ ея русламъ) въ этомъ мѣстѣ окружены болотами и поросли непроницаемою чащей тростника, камыша (*Arundo phragmitis*), чія (*Laziagrostis splendens*) и чигиля (*Astragalus agenarius*). Эти заросли доставляютъ привольное убѣжище барсамъ, тиграмъ и цѣльнымъ стадамъ кабановъ. Тучи комаровъ постоянно носятся въ воздухѣ. Хотя тигры стали встрѣчаться здѣсь гораздо рѣже со времени прихода Русскихъ, но все-таки мы раза два видѣли какіе-то подозрительные слѣды пересѣкавшіе дорогу; большие, круглые, они рельефно отпечатывались на мягкой почвѣ, и ямы-щікъ увѣрялъ что это слѣды тигра. Впрочемъ, мы отѣвались только страхомъ, и я даже думаю теперь что это были слѣды верблюда.

Съ берега Сыръ-Дарьи камыши и болота постепенно даютъ мѣсто саксауловымъ лѣсамъ, которые тянутся здѣсь на громадное разстояніе, слишкомъ на двѣсти верстъ, почти до укрѣпленія Джулекъ; сплошной же полосой идутъ они только до Перовска. Дорога пролегаетъ по самой срединѣ ихъ и такъ узка что два экипажа не могутъ разъѣхаться. Собственно это не лѣса; ни одно дерево не превышаетъ здѣсь трехъ саженъ высоты, но несмотря на то глазъ, привыкшій къ утомительному однообразію безконечной стели, съ удовольствиемъ отдыхаетъ при видѣ ихъ. Здѣсь преобладаютъ только двѣ древесныя породы; волервыхъ, джиды (*Elaeagnus angustifolius*) дерево изъ породы финиковыхъ, съ гладкими

листиками, длинными, гибкими вѣтвями и ягодами, которыми литаются фазаны и затѣмъ саксаулъ (*Halimodendron apemodendron*) самый характеристический представитель здѣшней песчаной и солонцоватой почвы. У него какіе-то особенные, мягкие листики, торчащіе кверху. Его стволъ и корень изжелта-чернаго цвѣта, смолисты и перелетены узлами какъ змѣи. Онъ очень тежелъ и до того крѣлокъ что не лоддается ни пилѣ, ни топору, и въ то же время такъ хрупокъ что брошенный на землю разлетается на куски. Саксауловыя дрова доставляютъ идеальное топливо. Сухія ли, сырья ли, они скоро всыхиваютъ и сгораютъ ярко, свѣтло, съ сильнымъ пламенемъ, оставляя твердый уголь, долго, почти цѣлые сутки, сохраняющій жаръ. Въ настоящее время саксауломъ отапливается Аральская флотилія; для этого на берегу въ разныхъ мѣстахъ сложены большія полѣнницы этихъ дровъ, которыя впрочемъ часто растаскиваются Киргизами. Такъ какъ мы привыкли дѣлать все на широкую руку, то саксауловые лѣса уже значительно порѣдѣли, что очень жаль, такъ какъ саксаулъ растетъ очень медленно и, будучи вырубленъ, вырастаетъ, по словамъ Киргизовъ, не раньше какъ чрезъ сто лѣтъ. По всему вѣроятію лѣтъ чрезъ пятьдесятъ отъ этихъ лѣсовъ останется одно пріятное воспоминаніе. Всякій свободный клочекъ земли между джидой и саксауломъ поросъ кустами колючки (*Xanthium spinosum*) до такой степени что невозможно прорваться. За то здѣсь водится множество фазановъ, куролатокъ и рябчиковъ. Не видавъ никогда человѣка они чрезвычайно ручны и подпускаютъ къ себѣ на вѣсколько шаговъ. Особенно красивы здѣсь фазаны, впрочемъ обыкновеннаго кавказскаго тила (*Phasianus mongolicus*).

До Перовска мы доѣхали скоро, менѣе чѣмъ въ двое сутокъ, потому чтоѣхали и ночью. Ночь выдалась тихая и теплая. Луны не было, но звѣзды до того ярко свѣтили на небѣ что отъ кустиковъ саксаула и колючки легли по дорогѣ длинныя тѣни. Уже по звѣздамъ можно было видѣть что мы значительно подвинулись къ югу; съ правой стороны надъ горизонтомъ всплыла цѣлая масса новыхъ звѣздъ и созвѣздій, совершенно незнакомыхъ мнѣ, а знакомыя, сѣверныя звѣзды значительно перемѣнили свое положеніе.

VII. Отъ форта Перовскаго до укреплениіа Джулекъ (108 верстъ).

Фортъ Перовскій основанъ генераломъ Перовскимъ въ 1853 году. Мы видѣли городъ только мелькомъ, такъ какъ останавливались на станціи всего часа на два. Городъ довольно чистъ и привлекатель на видъ и построенъ на мѣстѣ разрушенной нами коканской крѣпости Акъ-Мечети. Онъ имѣетъ хорошую церковь, и что чрезвычайно скрашиваетъ его—порядочный общественный садъ. Во время нашей остановки мы послали купить себѣ чего-нибудь съѣстнаго, но было уже поздно и многія лавки были заперты, такъ что намъ достали только сушенаго урюку и кишмишу, чѣмъ и предстояло намъ питаться цѣлые сутки до Джулека, а можетъ-быть и до самаго Туркестана.

Дорога первыя три версты отъ города пролегаетъ по глинистой почвѣ; недавно во время весенней распутицы она была страшно разбита проходившими караваанами и огромные ноги верблюдовъ оставили на ней глубокіе слѣды. Теперь, когда все это высохло и затвердѣло какъ камень отъ солнечнаго жара, дорога представляла цѣлый рядъ глубокихъ ямъ и ямокъ и толчки были до такой степени несносны что мы бросили все и пошли пѣшкомъ. Потомъ почва стала снова песчаная и дорога сдѣлалась лучше.

На другой день было Благовѣщеніе и мы выѣхали пораньше, чтобы къ ночи добраться до Джулека. Погода была прекрасная, только уже съ утра чрезвычайно жаркая. Дорога шла лѣсомъ, какъ и до Перовскаго, но чѣмъ дальше мы лодигались, тѣмъ этотъ лѣсъ рѣдѣлъ больше и больше. Справа онъ лопрежнему доходилъ до Сыръ-Дарьинскихъ камышей, но слѣва намъ начали поладаться большія свободныя пространства покрытыя пескомъ и подальше видѣлась совершенно голая песчаная степь. Здѣсь на пространствѣ между Перовскимъ и Джулекомъ подходятъ слѣва къ дорогѣ пески Муюнъ-Кумъ. Дорога часто шла какими-то ложбинами, по обѣимъ сторонамъ которыхъ поднимались невысокіе песчаные холмики поросшіе саксауломъ. Со второй станціи вдругъ лоднялся вѣтеръ; онъ дулъ порывами, сильно и быстро и въ какую -нибудь четверть часа дошелъ до степени т. схлв.

настоящаго урагана. Песокъ полетѣлъ и закружился. Молодыя, гибкія деревья джиды со свистомъ склонялись до самой земли; сучья саксаула трещали и ломались. Вѣтеръ былъ до того быстръ что песокъ не успѣвалъ летѣть за нимъ и часто порывъ вѣтра проносился надъ деревьями и уже былъ далеко, и только тогда густою тучей устремлялся песокъ. Со всѣхъ сторонъ полетѣлъ песокъ къ намъ въ кибитку. Въ воздухѣ стало еще жарче, несмотря на вѣтеръ; горячій песокъ и Ѣдкая горько-соленая пыль отъ соседнихъ солончаковъ били намъ въ лицо, раздражая кожу и производя какой-то непріятный зудъ и щекотаніе. Все небо было покрыто какими-то песчаными облаками.

Налѣво въ лескахъ мы увидали оригинальное зрѣлище.

Далеко отъ насъ въ разныхъ мѣстахъ быстро кружились по стели песчаные смерчи; ихъ было три; они походили на гигантскія воронки и казались какими-то громадными, сверхъестественными существами, носившимися съ мѣста на мѣсто. Иногда порывъ вѣтра наклонялъ ихъ въ сторону; она наклонялись, но потомъ снова выпрямлялись и быстро летѣли впередъ, отбрасывая отъ себя во всѣ стороны облака мелкаго песку. Это была чудная картина, дикое великолѣпіе которой я помню до сихъ поръ такъ ярко какъ будто это случалось только вчера. Мы любовались зрѣлищемъ вѣсколько времени, вовсе не думая объ опасности которой подвергались еслибы смерчи вмѣсто того чтобы кружиться по равнинѣ налетѣли на насъ. По всей вѣроятности, отъ насъ и нашего экипажа не осталось бы тогда и слѣда; но смерчи постепенно отдалялись и дѣлались меньше и меньше. Мы вѣхали въ глубокую ложбину, и когда выѣхали изъ нея, то уже не видали ихъ больше. Такимъ образомъ, намъ пришлось видѣть слабый образчикъ тропическихъ циклоновъ и тифновъ.

Скоро вѣтеръ сталъ стихать такъ же быстро какъ и начался. Ураганъ пролетѣлъ мимо. Всю своею массой онъ обрушился на соседніе Муюнъ-Кумскіе пески и насъ задѣлъ только краемъ. Чрезъ часъ все было тихо; солнце ярко свѣтило полрѣжнему, и вѣтви деревьевъ даже не шевелились. Только какъ восломиканіе объ ураганѣ, въ кибиткѣ у насъ массою лежалъ песокъ и толстымъ слоемъ покрывалъ наше платье, да по дорогѣ въ разныхъ мѣстахъ легли новые, свѣже всхолмленные песчаныя грядки и заносы. Кусты сак-

саула тоже густо были покрыты лескомъ и освѣщеная солнцемъ серебристая зелень джиды была точно пересыпана золотою пылью.

Въ тотъ же день мы познакомились съ другимъ тоже невиданнымъ еще нами зрѣлищемъ. Часовъ около 4 дня, когда жара достигала своего апогея, мы увидали далеко влѣво на самомъ краю горизонта ярко блестѣвшую синевой широкую полосу воды. По картамъ мы знали что въ этомъ мѣстѣ нѣть ни озера, ни рѣки, а между тѣмъ вода была предъ нами и берега ея окаймляли ряды прекрасныхъ, зеленыхъ деревьевъ. Все это какъ бы дрожало и прыгало въ мягкому, знойномъ воздухѣ. Это былъ миражъ. Ямщикъ сказалъ что это ничего, „такъ“, какъ онъ выразился, и что это часто бываетъ здѣсь, причемъ иногда видны вода и деревья, а иногда города и башни или караваны верблюдовъ. Миражъ продолжался минутъ пять, потомъ на солнце набѣжала туча и миражъ исчезъ внезално, это я могу сказать съ полною увѣренностью, такъ какъ во все время не слушалъ съ него глазъ.

Къ вечеру погода стала портиться. Появились тучки и наконецъ пошелъ мелкій дождь, первый и единственный во все время нашего путешествія. Должно-быть ураганъ привелъ въ движение атмосферу и нагналъ облака или это было слѣдствіемъ большихъ пространствъ занятыхъ растительностью.

На мгновеніе цѣль облаковъ разорвалась, и мы увидали предъ собою большую темную массу, полосой протянувшуюся вдали. Она оставалась неподвижною и по ея прихотливо изрѣзанной верхушкѣ ползли болѣе свѣтлые сѣроватыя облака. Ямщикъ, привставъ съ козелъ и показавъ намъ на гайкою на эту массу, сказалъ:

— Кара-Тау!...

Наконецъ-то! Значитъ скучная половина нашего пути уже легла за нами. Утомляющее однообразіе стели кончилось. Полоса видѣнная нами были первыя горы, горный хребетъ Кара-Тау. Теперь горы пойдутъ сопровождать насъ до самой Кульджи. Дорога пойдетъ веселѣй.

(До слѣдующаго №.)

И. ЗАРУБИНЪ.

- 45 -

ПО ГОРАМЪ И СТЕПЯМЪ СРЕДНЕЙ АЗИИ

ПУТЕВЫЯ ЗАМѢТКИ ОТЪ МОСКВЫ ДО КУЛЬДЖИ

VIII. Отъ укрѣпленія Джулекъ до города Туркестана ($209\frac{1}{2}$ верстъ).

Укрѣпленіе Джулекъ построено въ 1861 году при генералъ-губернаторѣ Безакѣ, для защиты отъ Кокандцевъ нашего города Перовска. Къ нему примѣнимо все то что и къ остальнымъ городамъ и фортамъ по Сырь-Дарьѣ. Всѣ они имѣли прежде извѣстное военное значеніе, но потеряли его съ тѣхъ поръ какъ граница наша далеко отодвинулась на югъ. Теперь же они являются какимъ-то анахронизмомъ и влачатъ самое жалкое существованіе; промышленность въ нихъ не развивается; торговли вѣтъ и не будетъ; умственного или административного центра они не представляютъ. Исключение составляетъ одинъ Казалискъ, которому несомнѣнно предстоитъ будущность, такъ какъ онъ расположенъ при устьѣ судоходной рѣки и по тракту большихъ торговыхъ каравановъ.

Пасху мы встрѣтили на станціи Джалпакъ-Таль или вѣрѣ только подъѣзжая къ станціи въ голой степи. Встрѣтили

* Окончаніе. См. *Русский Вѣстникъ* № 11.

мы се въ крайне непривлекательной обстановкѣ: дорога отъ вчерашняго дождя была грязна и толка до невозможности; мы тащились шагомъ, несмотря на то что было заложено пять лошадей; къ тому же дорога была проложена по какимъ-то густымъ зарослямъ изъ колючки и такъ узка что крайнія лошади ничего не везли и только мѣшили другимъ. Къ довершенню всего мы испытали грозу, первую и единственную во все время нашего путешествія. Всѣ послѣдніе дни были очень жарки; вчерашній дождь, тоже единственный, насколько не освѣжилъ атмосферу и только теперь накопившееся электричество нашло себѣ исходъ. Гроза была очень сильна, хотя и кратковременна; среди густыхъ тучъ и окружающей почти абсолютной темноты вдругъ ярко блеснетъ молнія, точно полнеба загорится сразу и зальетъ огненнымъ свѣтомъ всю долину; минуту спустя, какъ залпъ орудій артиллерійскаго ларка, грянетъ страшный громовой ударъ; эхо подхватить звукъ и далеко несетъ его по Сыръ-Дарьинскимъ камышамъ.... затѣмъ все тихо, потомъ олять ударъ и.... ни одной капли дождя во все время. Наконецъ туча уползла къ горамъ, а мы доползли до станціи.

На другой день (27 марта, первый день пасхи) къ стандіонному смотрителю пришли Киргизы-тамыры (пріятели) изъ сосѣднаго аула, разчитывая по поводу праздника на даровое угощаніе. Случайно узнавъ отъ него что мы врачи, они зашли и къ намъ полѣчиться и скоро ихъ набралась порядочная куча. Медицины здѣсь, собственно говоря, не существуетъ и народное здоровье предоставляется природѣ. Туземныхъ докторовъ нѣть, кромѣ нѣкоторыхъ шарлатановъ умѣющихъ специально изгонять злого духа; впрочемъ въ послѣднее время Киргизы научились вѣрить русскимъ докторамъ и охотно идутъ къ нимъ. Большинство больныхъ страдало различными хроническими болѣзнями органовъ пищеваренія, происходящими отъ употребленія жирной, тяжелой пищи и незрѣлыхъ плодовъ, а также накожными болѣзнями, такъ какъ Киргизы очень не чистоплотны, несмотря на то что производятъ омовенія по нѣскольку разъ въ день. При нашемъ скучномъ заласѣ лѣкарствъ мы дѣлали что могли, и бѣдный, дикий, оборваный и голодный народъ съ жаднымъ любопытствомъ слѣдилъ за нашими манипуляціями. Особенный эффектъ произвелъ содовые порошки, которые я приготовилъ для одного Киргиза.

— Ой, бой, Урусь шайтанъ! съ какимъ-то суевѣрнымъ ужасомъ шептали вокругъ насть въ толпѣ; — вода холодная, а у него кипитъ...

Когда мы выѣхали со станціи, насть встрѣтили олять знакомые виды: ровная, открытая мѣстность; иногда каменистый въ родѣ превосходнаго шоссе, иногда песчаный грунтъ; въ однихъ мѣстахъ земля была уже покрыта свѣжею зеленою травой, въ другихъ была точно обсыпана мукой или свѣжною пылью: то были солончаки. Лѣса пропали; саксауль исчезъ уже около Джулека; заросли колючки тоже скрылись куда-то. Справа едва виднѣлись убѣгающіе камыши Сыръ-Даръи, они отдалялись все дальше и наконецъ вмѣстѣ съ рѣкой повернули на югъ и скрылись изъ глазъ. Слѣва грозною каменною стѣной стояли Кара-Тау. Предгорія были покрыты травой и ихъ зеленый цвѣтъ ярко отдѣлялся отъ сѣдаго, сизаго фона горъ, по которымъ легкою дымкой стался туманъ; выше лежали облака; въ трещинахъ и впадинахъ утесовъ бѣлѣли снѣжныя полосы и пятна. Лѣса на Кара-Тау мало, а въ иѣкоторыхъ мѣстностяхъ и совсѣмъ нѣтъ. Вообще здѣшнія горы не похожи на европейскія; зачастую это безобразныя каменныя глыбы, совершенно голыя, совершенно обнаженные отъ всякой растительности. Горъ вообще много въ этомъ краѣ; вся юго-восточная и южная окраина его гориста. Нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ, наши піонеры цивилизаціи, малороссійскіе мужички, отыскивая новыя вольныя мѣста и спускаясь изъ Сибири къ югу, къ верховьямъ Иртыша, дошли наконецъ до Тянь-Шаня. (Китайское слово Тянь-Шаъ звачить по-русски небесныя горы; по-киргизски они называются Мусъ-Тау, ледяныя горы.) Это кашъ главный хребетъ въ Средней Азіи. Начавшись въ глубинѣ Китая, онъ идетъ сплошною, непрерывною стѣной, страшной высоты, 21.000 футовъ, въ русскія владѣнія и окружаетъ озеро Иссыкъ-Куль. Продолженіемъ Тянь-Шаня на западъ служить высокій хребетъ Александровскій (Киргизынъ-Алатау), а отъ него къ СЗ идетъ Кара-Тау. Кара-Тау не достигаютъ снѣжной высоты, оттого и названы такъ туземцами (Кара-Тау, черные горы). Вышина хребта 6.000 футовъ, а ширина до 50 верстъ. Онъ предоставляетъ массу остроконечныхъ солокъ, поставленныхъ на высокомъ основаніи, съ рѣзкими контурами и крутыми, скалистыми,

обрывистыми скатами. Хребетъ начинается въ 120 верстахъ отъ Перовска у мыса Кара-Мурунъ.

Отъѣхавъ нѣсколько верстъ мы увидали далеко на горизонте широкую, блестящую бѣлую полосу. Это былъ Ала-Тау, другой горный хребетъ, идущій съ юга. Мыѣхади прямо на него и думали что скоро доѣдемъ, такъ какъ горы медленно выростали на нашихъ глазахъ, но до нихъ было слишкомъ двѣста верстъ. За городомъ Чимкентомъ, Ала-Тау встрѣчается съ Кара-Тау и тамъ намъ придется проѣзжать между ними. Киргизы каждой небольшой горной цѣли любятъ давать отдельные названія, такъ что напримѣръ однихъ Ала-Тау здѣсь больше десятка. Большинство именъ крайне неудобны говариваемо, напримѣръ Кызыльташъ Яманъ-Тау; впрочемъ попадаются и такія названія какъ Кысъ-Имчикъ (дѣвичья грудь); впрочемъ это мертвые каменные груды, похожія на гигантскія кучи мусора и никакъ не соответствующія своему граціозному наименованію.

Съ Кара-Тау течетъ нѣсколько горныхъ ручьевъ и рѣчекъ, большая часть которыхъ пересыхаетъ лѣтомъ, но весною вѣкоторые изъ нихъ доставляютъ большія неудобства при переправѣ. Она текутъ быстро по открытой местности; совершенно крутые, отвесные берега ихъ представляютъ какъ бы трещину на поверхности земли. Эти ручьи мнѣяютъ свою глубину сообразно времени дня. Утромъ они мелки и легко проходимы въ бродъ, но начиная съ полудня, когда жаркое солнце сильно пригрѣваетъ сѣжныя вершины, вода въ нихъ быстро начинаетъ прибывать и къ вечеруничтожный потокъ, шумя и бурля, съ лѣвой летить по каменьямъ, а о переправѣ нечего и думать; такъ продолжается до полуночи, а съ полуночи вода оять убываетъ до слѣдующаго полудня. Такие ручьи обыкновенно переѣзжаютъ или верхомъ, или на арбѣ. Арба, это характеристической экипажъ Востока и для здѣшнаго края она очень удобна. Ея саженныя колеса безъ труда переходятъ мелкія канавы или арыки, гдѣ завязло бы или сломалось обыкновенное колесо европейскаго экипажа. Главное же ея достоинство что она не опрокидывается при переправѣ отъ напора воды, такъ какъ не имѣеть кузова, и вся масса воды уходитъ въ промежутки между спицами ея колесъ.

Между Джулекомъ и Туркестаномъ намъ пришлось перѣхать одинъ такой ручей или оврагъ, Карачикъ. Добрались

мы до него поздно, часовъ въ десять вечера; добрались и остановилась. Было уже совсѣмъ темно; неясными очертаніями ложилась впереди насть степь, а прямо подъ нами чернѣлъ обрывистый берегъ и съ шумомъ плескалась вода. Ямщикъ сталъ откладывать лошадей и принялъ звать кого-то:

— Арбакешъ, арбакешъ! звучно раздавался его голосъ въ мягкому ночномъ воздухѣ.

— Э-ге, донеслось ему въ ответъ откуда-то снизу.

Чрезъ нѣсколько минутъ ярко замигалъ на черномъ фонѣ стели огонекъ фонаря и послышался стукъ лошадиныхъ колытъ. Явился арбакешъ, хозяинъ арбы. Въ арбу была запряжена громадная, вершковъ семи, вороная лошадь. Потомъ явились еще какихъ-то трое конныхъ Киргизовъ.

На платформу арбы поставили наши чемоданы и предлагали ломѣститься и намъ. Но это было легче сказать чѣмъ сдѣлать. Арба сама по себѣ представляетъ экипажъ не совсѣмъ удобный или вѣрнѣе сказать совсѣмъ неудобный для Европейца; къ тому же она была вся загромождена нашими вещами. Но дѣлать было нечего; я какъ-то ухитрился взобраться на самую верхушку, Л. пріютился около меня и мы тронулись по крутому спуску прямо въ воду. Оврагъ былъ довольно глубокъ, такъ что отъ лошади виднѣлась только поднятая кверху морда да часть спины. Вода неслась страшно быстро, съ шумомъ ворочая по дну больше каменья; волны какъ сѣды призраки мелькали предъ нами. Впрочемъ мы благополучно перѣхали оврагъ, который весь былъ около двадцати саженъ шириной. За нами переправили вплавь нашихъ лошадей, а потомъ верхомъ вплавь же отправились Киргизы и волокомъ на веревкахъ перетащили нашъ тарантасъ. Вода налилась въ него до верха и мы недоумѣвали какъ вѣхать дальше.

— Ничего, выльется, уѣшиль насть ямщикъ.

Дѣйствительно, вода съ шумомъ выливалась вонъ и только на дѣвъ остался слой какой-то жидкой грязи. Но мы тутъ проявили чисто восточное равнодушіе; поставили въ эту грязь свои вещи, сѣли сами и покатали дальше.

Отъ Карабачка пошла прекрасная дорога, лошади тоже попались хорошия и мы быстро подвигались впередъ. На другой день было уже такъ жарко что нельзя было дотронуться до твердой, глинистой почвы, до того она раскалилась. Чтобы избѣгнуть прикосновенія разогрѣтой земли туземцы здѣсь лѣтомъ ходятъ въ калоشاхъ изъ лошадиной кожи.

За двѣ станціи до Туркестана намъ пришлось проѣзжать развалинами Саурана. Сауранъ древній, разрушенный городъ, отъ которого въ настоящее время сохранились только глиняные остатки домовъ. Дорога идетъ съ правой стороны Саурана, подъ самыми его стѣнами. Изъ-за этихъ стѣнъ видны съ сѣверной части города двѣ какія-то громадныя башни. Онѣ расположены другъ около друга и оканчиваются высокими минаретами изъ обожженаго кирпича. Верхъ одного минарета сломанъ. Народная фантазія окружила эти башни различными легендами: по однимъ преданіямъ съ нихъ сбрасывали осужденныхъ на смерть преступниковъ; по другимъ же онѣ были выстроены Тимуромъ для его любимой внучки, чтобы она могла любоваться съ нихъ видомъ громадной мечети Азрета, которая отсюда уже видна. Вообще глубокій мракъ неизвѣстности покрываетъ все прошлое этого мѣста.... Говорятъ что прежде Сауранъ былъ столицей какого-то независимаго владѣнія, но когда и кѣмъ разрушенъ онъ, неизвѣстно. Киргизы увѣряютъ что здѣсь стояла копница Тамерлана. Другіе относятъ его существованіе гораздо раньше, къ двѣнадцатому вѣку. Именно, когда около этого времени, подъ предводительствомъ страшнаго Темурджи, впрочемъ болѣе извѣстнаго подъ именемъ Джингизъ или Чингизъ-хана (крѣлкій, могущественный) двинулись полудикия тучи Монголовъ изъ своихъ пустынныхъ стелей и наводнили цветущія долины Трансоксаніи, то полагаютъ что первый въ длинномъ рядѣ городовъ разрушенныхъ ими былъ именно Сауранъ.

Ѣхать становилось веселѣй. И лошади и дорога были все лучше и лучше.

Стель была уже покрыта травой и общее впечатлѣніе портили только безпрестанно попадавшіеся сухіе кусты полыни. Это растеніе положительно преобладаетъ здѣсь; впрочемъ оно вполнѣ приличествуетъ унылому и печальному краю, потому что по преданію полынь выросла на томъ мѣстѣ где въ первый и послѣдній разъ брызнули слезы падшаго ангела поверженнаго на землю.

Но вотъ и послѣдняя станція осталась позади и скоро предъ нами на горизонтѣ показались зеленѣющіе сады Туркестана.

IX. Отъ города Туркестана до города Чимкента (153^{3/4} версты).

Туркестанъ—первый туземный городъ по дорогѣ въ Среднюю Азію. Прежде онъ принадлежалъ Кокандскому ханству; но въ 1864 году взять нашими войсками. Какъ известно, къ началу шестидесятыхъ годовъ мы далеко углубились уже внутрь Азіи; со стороны Россіи мы имѣли рядъ форпостовъ по Сыръ-Дарѣ до Джулека включительно; со стороны Сибири мы дошли до Пишлека. Но между этими пунктами находилось свободное пространство сквозь которое легко прорывались кочевники и грабили наши караваны и нашихъ подданныхъ Киргизсвъ. Необходимо было чтобы наша граница не оканчивалась среди песковъ и охватывала бы со всѣхъ сторонъ кочевки Киргизовъ, иначе она всегда оставалась бы только фактической, какъ фактическа и теперь часть нашей границы съ Хивой, около урочища Аристанъ-бель-Кудукъ. Съ этого цѣлью въ 1864 году двинуто было одновременно два отряда изъ разныхъ мѣстъ; решено было соединить оба конца линіи, что и было исполнено въ томъ же году: Сибирскій отрядъ взялъ Ауліэ-Ата, а Оренбургскій—подъ командой Веревкина, 12 іюля 1864 года Туркестанъ. Здѣсь для дальнѣйшихъ дѣйствій оба отряда соединились подъ начальствомъ командира Сибирскаго отряда Черняева, который 22 сентября того же года взялъ Чимкентъ, а въ іюнѣ 1865 года и Ташкентъ. Этимъ на время предполагалось закончить наше движеніе по Средней Азіи, но какъ известно обстоятельства и въ послѣдствія неоднократно заставляли насъ браться за оружіе.

Въ Туркестанъ мы прибыли въ понедѣльникъ на Пасхѣ, и комендантъ, узнавъ что есть проѣзжающіе, звалъ насъ къ себѣ, но мы къ сожалѣнію должны были отказаться отъ радушнаго приглашенія, такъ какъ наши мундиры были далеко убранны, а дорожный костюмъ былъ рѣшительно ни на что не похожъ; время и продолжительное путешествіе наложили на него свою печать и онъ скоро поражалъ своею оригинальностью и разноцвѣтнымъ видомъ чѣмъ изяществомъ. За то въ тѣ два часа которые мы пробыли въ Туркестанѣ мнѣ удалось осмотрѣть городъ.

Восточные города вѣдь похожи другъ на друга и достаточно видѣть одинъ изъ нихъ чтобы получить обо всѣхъ самое ясное понятіе. Бѣдность и грязь, нищета, отсутствіе всякихъ удобствъ и почти первобытная простота—необходимые атрибуты ихъ. Время въ своемъ полетѣ не коснулось ихъ своимъ крыломъ и телерешкѣ обитатели живутъ такъ же какъ нѣкогда жили ихъ предки во времена Тимура и Чингизъ-хана. Только въ послѣднее время жители, глядя на Русскихъ, стали вводить нѣкоторыя улучшенія. Вообще результаты нашего движения по Средней Азіи нельзя не назвать благодѣтельными. Кромѣ цивилизующаго вліянія, которое мы несомнѣнно несемъ съ собою на Востокъ, какъ народъ болѣе развитой, наша громадная заслуга по отношенію къ этому краю заключается въ томъ что мы обезопасили здѣсь жизнь каждому подданному, чтѣдь прежде при независимыхъ, разбойничихъ государствахъ было немыслимо, и вовторыхъ, уменьшили болѣе чѣмъ вдвое несоразмѣрную массу податей и налоговъ лежавшихъ на народѣ.

Прежде, кромѣ безчисленныхъ специальныхъ поборовъ, которые высасывали всѣ соки изъ народа и окончательно деморализовали массы по совершенному произволу съ которыми сбирались, здѣшній народъ платилъ слѣдующіе главные налоги: впервыхъ, земельный (*хераджъ*) натурою отъ $\frac{1}{10}$ до $\frac{1}{3}$ урожая; если же натурою съ нѣкоторыхъ продуктовъ, напримѣръ, съ плодовъ взять было нельзя, то платили деньгами (*танапъ*). Съ товаровъ бралась $\frac{1}{4}$ часть (*зикетъ*), такъ какъ по Корану каждый мусульманинъ долженъ былъ отдавать $\frac{1}{40}$ часть своего имущества на богоугодныя дѣла. Съ кочевниковъ, съ которыхъ нечего было взять ни натурой, ни деньгами, ни товаромъ, брали сороковую голову скота. Съ кафировъ (невѣрныхъ) брали по шаріату двойной зятѣтъ ($\frac{1}{20}$), чтѣдь впрочемъ не мѣшало брать и тройной и четверной и десятерной, какъ случится. Теперь всѣ эти налоги уменьшены.

Городъ по мусульманскому закону отличается отъ *кашлака* или *кента* (деревни) тѣмъ что онъ долженъ быть обнесенъ одною общую стѣной и имѣть по крайней мѣрѣ одну такую мечеть гдѣ бы могло помѣститься все населеніе. Въ этой мечети и совершаются великое моленіе (*камазъджума*) по пятницамъ. Кромѣ того городъ долженъ имѣть *аркъ* (цитадель).

Въ Туркестанѣ находится знаменитая мечеть Азрета, по имени которой самый городъ часто называется Азретъ-Султанъ. Она существуетъ 500 лѣтъ и построена Тимуромъ въ честь святаго Хаджи-Ахметъ-Азретъ-Яссави. Послѣ Бага-Эддина это второй национальный святой Туркестана и могила его, находящаяся тутъ же, очень уважается Киргизами. По своимъ размѣрамъ мечеть Азрета принадлежать къ тѣмъ семи постройкамъ Тимура которыя здѣшними лѣтописями считаются чуть ли не семью чудесами свѣта и къ числу коихъ относятся напримѣръ цитадель города Шарсабиза и мечети города Мешеда (въ Персії). Саѣды нашихъ ядеръ видны на куполѣ мечети. Это обстоятельство и было причиной того что мы такъ легко взяли Туркестанъ, рѣшившійся на упорную защиту. Когда изъ стратегическихъ соображеній рѣшено было бомбардировать мечеть и сдѣлано было по ней 12 выстрѣловъ, то испуганные имамы сами отворили ворота и сдали городъ.

Городъ весь изъ глины: и стѣны, и цитадель, и мечети, и дома, все глиняное. Стѣны крѣпости такъ толсты что на нихъ нѣсколько всадниковъ свободно могутъ разъѣхаться. Отъ главныхъ воротъ стѣны идетъ большая, широкая улица къ центру города, гдѣ находится торговая площадь; и площадь и улица густо усажены множествомъ лавочекъ, въ которыхъ продается всякая дрянь. Въ этихъ лавочкахъ съ олимпійскимъ спокойствіемъ сидятъ кулцы и торгуютъ такъ какъ имъ Богъ на душу положитъ, какъ наявѣрное торговало человѣчество когда только что вышло изъ пещеръ и начало жить общественною жизнью. Они не ведутъ рѣшительно никакихъ книгъ, одно покупаютъ, другое продаютъ и въ концѣ концовъ сами не знаютъ въ барышѣ они или въ убыткѣ.

Пожаровъ здѣсь не боятся и ихъ вовсе не бываетъ, такъ какъ рѣшительно нечemu горѣть. Всѣ дома лѣпятся изъ глины. Здѣсь не знаютъ ни отвѣса, ни ватерпаса, не соблюдаютъ ни правилъ архитектуры, ни законовъ механики. Всякий самъ себѣ архитекторъ и строить домъ какъ захочетъ. Дома непрочны, кривы и неуклюжи и часто разваливаются отъ собственной тяжести. Но хозяинъ-архитекторъ не унываетъ. Онь тутъ же рядомъ роетъ яму, достаетъ оттуда глину и строить новый домъ, который чреезъ недѣлю и послѣваетъ.

Помѣщеніе состоитъ изъ вѣсколькихъ строеній, образующихъ какъ бы большой квадратъ, такъ что въ срединѣ

получается нечто въ родѣ внутренняго двора. Дома обра-щены на улицу заднимъ фасомъ, и туда выходить только глухая стѣна, да узкій ходъ въ родѣ двери; окна же выхо-дятъ на внутренній дворъ и заклеиваются бумагой вмѣсто стеколъ. Крыши плоски и состоятъ изъ ряда жердей, на ко-торыя кладется трава или камышъ, а затѣмъ земля и глина. На нихъ лежатъ собаки, живутъ куры и сохраняется сено и какіе-нибудь хозяйственныe запасы. Помѣщеніе раздѣляет-ся на мужское и женское; въ послѣднемъ живутъ жены и женская прислуга. По Корану каждый мусульманинъ можетъ имѣть вѣсколько женъ, но здѣсь это роскошь, доступная только богатымъ. У Киргизовъ какъ и у всѣхъ народовъ Востока не невѣсты приносятъ приданое, а напротивъ же-нихи даютъ калымъ. Въ опредѣленіи количества калыма боль-шое значеніе играетъ число 9. Обыкновенно даютъ 9 вер-блюдовъ, 9 лошадей, 9 коровъ и 9 барановъ, но иногда даютъ 2×9 то-есть по 18 верблюдовъ, лошадей, коровъ и т. д., или даже 3×9 , смотря по состоянію жениха и по требованіямъ какія предъявляются родителями невѣсты. Условившись на счетъ калыма свадьбу обыкновенно откладываютъ на годъ или даже на вѣсколько лѣтъ, и во все это время жениху позволяетъ тайно посещать свою невѣсту и приходить по ночамъ къ ней въ юбітку, причемъ родители дѣлаютъ видъ что ничего не замѣ чаютъ. За то и брату невѣсты предостав-ляется завада привилегія, во все это время безнаказанно воровать у своего будущаго beau-frère все что ни заблаго-разсудится, причемъ его впрочемъ бываютъ если поймаютъ на мѣстѣ преступленія. Понятно что побои ничего не зна-чать въ странѣ, где прежде господствовали самые строгіе законы и где за ничтожное воровство отрубалась рука.

Туркестанъ весь окружена садами, и въ степи, где каждое дерево рѣдкость, это придаетъ ему чрезвычайно красивый и привлекательный видъ.

За Туркестаномъ опять пошла открытая мѣстность, со-вершенна ровная, несмотря на близость горъ. Воздухъ днемъ удивительно чистъ и прозраченъ; дорога часто идетъ по каменистому грунту и далеко видна какъ ова идетъ свѣт-лою лентой, убѣгая въ зеленѣющую даль. Здѣсь въ сте-пи за Туркестаномъ мы встрѣтили первые цветы и чрез-вычайно обрадовались этимъ вѣстникамъ весны. Чаще всего попадались какія-то растенія съ большими, одиночными кра-

сными и желтыми цветами, должно быть изъ рода *Galanthus*, но совсѣмъ не похожія на нашъ *Galanthus nivalis*. Кромѣ того встрѣчались различные виды *Iris*, *Allium* и *Crocus*. Что же касается фауны, то мы видѣли множество черепахъ на всемъ протяженіи между Туркестаномъ и Чимкентомъ. Это были такъ-называемыя земляные черепахи (*Testudo*); онѣ величиною отъ чайного блюдца до тарелки. Цѣты ихъ такъ крѣпки что вѣсколько разъ мы перевозжали ихъ колесами скакажа и онѣ оставались цѣлы. Послѣ, уже въ Кульдѣ, я отполировалъ одинъ щитъ, причемъ оказался очень красивый рисунокъ; здѣсь же, гдѣ ихъ цѣлыя тысячи, изъ нихъ кажется ничего не выдѣлываются.

По обѣ стороны дороги разстилалась степь, причемъ вѣтво она постепенно переходила въ предгорія Кара-Тау. Кара-Тау въ этомъ мѣстѣ начинаютъ мало-по-малу понижаться и за Чимкентомъ тянутся уже невысокими отрогами. Все же они еще довольно высоки и, освѣщеные солнцемъ, казались очень эффектны въ эту минуту съ ихъ темнокрасными или фиолетовыми каменными грядами на вершинахъ. Они здѣсь кажется совершенно необитаемы и только медведи и дикия козы находятъ въ нихъ убѣжище.

Съ другой стороны прямо предъ нами медленно выростали Ала-Тау. Снѣгъ покрывалъ еще большую часть ихъ и на солнцѣ ярко блестѣли серебромъ ихъ причудливо вырѣзанные верхушки. Они гораздо выше чѣмъ Кара-Тау и Киргизы называютъ ихъ Ала-Тау (Ала-Тау, пестрыя горы) потому что и лѣтомъ не всегда стаиваетъ съ нихъ снѣгъ, образуя блѣдяя пятна на стромъ фонѣ. Они поднимаются съ юга подъ прямымъ угломъ къ Кара-Тау, и за Чимкентомъ, тамъ гдѣ Кара-Тау оканчиваются, они отходятъ въ сторону, на востокъ, постепенно втягиваясь въ общую горную систему Тянъ-Шаня.

Первая станція отъ Туркестана—Иканъ, громадное туземное селеніе. Иканъ пользовался большимъ значеніемъ до прихода сюда Русскихъ въ 1864 году. Иканцы встрѣтили ихъ радушно и вообще относились къ камъ очень сочувственно, за что на первыхъ же порахъ жестоко и поплатились. Дѣло въ томъ что обезкураженные быстрымъ взятиемъ у нихъ городовъ Туркестана, Ауліэ-ата и Чимкента, Кок-нцы наконецъ рѣшились отомстить и въ декабрѣ 1864 года нестройная скопища ихъ, какъ говорятъ до 20.000 человѣкъ, валили около Иканы на находившуюся здѣсь сотню есаула Сѣрова.

Съровъ три дня (4го, 5го и 6го декабря) геройски отбивался и наконецъ ему все-таки удалось прорвать живое кольцо, охватившее его, и ускакать съ оставшимися 52 казаками, изъ которыхъ 40 было уже ранено. Раздосадованный неудачею Алимкулъ, предводитель коканскихъ войскъ, напалъ на Иканъ и разграбилъ его, а жителей за ихъ преданность Русскимъ угналъ въ Ташкентъ (тогда еще не нашъ). Я не успѣлъ разсмотрѣть Икану, потому что здѣсь у ямщиковъ есть привычка мчаться по городамъ во весь духъ. Изъ Туркестана намъ дали хорошихъ лошадей и мы въ карьеръ неслись по Икану, чуть не раздавивъ и кавѣрное перепугаевъ на смерть двухъ верблюдовъ, которые спокойно шли съ тюками хлопчатой бумаги по главной улицѣ села. Я замѣтилъ только что улицы были кривы, а дома скучены до невозможности, такъ что въ цѣломъ представлялся какой-то лабиринтъ. Только встрѣчающіяся тамъ-и-самъ кулы деревьевъ разнообразятъ Иканъ. Особенно хороши были какія-то отдельные дачи въ родѣ нашихъ хуторовъ. Впрочемъ самихъ строеній мы не видали, а видѣли только громадныя четырехугольныя глиняныя стѣны, въ двѣ сажени вышины, изъ-за которыхъ высились густо насаженные рядами стволы пирамидальныхъ тополей; что же было въ глубинѣ двора—неизвестно.

На другой день мы поѣхали по водѣ. Дождь, который четыре дня тому назадъ мочилъ насъ предъ Джулекомъ, выпалъ здѣсь въ горахъ въ видѣ снѣга, въ большомъ количествѣ. Потомъ настала жара и снѣгъ такъ скоро сталъ таять что вода совершенно затопила местность. Она покрывала стель отъ четверти до полуаршина глубиной и мы цѣлья verstыѣ хали по какому-то мутному, грязному морю. Иногда лежалой поверхности этого моря быстро вились болѣе свѣтлые, сплюснутые струйки. Это были арыки, пересѣкавшіе стель въ разныхъ направленіяхъ, и попасть въ нихъ нечаянно, значило застѣсть надолго. Встрѣчая эти арыки, ямщики обыкновенно отпрыгалъ одну пристяжную, садился верхомъ, и вооружась длинною палкой, которая съ этою цѣлью нарочно была имъ взята со станціи, отправлялся въ арыкъ, щукая палкой глубину. Если арыкъ былъ не глубокъ, то мы брали вожжи и отправлялись по его слѣдамъ; если же глубина была значительна, то сворачивали въ сторону вправо или влево до тѣхъ поръ пока арыкъ не былъ мельче или тоже не отходилъ въ

сторону. Такъ ъхали мы верстъ двадцать, ъхали конечно шагомъ, потому что при каждой попыткѣ лошадей бѣжать скорѣе, насы съ головы до ногъ обдавало водяными брызгами. Это очевидно было самое низкое мѣсто степи, гдѣ вода и скопилась.

За двѣ станціи до Чимкента намъ оять пришлось перебѣжать на арбѣ другую горную рѣчку Арысъ. Но Арысъ гораздо больше Карабичка и составляется изъ нѣсколькихъ истоковъ, которые берутъ начало и изъ Кара-Тау, и изъ Ала-Тау. Переправа черезъ него и лѣтомъ, когда воды мало, затруднительна, а весной она часто и совсѣмъ невозможна. Въ виду этого давно рѣшено устроить чрезъ Арысъ мостъ, но къ сожалѣнію работа подвигается туда и когда будетъ кончена—неизвѣстно. Эта переправа впрочемъ не произвела на насъ такого впечатлѣнія какъ первая, такъ какъ дѣло было днемъ и мы успѣли уже освоиться съ обстановкой. За то она была гораздо опаснѣе и насы чуть-чуть не унесло теченіемъ.

Къ ночи мы прибыли въ Чимкентъ, близко, близко надъ которымъ, темною громадой высились Ала-Тау, закутанные туманомъ и облаками....

Х. Отъ города Чимкента до города Аулія-ата (181 $\frac{1}{4}$ верста).

Чимкентъ—небольшой туземный городъ, взятый нашими соединенными войсками 22 сентября 1864 года. Онъ расположеъ на ручьяхъ Бадамѣ и Кучкаръ-ата, кругомъ горы, на вершинахъ которыхъ находится цитадель. Главную красу города составляютъ многочисленные сады, отъ которыхъ и самъ онъ получилъ свое название (Чимъ-кентъ, зеленый городъ). Они расположены по склонамъ горы и устроены слѣдующимъ образомъ: прежде всего мѣсто для сада обносится высокою глиняною стѣной, вдоль которой посажены разныя нефруктовыя деревья: тальникъ, тополь, а гдѣ есть, то карагачъ, для того чтобы они защищали фруктовыя деревья отъ холодныхъ вѣтровъ. Въ срединѣ сада находится большой прудъ, отъ которого въ разныя стороны идутъ арыки; по обѣимъ сторонамъ этихъ арыковъ посажены рядами фруктовыя деревья: яблони, груши, сливы, персики, гранаты, абрикосы, виноградъ, тутое дерево и др. Несмотря на то что лосѣй мяса плоды

составляютъ главную пищу Киргиза, садоводство находится здѣсь почти въ первобытномъ состояніи; туземцы не умѣютъ культивировать фруктовыя деревья и поэтому большинство плодовъ водянисты, а кѣтчатая основа ихъ очень тверда, деревяниста. Прививки здѣсь совсѣмъ не знаютъ и разсадка производится слѣдующимъ нехитрымъ способомъ: отрѣзываютъ вѣточку отъ дерева и втыкаютъ въ землю, мимо нея проводится арыкъ, вотъ и все; остальное предоставляется прекрасному климату и природѣ.

Въ Чимкентѣ находится телеграфная станція, такъ какъ чрезъ нею проведена проволока изъ Сибири въ Ташкентъ. Дорога здѣсь въ Чимкентѣ раздѣляется: одна идетъ на югъ, въ Ташкентъ, Ходжентъ, Самаркандъ и города Кокана, а другая поднимается сначала на сѣверо-востокъ до Ауліэ-ата, затѣмъ идетъ прямо на востокъ къ Вѣрному, а оттуда въ Кульджу и по городамъ южной Сибири. По этой второй дорогѣ мы и отправились.

Дорога отъ Чимкента чрезвычайно привлекательна. Мѣстность становится неровною и холмистою и чѣмъ дальше тѣмъ больше. Справа и слѣва разстилаются громадные, казкие, но длинные и пологіе холмы, покрытые прекраснѣйшою густою травой и цветами. Точно ъдешь сплошь по какому-то бархатному ковру. Между холмами течетъ съ горъ множество ручьевъ и рѣчекъ и по этимъ рѣчкамъ въ разныхъ мѣстахъ расположены туземныя селенія (кенты) сплошь обсаженные деревьями. Кроме того, особенное впечатлѣніе производила чрезвычайно быстрая ъзда. Какъ прежде намъ давали такихъ лошадей которыя не везли совсѣмъ или везли шагомъ, такъ теперь лошади были все лучше, но только какія-то бѣшенныя. Здѣсь при каждой станціи находятся табуны которые круглый годъ пасутся въ стели. Обилие корма, постоянное пребываніе на волѣ и сравнительно рѣдкая ъзда сдѣлали то что эти лошади почти совсѣмъ одичали. Обыкновенно когда мы прїѣзжали на станцію, посыпался верховой или иѣсколько верховыхъ въ табунъ. Тамъ они ловили арканомъ трехъ первыхъ попавшихся лошадей и пригоняли. Процедура закладыванія лошадей крайне интересна и въ ней обыкновенно принимаютъ участіе всѣ обитатели станціи и всѣ ямщики-Киргизы. Коренную осторожно подводятъ къ тарантасу и для того чтобы она не лугалась ей закутываютъ голову и глаза овчиной. Но ничто не помо-

гаетъ; какъ только она почувствуетъ на себѣ сбрую, такъ тотчасъ начинаетъ бить передомъ и задомъ и визжитъ какъ свинья. Киргизы держатъ ее за хвостъ, за уши, за гриву, за чѣдѣ только можно ухватиться. Наконецъ кое-какъ она заложена; пригимаются за пристяжныхъ. Теперь по крайней мѣрѣ для всѣхъ лошадей заведены сбруи, а прежде пристяжныхъ не закладывали, а просто привязывали къ экипажу веревками за хвостъ. Ихъ также держать нѣсколько человѣкъ и только надѣнуть хомутъ и вожжи, а постремки не закладываютъ и идутъ за проѣзжающими. Староста Татаринъ приходитъ и говорить: садись! Послѣ, наученные горькимъ опытомъ, мы не поддавались на эту удочку, а говорили: „ладно, братъ, садись-ко самъ сначала“, и когда онъ предварительно дѣлалъ большой кругъ и мы видѣли что лошади его не разбили, тогда только решалисьѣхать. Но сначала мы, не подозрѣвая ничего, прямо садились. Моментально закладывались постремки, отдергивалась овчина, отскакивали въ разныя стороны ямщики, и вся тройка, поднявшись нѣсколько разъ на дыбы, въ полный карьеръ пускалась по стели, не разбирая ни дорогъ, ничего рѣшительно. Въ этой бѣшеной скачкѣ нечего было и думать править лошадьми, а всѣ, и ямщики, и проѣзжающіе, старались только сидѣть покрѣпче и держаться за что-нибудь чтобы не вылетѣть вонъ. Такъ продолжалось 4—5 верстъ, потомъ лошади шли немногого таше и ими становилось возможно управлять; но все-таки мыѣхали чрезвычайно быстро, такъ что рѣдко дѣлали менѣе 13—14 верстъ въ часъ. Трясеть не очень сильно, такъ какъ нѣтъ ни рытвинъ, ни ухабовъ, ни камней и дорога гладка какъ доска, но не надо забывать чтоѣдешь все-таки по горамъ. Сначала меня невольно разбиралъ страхъ, когда вся тройка бѣшено летѣла съ холма внизъ, часто по крутымъ откосамъ косогора и потомъ такъ же быстро, почти по инерціи, взбиралась на противоположный холмъ. По счастливой случайности во все время мы ни разу не вылетѣли вонъ, а только два раза ломался экипажъ, да нѣсколько разъ случалось такъ что пристяжная оборвутъ все, и постремки, и гужи, и вожжи, и уѣгутъ назадъ въ табунъ, а мы катимъ дальше на одной коренкой. Но привычка взяла свое и намъ потомъ очень нравилась эта быстраяѣзда, когда съ обѣихъ сторонъ овраги и ущелья, аѣдешь такъ что духъ захватываетъ.

Кстати о лошадяхъ: подъѣзжая къ станціи Машатъ, мы по случаю *байги* (скачекъ) имѣли возможность полюбоваться различными обращиками туземныхъ лошадей. Для Киргиза, который всю жизнь проводитъ на лошади, неѣтъ выше удовольствія какъ *байга*. Скачка устраивается здѣсь при каждомъ торжественномъ случаѣ, на свадьбѣ, при рождениіи первого сына, при поминкахъ, на сороковой день послѣ смерти. Оловѣщается обыкновенно нѣсколько ауловъ; всѣ родные и знакомые, множество участвующихъ въ скачкахъ и цѣлья толпы зрителей съ ранняго утра стекаются къ назначенному мѣсту. Распространенная здѣсь порода лошадей—киргизская. Это маленькия, низенькия лошадки, въ родѣ казачьихъ, съ дохматою головой и толстыми, неуклюжими ногами. Но онѣ чрезвычайно выносливы и, какъ говорятъ, могутъ сдѣлать до ста верстъ безъ корма и питья. Богатые имѣютъ другую породу лошадей, такъ-называемыхъ карабаировъ. Но самыя лучшія лошади Средней Азіи—это безспорно аргамаки. На нихъ єздятъ Туркмены, дикое разбойничье племя, кочующее къ югу отъ Каспійскаго и Аральскаго морей. Хорошій аргамакъ долженъ имѣть только два аллюра: шагъ для похода и путешествія и карьеръ для набѣга. Туркмены очень высоко цѣнятъ аргамаковъ и чрезвычайно неохотно продаютъ ихъ за предѣлы своей территоріи, такъ что этихъ лошадей трудно встрѣтить въ другихъ мѣстахъ. По словамъ Зиновьевъ, аргамаки всѣ большаго роста; у него прекрасная спина, хребетъ и круль прямые какъ стрѣла, высоко поставленный хвостъ, высокая, длинная и тонкая шея, довольно большая голова, узкая грудь, тонкія ноги и длинныя бабки. Кроме того почти всѣ они несравненной яркой, золотисто-желтой масти. Туркмены сидятъ на сѣдлѣ подавъ назадъ лѣвое плечо; во время набѣга, на своихъ быстроногихъ коняхъ они носятся какъ вѣтеръ въ пустынѣ и не нашимъ казакамъ догнать ихъ.

Къ сожалѣнію байга еще не начиналась, когда мы проѣзжали мимо, не всѣ были въ сборѣ, хотя толпы конныхъ Киргизовъ безпрестанно подъѣзжали къ мазаркѣ, сборному лукту, большой могилѣ, причудливой, странной архитектурѣ, съ массивнымъ куполомъ и узенькими башенками на четырехъ углахъ. Отъ нечего дѣлать Киргизы гарцевали кругомъ могилы, пробуя своихъ коней. На байгѣ, кроме скачекъ, бываютъ различные конные игры, напримѣръ ловять барака или улраж-

яются въ джигитовкѣ. У Киргизовъ чрезвычайно некрасивая посадка: они сидятъ сгорбившись, на высокихъ стременахъ, но тѣмъ не менѣе они лихіе наездники и въ этомъ отношеніи уступаютъ однѣмъ развѣ Калмыкамъ, которые на всемъ скаку бросаютъ лику и ловятъ ее.

Между тѣмъ мы незамѣтно втягивались въ горы. Станціи Терсъ и Куюкъ расположены уже въ самыхъ горахъ. Собственно мыѣхали не по горамъ, а между горами. Съ правой стороны, близко, близко отъ дороги стояли Ала-Тау, сплошною, не прерывающеюся стѣной, съ ихъ ярко зелеными предгоріями и сѣрыми и бурными скалами на бокахъ и вершинахъ; на нихъ еще массами лежалъ снѣгъ и свѣтлыми полосами тянулись золотые блики отъ солнечныхъ лучей. Горы въ этомъ мѣстѣ говорятъ густо поросли лѣсомъ, но лѣса мы не видали. Мало-по-малу Ала-Тау медленно начали отодвигаться вправо и наконецъ скрылись изъ вида. За то съ другой стороны дорогу намъ безпрестанно пересѣкали отроги Кара-Тау. Они потеряли здѣсь свой дикий характеръ и представлялись въ видѣ исполинскихъ конусовъ, громадныхъ холмовъ, покрытыхъ травою. Мы не вѣбрались на нихъ, а обѣѣзжали ихъ при подошвѣ, при чемъ съ непривычки ошибки въ глазомѣрѣ были постоянныя. Холмъ кажется такимъ маленькимъ и миниатюрнымъ издали и ласкаетъ глазъ своими мягкими очертаніями; но вотъ подѣѣзжаешь ближе; онъ растеть предъ глазами и наконецъ громадная гора занимаетъ полгоризонта, такъ что нужно около получаса чтобы обѣѣхать ее кругомъ. Не успѣешь доѣхать до половины, какъ изъ-за горы высовывается другая гора, а тамъ третья, какъ сторожевой великанъ, загораживаетъ дорогу, и такъ безъ конца.

Мы медленно, нечувствительно, но все-таки поднимались вверхъ, въ чемъ ясно убѣдились около станціи Аса-буда, гдѣ дорога вдругъ быстро, крутыми уступами пошла внизъ и привела наскѣ въ глухое ущелье, по дну которого гремѣлъ горный ручей. Спускъ былъ очень крутъ, такъ что пришлось тормозить экипажъ. Тормозятъ здѣсь самимъ первобытнымъ способомъ; берутъ просто веревку, одинъ конецъ которой привязываютъ къ ободу колеса, а другой къ боку телѣги. Не удивительно что тормоза здѣсь часто лопаются. Ущелье было чрезвычайно дико; нѣсколько деревьевъ съ обнаженными корнями лѣлились по сторонамъ; угрумые сѣрыя скалы стояли кругомъ и красные каменные грады лежали по ихъ

склонамъ. Кремистые сланцы подъ острыми углами высовывались изъ земли. Это ущелье принадлежитъ горамъ Куюкъ, сланцовыми массами, возвышающимся на 2.000 футовъ. Рѣчка въ ущельи ручей Куюкъ.

Когда мы проѣхали ущелье, горы остались позади насъ. Предъ нами разстилалась ровная долина въ родѣ тѣхъ которыя мы часто встречали и прежде. Это была долина рѣки Таласа. Справа и далеко впереди ее окаймлялъ, ярко блестя бѣлизной, высокий и снѣжный хребетъ Александровскій. Слѣва въ твердый и камениный грунтъ дороги мало-по-малу отдельными островками стали врываться пески. Это наши старые знакомые, пески Муюнъ-Кумъ, раскинувшіеся на громадномъ пространствѣ, и видѣнные нами еще около Петровска, опять подошли сюда. Мы переехали нѣсколько сухихъ каменистыхъ рукавовъ Таласа, который разливается въ маѣ и іюнѣ, и вступили въ городъ Ауліэ-Ата.

XI. Отъ города Ауліэ-Ата до города Вѣрнаго (494 версты).

Ауліэ-Ата довольно большой городъ, принадлежавшій прежде Кокандскому ханству и взятый нами 3го іюля 1864 года. Какъ всѣ туземные города, онъ имѣетъ цитадель и обнесенъ стѣнами. Тутъ же рядомъ пріютился и новый или русскій городъ, тоже вездѣ одинакового устройства: церковь, госпиталь, казармы и нѣсколько домиковъ мѣстныхъ офицеровъ. Ауліэ-Ата расположена на лѣвомъ берегу одного изъ рукавовъ Таласа; прежде онъ пользовался большимъ значеніемъ и велъ обширную торговлю, такъ что одно время было предложеніе сдѣлать изъ него административный центръ края; впрочемъ потомъ справедливо отдумали и столицей округа выбрали Ташкентъ. Въ Ауліэ-Ата находится большой базарь и могила одного святаго (Кара-хана) очень уважаемаго Киргизами, и по имени которого самый городъ получилъ свое название (Ауліэ-Ата значитъ святой отецъ). Городъ расположенъ недалеко отъ подошвы Александровскаго хребта, одного изъ самыхъ высокихъ отроговъ Тянъ-Шаня, онъ идетъ отъ озера Иссыкъ-Куль и здѣсь оканчивается крутыми террасами, почти безъ предгорій. Горы покрыты вѣчнымъ снѣгомъ и достигаютъ 15.000 футовъ высоты.

Дорога отъ Аулі-Ата измѣнилась какъ бы волшебствомъ и измѣнилась къ худшему; оять пошла совершенно однобразная, скучная мѣстность, подобная тѣмъ которыхъ мы часто видали въ началѣ нашего путешествія и съ которыми думали уже совсѣмъ расстаться. Предъ нами разстилалась почти голая пустыня, кое-гдѣ покрытая чахлою, жалкою травой, уже на половину сожженою солнцемъ. Слѣва отъ дороги тянулись лески Муюнъ-Кумъ; оять стали лопадаться солончаки. Множество ядовитыхъ насѣкомыхъ водится здѣсь и дололяетъ непріятную картину. Въ глинистой почвѣ и около стѣнъ и домовъ живутъ тарантулы, ядовитые пауки, укушеніе которыхъ хотя и не смертельно, но чрезвычайно болѣзненно и сопровождается сильною реакцией со стороны организма. Въ песчаныхъ мѣстахъ водятся скорпіоны. Они зеленаго цвѣта и менѣе ядовиты чѣмъ знаменитые черные скорпіоны, но и ихъ укушеніе, особенно къ концу лѣта, производить сильную боль, красноту, опухоль и часто флегмонозное воспаленіе. По степи быстро бѣгаютъ мохнатыя фаланги, изъ рода челюстокогихъ, самыя отвратительнѣйшия насѣкомыя какія я когда-либо видалъ. Они похожи на гигантскаго муравья и тоже ядовиты. Разъ, когда я сидѣлъ на землѣ около одной станціи, дожидалась лошадей и отъ нечего дѣлать приводя въ порядокъ собранныя мною на послѣдней станціи растенія, ко мнѣ на ногу взобралась фаланга и быстро побѣжала вверхъ по платью; я тотчасъ стряхнулъ ее вѣткой; но до сихъ поръ не могу безъ содроганія подумать объ этой минутѣ. Кроме того, здѣсь, а также и въ другихъ мѣстахъ этого края водится чрезвычайно зловредный жучокъ (*Latrodectus lugubris*), который у Киргизовъ называется *каракуртъ*. Онъ замѣчательнѣйшъ что укушеніе его очень опасно для большихъ животныхъ, а для верблюда нерѣдко смертельно.

Вотъ единственные живые представители этой мѣстности, которые нисколько не содѣйствуютъ ея привлекательности.

Мыѣхали полпрежнему быстро, но даже скорая юза доставляла однѣ непріятности, такъ какъ то за нами, то навстрѣчу намъ массой летѣла сухая, горячая пыль, поднимаемая сильными вѣтрами, дующими здѣсь часто изъ ущелій Александровскаго хребта.

Но скоро мѣстность пошла оять лучше; часто стали встречаться рѣчки и ручьи, берущіе начало въ сѣжныхъ

вершинахъ Александровскаго хребта и соединяющіеся по-
томъ въ одну большую рѣку Чу. Совершенно справедлива и
вполнѣ приложима къ здѣшнему краю здѣшняя же посло-
вица: „гдѣ вода, тамъ жизнь; гдѣ нѣтъ воды, тамъ смерть.“
Какъ только показалась вода, перемѣнилась и мѣстность:
вместо голой, печальной пустыни предъ нами бархатнымъ
ковромъ разстилались ровныя, необозримыя, зеленѣющія про-
стракства, очень похожія на наши южно-русскія степи. На-
конецъ мы прѣѣхали на станцію Карабалта и остановились
въ изумленіи: вместо однокой избы предъ нами лежалъ пре-
красный малороссійскій выселокъ, точно наскъ какимъ чу-
домъ перенесли назадъ въ Россію. Кругомъ возвышались де-
ревянные опрятные домики или же глиняные, чисто выма-
занные мѣломъ; около домовъ были посажены по широкой
улицѣ ивы, ракиты и тополи; тутъ же огороды обнесенные
плетнемъ, къ которому прислонились сохи и бороны. Виды
русскія лица и слышится русская рѣчъ. Мы съ удовольстві-
емъ смотрѣли на все это, и тотъ кто, подобно намъ, про-
путешествовалъ слишкомъ мѣсяцъ въ дикихъ стеляхъ, тотъ
пойметъ нашу радость.

Со станціи Карабалта начинается Семирѣченская область,
названная такъ отъ семи рѣчекъ, текущихъ въ озеро Бал-
хашъ; рѣчки эти: Аягузъ, Лелса, Аксу, Біевъ, Карагалъ,
Коксу и Или. Кузнецковскій трактъ кончается здѣсь и почта
до самаго Вѣрнаго отдана казакамъ. Жители Карабалты,
наши пионеры цивилизациі, забрались сюда въ шестидесятыхъ
годахъ. Обитатели какой-нибудь Черниговской или Полта-
ской губерніи и не подозрѣваютъ что нашъ историческій
лапоть завелъ ихъ земляковъ за 4.000 верстъ отъ родины и
заставилъ осѣсть на рѣчкахъ Карабалтѣ, Аксу и Сукулукѣ,
вблизи дикихъ, неприступныхъ горъ...

Мы невольно пробыли подольше на этой станціи, гдѣ по-
лучили все что встрѣчали въ казачьихъ станицахъ между
Оренбургомъ и Орскомъ и отъ чего отвыкли уже такъ дав-
но. Намъ принесли прекрасныхъ густыхъ сливокъ, свѣжаго
масла, достали мяса и хлѣба, отыскали душистаго меду къ
чаю. Давно мы не роскошествовали подобнымъ образомъ и
съ сожалѣніемъ оставили гостепріамную станицу, утѣшаясь
мыслю что впереди будутъ такія же. Здѣсь три деревни слѣ-
дуютъ подъ рядъ. За Карабалтой идетъ Аксу, а тамъ Суку-
лукъ, на рѣчкахъ того же имени, истокахъ Чу. Когда про-

Въезжаешь этимъ мѣстомъ, то сама дорога кажется участвуетъ въ обманѣ и заставляетъ думать что вы въ Россіи, а не въ Средней Азіи. По обѣ стороны лежатъ луга или воздѣланыя поля, идутъ телеграфные столбы, даже верстовые столбы поставлены между этими тремя станціями. Иллюзію разрушаетъ только высокій свѣжный хребетъ, идущій справа, такъ какъ такихъ горъ нѣтъ ни въ Россіи, ни въ цѣлой Европѣ. Александровскій хребетъ выше Альпъ и выше Кавказа, одна изъ высочайшихъ точекъ котораго, Казбекъ (15.524 фута), едва достигаетъ средней высоты горъ этого хребта, а высочайшая точка Альпъ, Монбланъ (14.754 фута), даже гораздо ниже. А между тѣмъ въ нашихъ средне-азіатскихъ владѣніяхъ есть вершины гораздо болѣе величественныя. Чѣдь, сказать, напримѣръ, о такомъ свѣжномъ исполинѣ какъ Пикъ Кауфмана, который по приблизительному измѣренію Федченко, достигаетъ 25.000 футовъ? Вообще здѣсь есть мѣста поразительныя своимъ дикимъ великолѣпіемъ. Гдѣ, напримѣръ, въ Европѣ можно найти такой ледникъ какъ ледникъ Щуровскаго, простирающійся верстъ на семьдесятъ и дающій начало царю средне-азіатскихъ рѣкъ, знаменитому „раздавателю золота“ Заревшану (древнему Согду или Когику)? Гдѣ можно встрѣтить такой горный проходъ какъ Мусартскій, который находится на высотѣ 15.500 футовъ и отличается тѣмъ что по немъ можно перебраться съ сѣверной стороны Тянъ-Шаня на южную (и то спуская лошадей и вьюки на веревкахъ по блокамъ и самому сходя внизъ по ступенькамъ вырубленнымъ въ ледяной горѣ), назадъ же вернуться совсѣмъ невозможн... Александровскій хребетъ начинается около Аулі-Ата невысокимъ мысомъ Текъ-Турмасъ, всего около 2.600 футовъ надъ уровнемъ моря и 150 футовъ абсолютной высоты надъ уровнемъ рѣки Таласа. Предгорія состоятъ изъ песчаника, за которымъ слѣдуетъ темный и твердый известнякъ, а за нимъ выше главный гребень хребта, пробитый кристаллическими породами.

За станціей Сухулукомъ слѣдуетъ Пишпекъ, бывшая кокандская крѣпостца, взятая и разрушенная нами въ 1860 году; сначала мы изъ нея сдѣлали было укрѣпленіе, но потомъ оставили его вслѣдствіе совершенной ненадобности, по замиреніи края; теперь мѣстечко это похоже на заброшенный

казачий ликетъ. Мы прибыли сюда 3го апрѣля вечеромъ. Здѣсь дорога раздѣляется и мнѣ надо было проститься со своимъ другомъ-товарищемъ Л., съ которымъ въ продолженіе 36 дней я дѣлилъ всѣ невзгоды и опасности путешествія. Мой путь лежалъ дальше на востокъ къ городу Вѣрному, а ему надо былоѣхать на югъ, въ бывшій коканскій, а теперь нашъ уѣздный городъ Токмакъ, и оттуда дальше въ самую глубину Тянь-Шаня, въ русскій городокъ Караколь, пріютившійся въ заоблачныхъ горахъ, на берегу озера Иссыкъ-Куль.

Въ послѣдній разъ пожавъ другъ другу руки и пожелавъ всего хорошаго мы разстались, и я отправился дальше одинъ на легонькой *рашпанкѣ* (открытая телѣга).

Было уже довольно поздно; великолѣпный весенний день, лучезарный и жаркій, 36й день моего путешествія, догоралъ мало-по-малу. Всѣ пылая какъ громадный огненный шаръ, отошло и закатилось солнце на совершающемся небѣ. Нѣтъ лучшаго времени для въ этомъ краѣ какъ короткій промежутокъ между солнечнымъ закатомъ и быстро набѣгающими сумерками. Еще облитые розовымъ сѣвѣтомъ, стояли скалистые пики и свѣжныя вершины Александровскаго хребта; ближайшія горы отчетливо вырисовывались въ ясномъ вечернемъ воздухѣ; дальше за ними шла сплошная сѣрая масса хребта, а еще дальше закутанные, какъ дымкой, туманомъ величаво высилась синіе силуэты отдаленныхъ вершинъ. Въ воздухѣ была какая-то приятная прохлада, которая впрочемъ скоро смыкается здѣсь довольно сильнымъ холодомъ по ночамъ.

Подъ вліяніемъ ли одиночества или вслѣдствіе весьма понятной грусти произведенной разлукой, я невольно задумался. Вообразилъ ли я нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ что мнѣ придется быть на этихъ новыхъ, чуждыхъ для меня мѣстахъ, среди дикой, но все-таки мѣстами великолѣпной природы, подъ этимъ небомъ, теплѣе и ярче нашего... Я невольно думалъ о томъ что оставилъ позади себя на родинѣ и что ожидало меня впереди въ неизвѣстномъ будущемъ; оно и пугало, и манило къ себѣ, это будущее. Невольно вспоминалась прежняя жизнь и милыя тѣни милаго прошлаго олять вставали предо мною какъ живыя...

Но, прочь мечты! скоро станція и покой. Уже совсѣмъ стемкѣло; на пустынныя долины легла тѣни ночи. Далеко

вверху обширный сводъ потемаѣвшаго неба, по которому огненною лылью раскинулись миріады звѣздъ. Отъ телеграфныхъ столбовъ протянулись по степи черныя полосы и перешагнули чрезъ дорогу. Вездѣ темнота и безмолвіе... Но постепенно изъ этой темноты предо мною вставали другія, новые горы, а это безмолвіе нарушалось какимъ-то неяснымъ шумомъ, подобно отдаленному грому. Шумъ становился сильнѣе по мѣрѣ того какъ мы приближались къ станціи. Это ревѣла рѣка Чу, сжатая въ высокихъ, крутыхъ берегахъ.

Какъ я уже сказалъ выше, рѣка Чу беретъ начало многочисленными истоками съ Александровскихъ горъ; потомъ она течетъ въ лески Муюнъ-Кумъ, въ которыхъ и теряется. Эта рѣка больше всѣхъ другихъ горныхъ рѣчекъ которыхъ я видѣлъ до сихъ поръ и такъ какъ тутъ она совершенно непройдима, то на ней устроенъ деревянный мостъ. Она течетъ здѣсь со страшною быстротой, восемь верстъ въ часъ, и съ шумомъ ворочаетъ огромные камни. Берега ея густо заросли камышомъ, который былъ такъ великъ что достигалъ почти до перилъ моста. Мостъ весь дрожалъ отъ постоянного шума. Я хотѣлъ посмотреть на рѣку и взглянулъ внизъ, но не увидѣлъ ничего кромѣ массы бѣлой пѣни. Чтобы судить о быстротѣ теченія Чу, достаточно сказать что на первыя 100 верстъ протяженія отъ Иссыкъ-Куля она имѣеть 1.700 футовъ паденія, то-есть больше чѣмъ Волга на всемъ протяженіи 3.100 верстъ отъ истоковъ до Астрахана.

На другой день я имѣлъ удовольствіе видѣть многихъ животныхъ представителей этого края. Множество ящерицъ бѣгали по дорогѣ, скрываясь въ ея владинахъ. На лугу въ разныхъ мѣстахъ, грѣясь на солнцѣ, лежали, свернувшись въ кольцо, змѣи. Я не могъ определить какой они породы, но по словамъ туземцевъ, они очень ядовиты. Нѣкоторые изъ нихъ достигали до полутора аршика длины и были толщицою съ добрую палку. Змѣй, говорятъ, особенно много предъ Пишлекомъ, но вчера я не видалъ ихъ, оттого что прѣѣхалъ въ Пишлекъ поздно вечеромъ и они успѣли полрятаться по норамъ.

Мѣстность начиная отъ Чу стала подниматься. Горы видѣнныя мною вчера въ темнотѣ были Курдайскія, чрезъ которыхъ на слѣдующей станціи маѣ надо было перевалить. Прежде дорога шла правѣе, знаменитою Кастанекской щелю,

находящимся въ этомъ же хребтѣ, но нѣсколько лѣтъ тому назадъ она была оставлена по ея крайней непроходимости и 1го ноября 1870 года трактъ былъ перенесенъ сюда, такъ какъ здѣсь горы болѣе доступны. Курдайскій хребетъ въ мѣстѣ перевала достигаетъ 6.000 футовъ высоты, а въ ширину простирается на 40 верстъ. Со станціи Сыгаты дорога идетъ по горамъ; подъемъ чрезвычайно отлогъ и тянется на 37 верстъ, между тѣмъ какъ на спускъ приходится всего три версты. Впрочемъ подъемъ мнѣ показался немного короче, да и вообще можно сомнѣваться въ вѣрности этихъ цифръ, такъ какъ дорога здѣсь еще не измѣрена одометромъ.

Сначала мы поднимались по длиннымъ, отлогимъ холмамъ, покрытымъ травою. Чѣмъ дальше взбирались мы, тѣмъ холмы становились выше и круче, и дорога шла какими-то загзагами, часто по карнизамъ вырытымъ сбоку и по крутымъ косогорамъ. Мы поднимались выше и выше и вотъ постепенно изъ подъ дерна стали показываться кремнистые сланцы, правильными острыми пластинками, какъ будто нарубленными съ какою-нибудь цѣлью. Мягкія, окруженныя вершины, покрытыя травой, смѣнились острыми пирамидами съ сѣрыми и бурыми камнями на верхушкѣ, поросшими мохомъ. Гдѣ дорога шла круче, я слѣзалъ съ телѣги и цѣлья версты шелъ пѣшкомъ, подстрѣливая лопадавшихся изрѣдка горныхъ рабчиковъ. Въ глубинахъ ущелій и во владинахъ утесовъ еще бѣлѣлъ снѣгъ; ручейки катились изъ-подъ снѣга въ разные стороны по склонамъ горъ или падали въ проласти съ глухимъ шумомъ. Въ воздухѣ похолодѣло и часто сильный вѣтеръ налеталъ порывами изъ ущелій. На Курдайскихъ горахъ не было ни одного дерева, что придаетъ дикий и мрачный видъ всему ландшафту. Какое-то розовое облачко пріотилось около одной скалы, и когда мы послѣ многочисленныхъ поворотовъ вѣхали въ него на нѣсколько минутъ, оно все какъ-то расплылось и охватило насъ сырьимъ и холоднымъ туманомъ. Дорога пошла еще круче; куски гранита валялись разбросанными по окрестности, лошади едва тащили шагомъ нашу телѣгу. Но вотъ еще одно, послѣднее усиление—и я на вершинѣ перевала.

Эффектная картина открылась предо мною. По обѣимъ сторонамъ надо мной возвышались горы точно взволнованное море во время бури. Справа горы были болѣе дики чѣмъ слѣва; тутъ утесы громоздились надъ утесами, скалы лѣпи-

лись другъ надъ другомъ и сурово вокругъ глядѣли фантастически выточенные каменные гребни. Изъ глубины ущелій поднимались ковые утесы и далеко слускались внизъ своими склонами. Сзади все было видно въ ясномъ воздухѣ на громадное разстояніе; степь какъ развернутая скатерть лежала вдали и маленькою точкой червѣла на этой скатерти вся окруженнная какимъ-то синимъ дымомъ станція Сыгаты, съ которой мы отправились нѣсколько часовъ тому назадъ. Впереди насъ лежала на высотѣ 6.000 футовъ надъ уровнемъ моря широкая площадь, возвышенное плато въ пять верстъ длины. Мы быстро проѣхали эти пять верстъ по каменистому грунту и добрались до слуска.

Ямщикъ остановилъ на минуту лошадей чтобы затормозить экипажъ. Я съ недоумѣніемъ глядѣль на страшно крутой спускъ разстилавшійся подо мной; онъ шелъ почти подъ угломъ 45° къ горизонту крутыми загзагами вокругъ утесовъ и сплошь по острымъ камнямъ; для меня казалось немыслимымъѣхать тутъ. Однако мы поѣхали. Камни съ шумомъ катились изъ-подъ колесъ и ладали внизъ. Какой-то туманъ волнами поднимался изъ глубины ущелій. Коренная лошадь почти садилась на задаія ноги и тормазъ, визжа и скриля, скользилъ по камнямъ. А между тѣмъ это еще называется удобною дорогой; но, признаюсь, въ такомъ случаѣ я никакъ не могу понять что же такое неудобная дорога. Вотъ говорятъ на Кастекѣ, немного правѣе отсюда, была подобная неудобная дорога; тамъ почта и пассажиры перевозились не иначе какъ на колесахъ (особенный родъ экипажа въ которомъ кромѣ двухъ колесъ ничего нѣтъ); здѣсь все-таки было лучше, относительно, конечно. Утѣшаюсь подобными мыслями, мыѣхали внизъ и доѣхали бы по всему вѣроятію благополучно, но вдругъ на одномъ поворотѣ допнулъ тормазъ.... По проклятой небрежности со станціи взяли гнилую веревку и она не выдержала. Признаюсь, я пережилъ скверную минуту; точно какая-то невидимая сила подтолкнула лошадей; по страшно каменистому грунту мы помчались съ такою быстротой что я видѣлъ своими глазами какъ среди бѣлаго дыя брызнули искры изъ-подъ колесъ экипажа. Около ста саженъ проѣхали мы такимъ образомъ; слѣва было глубокое ущелье, справа какой-то косогоръ; на поворотѣ ущельеказалось такъ близко, такъ темно что я позорно струсилъ и выскочилъ вонъ изъ телѣги, причемъ пребольно

ушибся объ острые камни. Лошади скрылись за выступомъ скалы, затѣмъ я услыхалъ какой-то трескъ и потомъ настала тишина.... Я думалъ что все уже кончено, но оказалось что мы отѣвались дешево; ямщикъ, потерявъ надежду сдержать лошадей и опасаясь каждую минуту полетѣть внизъ и съ экипажемъ, направилъ ихъ въ бокъ; телѣга ударилась въ громадный монолитъ темнофиолетового цвѣта, цѣлую скалу, два колеса разсыпались въ дребезги и лучше всякаго тормаза остановили экипажъ. Мы оставили его и лошадей на произволъ судьбы, только запутали вожжи за какой-то камень чтобы лошади не ушли, а сами отправились внизъ на станцію. Ямщикъ повелъ меня какою-то прямую дорогой которая была ближе. Я никакъ не думалъ что спускъ можетъ быть такъ труденъ. Гора кажется не велика, но начнешь спускаться и ей конца неѣтъ. Къ тому же бездна притягиваетъ васъ къ себѣ съ какою-то непобѣдимою силой. Такъ и хочется бѣгомъ броситься внизъ и конечно разбиться о камни. Я проклялъ эту прямую дорогу; больше часа шли мы двѣ версты до станціи.

Со станціи Курдая переваль былъ очень красивъ; горы какъ стѣны почти отвѣсно поднимались другъ надъ другомъ. За Курдаемъ потянулась ровная степь, иногда слегка холмистая, а впереди вставали уже другія высокія горы, Запійскій Ала-Тау, около которого расположено Вѣрное. По дорогѣ встрѣтили мы небольшой киргизскій караванъ, отправлявшійся въ Курдайскія горы на лѣтнія кочевки. Согласно обыкновенію аула при этихъ перѣѣздахъ, на переднемъ верблюдѣ сидѣла самая красивая девушка аула, съ черными глазками, черными длинными косами, въ которыхъ вплетены были шелковые шнурки, и въ раслашномъ шелковомъ халатѣ. Около нея болтались двѣ ярко вычищенные кострюли и большой должно - быть тульскій самоваръ. Потомъ шли другіе верблюды съ раскрашенными, обитыми жестью сундуками; это тоже привычка Киргизовъ выставлять наружу изъ тщеславія всѣ цѣнныя вещи. Впрочемъ какъ кажется это были Киргизы какого-то другаго племени, можетъ-быть это были Кара-Киргизы, а можетъ-быть и вовсе не Киргизы. Только настоящій ученый могъ бы разобраться въ здѣшней этнографической путаницѣ, къ разясненію которой мы очень мало способствовали. Какъ прежде еще до Магомета масса полуздѣскихъ кочевниковъ и тюркскаго и татаро-мон-

гольского племени, населявшихъ стели къ сѣверу отъ Аму-Дарьи, вся была известна у соседнихъ народовъ, Арабовъ и Персовъ, подъ общимъ собирательнымъ именемъ Гуцъ, такъ и теперь весь этотъ разнокалиберный разношерстный сбродъ, живущій здѣсь, сваливается нами въ одну общую кучу съ общимъ, да къ тому же и невѣрнымъ именемъ Киргизовъ.

Чрезъ нѣсколько станцій опять встрѣтились двѣ русскія деревни, Узунь-Агачъ и Кискеленъ, а за ними наконецъ былъ и городъ Вѣрный, въ который я и прибылъ вечеромъ 5го апрѣля.

XII. Отъ города Вѣрного до города Борокудзира (301 верста).

Городъ Вѣрный, столица Семирѣчинской области, основанъ въ 1854 году, при Гасфорте. Недавно это была простая деревушка, построенная нашими казаками на мѣстѣ прежняго туземнаго поселенія Алматы (яблонный).

Вѣрный находится на мѣстѣ бывшей Джунгаріи. По китайскимъ историческимъ источникамъ, именно по книгѣ Си-юй-вынь-дзянь-лу (записка о земляхъ лежащихъ близъ западной границы Китая), край этотъ, начиная съ глубокой древности, населяли различные народы. Еще до начала нашего счисленія (до Р. Х.) здѣсь жилъ народъ Се, потомъ У-еч-жи, затѣмъ племя У-сунь и наконецъ Хуаны; за ними следовали Сянь-би и Турки Уй-туры; потомъ Монголы Элюты; изъ нихъ племя Джунгары имѣло здѣсь свои кочевки. Ханство этихъ Джунгаровъ разрушено Китайцами въ 1757 году; затѣмъ по лустымъ джунгарскимъ степямъ кочевали Торгоуты и наконецъ Киргизы, принявши въ 1846 году русское подданство.

Вѣрный довольно большой городъ, насчитывающій до 15.000 жителей. Онъ раздѣляется на новый городъ, старый городъ (Алматинская станица), Алматинскій выселокъ и Татарскую слободку. Въ немъ есть сносныя гостиницы, нѣсколько лавокъ и магазиновъ, множество деревянныхъ домовъ, но все это бѣдно, сѣро и грязно и въ общемъ вовсе не похоже на главный городъ области. Вѣрный стоитъ на рѣчкѣ Алма-

тикъ, текущей съ горъ и владающей въ рѣку Или, и расположено на высотѣ 2.500 футовъ у подножія Заплайскаго Ала-Тау. Это большой, высокій хребетъ, покрытый вѣчнымъ снѣгомъ; онъ возвышается на 14.000 футовъ. Горы до того массивны что несмотря на то что находятся отъ Вѣрнаго въ семи верстахъ, а главная масса хребта еще дальше, онъ кажется стоять надъ самымъ городомъ и давать его своею тяжестью. Съ широкой и стелной Илайской долины Заплайскій Ала-Тау поднимается совершенно крутою, отвесною стѣвой, почти безъ предгорій, по крайней мѣрѣ его лорфировыя предгорія совершенно ничтожны въ сравненіи съ его колоссальностью и такъ близко подходятъ къ контфорсамъ или короткимъ поперечнымъ отрогамъ хребта что почти сливаются съ ними. Масса горъ состоитъ изъ гранита и сіенита; по скатамъ встрѣчаются кремистые сланцы, сильно прорванные и метаморфизированные порфирами. Кромѣ этихъ кристаллическихъ горныхъ породъ и жиль діорита, распространенныхъ здѣсь и тамъ, встречаются и осадочные,—сланцы, песчаники и известняки палеозопическихъ формаций. Отдельные точки Заплайскаго Ала-Тау превышаютъ 15.000 футовъ и перевалы хребта выше горныхъ проходовъ Швейцарскихъ Альпъ.

Горы покрыты лѣсомъ; впрочемъ лѣсъ начинается не съ самой подошвы, во сначала идутъ предгорія покрытыя только травой и уже потомъ, приблизительно на половинѣ высоты, разстилаются громадные хвойные лѣса, издали вырисовывающіеся тоненькими черточками. Несмотря на короткое время нашего владѣнія, лѣса эти уже значительно вырублены и только въ послѣднее время положены ограниченія такому хищническому хозяйству. Преобладающая древесная порода — лихта. За лѣсами идетъ блестящій снѣжный покровъ; вслѣдствіе континентального климата снѣжная линія здѣсь довольно высока, а именно начинается на высотѣ 10.000 футовъ, между тѣмъ какъ въ Европѣ въ соответствующихъ мѣстностяхъ, напримѣръ въ Пиринеяхъ, снѣжная линія идетъ на высотѣ всего 8.500 футовъ.

Горы Заплайскаго Ала-Тау дика и живописны; виды одинъ другаго лучше развертываются предъ глазами. Утесы безконечно вереницей тянутся другъ за другомъ, скалы чередуются со скалами и высоко надъ ними стелются громадныя снѣжныя поля. Иногда, особенно часто весной, съ глухимъ

шумомъ падаютъ лавины и, случается, заваливаютъ неосторожныхъ дровосѣковъ. Вся сверкаетъ бѣлою, блестящею пѣной скакетъ внизъ по камнямъ Алматинка.... Ущелья и бока горъ густо поросли лѣсомъ и между столѣтними деревьями густо разрослись облѣпиха, черный барбарисъ, боярышникъ и другие ягодные кусты.... Многіе жители Вѣрнаго проводятъ лѣто въ этихъ горахъ.

Почтовый трактъ отъ Вѣрнаго до Омска содержитъ оять Кузнецова, но лошади здѣсь хороши, оттого что много корму. Дорога идетъ по ровной, степной мѣстности, которая постепенно понижается и чрезъ двѣ станціи отъ Вѣрнаго выходитъ на долину рѣки Или, къ укрѣблению Илійскому.

Рѣка Или—одна изъ большихъ рѣкъ этого края. Она начинается въ Тянь-Шанѣ и впадаетъ въ озеро Балхашъ. Длина ея—700 верстъ. По своей глубинѣ она способна для судоходства на большомъ протяженіи и имѣла бы большое значеніе, еслибы быстрота теченія не мѣшала навигаціи, по крайней мѣрѣ первая, а кажется и единственная попытка купца Кузнецова въ этомъ отношеніи потерпѣла неудачу. Я переправился чрезъ Или на паромѣ, причемъ насть теченіемъ далеко отнесло внизъ. Здѣсь уже давно предполагается переводить паромъ по канату и я видѣлъ врытые съ этою цѣлью столбы, толстый канатъ, привезенный откуда-то издалека, ко... и только.

Берега Или въ этомъ мѣстѣ довольно пустынны и даже не поросли камышомъ, который густо растетъ въ ея верховьяхъ. Въ долинѣ кой-гдѣ встречаются лески и только узкая полоска по берегу имѣетъ плодородную почву, да около укрѣблений мѣстами посажены кусты и деревья.

За Или тянутся широкіе низкіе холмы съ глубокими оврагами, а дальше на горизонте синѣтъ новый массивный хребетъ....

На станціи Алтынъ-Имелъ дорога оять раздѣляется, но уже въ послѣдній разъ: одна идетъ къ сѣверо-востоку, на Семилалатинскъ и Омскъ, а другая поворачиваетъ къ юго-востоку, въ Борохудзиръ и Кульджу.

Около Алтынъ-Имелской станціи возвышаются горы Чулакъ-Тау (Алтынъ-Имелскій перевалъ), чрезъ которыхъ маѣтъ надо было перѣхать. Перевалъ имѣетъ 4.660 футовъ, а въ ширину простирается верстъ на пятнадцать. Прямо со станціи мы подѣхали въ гору какими-то большими длинными

холмами, въ родѣ гигантскихъ грядъ, по обѣимъ сторонамъ которыхъ тянулись очень глубокіе овраги. На даѣ ихъ по обыкновенію бѣлѣлъ снѣгъ. Но вообще дорога здѣсь лучше разработана иѣхать удобнѣе чѣмъ по Курдаю. Только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дорога идетъ по карнизу, за то эти мѣста особенно неудобны зимой, татъ какъ перевалъ отличается страшными бураами, которые здѣсь дуютъ часто по цѣлымъ недѣлямъ, причемъ прекращается всякое сообщеніе. Въ теченіи зимы я еще три раза былъ на этомъ перевалѣ и однажды тутъ было чуть не свѣтолреставленіе. Горы до половины своей высоты сплошь были покрыты тучами, и еще далеко не дѣвжая былъ слышанъ свистъ вѣтра въ ихъ ущельяхъ, причемъ сѣжная пыль вихремъ крутилась около скалъ; двое сутокъ просидѣлъ я на станиціи прежде чѣмъ можно было перебраться на ту сторону, да еще нѣсколько часовъ нужно было разчищать дорогу, которую совсѣмъ замело.

Дорога, въ концѣ становясь немного круче, приводить на конецъ на гребень перевала, гдѣ по преданію какой-то киргизскій султанъ, спасаясь отъ непріятеля, заколалъ золотое сѣдло, отчего и самый перевалъ получилъ свое название (Алтынъ-Имелъ—значитъ золотое сѣдло). Гребень перевала очень остръ, не шире двухъ или трехъ саженъ. На немъ дуетъ холодный вѣтеръ, такой сильный что въ нѣсколько минутъ я совсѣмъ продрогъ. Когда въ долинѣ идетъ дождь, здѣсь говорятъ идетъ снѣгъ. Видъ открывающійся съ вершины Алтынъ-Имелъского перевала поражаетъ своимъ пустыннымъ величиемъ. Слѣва, гряда за грядою, поднимались крутые и скалистые горы, а прямо впереди синѣлъ другой хребетъ, вершины которого кое-гдѣ упирались въ волнующіяся, скользящія по ихъ скатамъ, облака.

Слускъ не крутъ, такъ что мы даже не тормозили экипажъ. Горы совсѣмъ обнажены отъ растительности, по крайней мѣрѣ въ мѣстѣ перевала, за то обильно населены животными. Часто встречаются медведи и кабаны, множество различныхъ видовъ антилопъ живетъ здѣсь; водятся горные козлы и бараны.

Слускаясь съ перевала ямщикъ показалъ мнѣ на одну нѣдалеко стоящую горную вершину.

— Вотъ, матфѣй, сказалъ онъ.

— Какой Матвѣй? спросилъ я.

— Матфэй, аю, тамъ.

Это былъ горный медвѣдь, аю. Киргизъ хотѣлъ щегольнуть знаніемъ русскаго языка и изъ медвѣдя вышелъ матфэй. Я взглянулъ вверхъ по указанному направлению и действительно увидалъ что-то; какая-то острая морда смотрѣла на меня съ вершины скалы. У меня одинъ стволъ ружья былъ заряженъ пулей, и я не вытерпѣлъ и выстрѣлилъ, хотя безо всякой надежды попасть, такъ какъ горка подымалась футовъ на 800. Морда исчезла и только звукъ выстрѣла долго будилъ эхо въ горныхъ ущельяхъ.

Спускъ съ перевала еще лучше подъема и все время идетъ по какимъ-то бороздкамъ между горами. За переваломъ идетъ ровная дорога до станціи Башти.

На слѣдующихъ двухъ станціяхъ дорога также хороша и только изрѣдка пересѣчена неглубокими оврагами. Намъ пришлось переѣхать одинъ большой солончакъ верстъ около пяти въ диаметрѣ. Чѣмъ за чудная дорога! Тѣдѣшь точно по мостовой изъ асфальта или макадама. Поверхность гладка какъ зеркало и на всемъ пространствѣ ни одной травки.

Затѣмъ предъ нами встали новые горы. Это было знаменитое Койбынское ущелье. Оно особенно замѣчательно тѣмъ что дорога идетъ по совершенно горизонтальной, почти на сколько не поднимающейся местности. Точно какая-то невидимая сверхъестественная сила во гнѣвѣ своемъ однимъ ударомъ раздвоила горы, и горы треснули до самаго основания, образовавъ каменный коридоръ въ семь верстъ длины. Ущелье очень узко, часто не шире несколькиахъ сажень; это настоящая каменная щель, ограниченная съ обѣихъ сторонъ отвесными стѣнами. Солнечные лучи рѣдко забираются сюда и поэтому все ущелье еще было покрыто снѣгомъ, въ которомъ мы часто глубоко вязли. Дорога прихотливо извивается между голыми обнаженными утесами; особенно дикъ входъ въ ущелье; здѣсь все одинъ камень. Прямо съ поверхности земли совершенно перпендикулярно поднимаются отвесныя скалы; стройные цоколи порфира и гранита, большія глыбы бураго и фиолетового камня возносятся вверхъ справа и слѣва. Плиты, обломки сіенита, куски какой-то другой горной породы краснаго цвета, точно нарочно нарубленные кремни, разсыпаны по дорогѣ. Далеко вверху утесы висятъ надъ самою головой и иногда отъ нихъ отрываются камни и ладаютъ на дорогу. Никогда не видалъ я такого мрачнаго ущелья.

Впрочемъ вторая половина коридора лучше первой; горы теряютъ свой дикий характеръ и постепенно переходятъ въ мягкия волнообразныя возвышенности, длинными уступами спускающіяся до самой станціи Койбынь. Станція расположена въ самомъ ущельѣ, на берегу ручья, покрытаго кустами и деревьями. Она имѣеть очень привлекательный видъ, хотя и носитъ такое странное название (Койбынь значитъ саванъ).

За Койбынемъ пошла степь покрытая рѣдкимъ кустарникомъ. Несколько разъ встрѣчали мы стада дикихъ козъ пасшихся по стели, тѣхъ маленькихъ каракурюковъ, о которыхъ я говорилъ уже выше. Мы очень хотѣлось убить хоть одного изъ этихъ красивыхъ животныхъ, тѣмъ болѣе что они очень ручны и подпускаютъ шаговъ на 70; но къ сожалѣнію я свою послѣднюю пулю выпустилъ въ „матфэя“ на Алтынъ-Имельскомъ перевалѣ и теперь остался съ пустыми руками.

Слѣдующая станція былъ городъ Борохудзиръ.

XIII. Отъ города Борохудзира до города Кульджи (144 версты).

Борохудзиръ—небольшой русскій городокъ, построенный въ 1868 и 1869 году на мѣстѣ бывшаго китайскаго ликета и расположенный на рѣчкѣ того же имени. Я бы съ удовольствіемъ сказалъ про него что-нибудь; но къ сожалѣнію онъ решительно ничѣмъ не замѣчателенъ; впрочемъ имѣеть широкія прямые улицы и прекрасный общественный садъ. Прежде онъ былъ логорничнымъ городомъ съ Китаемъ. Тогда наша туркестанская граница съ Китаемъ была опредѣлена Чугучакскимъ договоромъ, заключеннымъ 25 сентября 1864 года, на основаніи Пекинскаго трактата (1860 года, 2го ноября). По второй статьѣ этого трактата „граница должна следовать течению большихъ рѣкъ, направленію горъ и линіи китайскихъ ликетовъ, начиная съ послѣдняго маяка, называемаго Ша-Банъ-Дабагъ, поставленнаго въ 1728 году (Юнь-Чжэнъ, VI года), по заключеніи Кяхтинскаго договора, какоюго-западъ до озера Зайсанъ, а оттуда до горъ проходящихъ южнѣе озера Иссыкъ-Куль, называемыхъ Тэнгри-Шань

или Киргизынъ-Ала-Тау, иначе Тянь-Шань-Нань-Лу (южные отроги Небесныхъ горъ) и по симъ послѣднимъ до Коканскихъ владѣній (горъ Цунь-Линь).⁴ Но какъ известно въ 1871 году Илайскія провинціи были заняты нами.

Мѣстность отъ Борохудзира сразу измѣняется; несмотря на всеобщій хаосъ и разрушеніе, она сохранила слѣды могучей культуры, такой какую мы не привыкли встрѣчать въ другихъ мѣстахъ нашихъ средне-азіатскихъ владѣній. Невольно чувствуется что нѣкогда здѣсь ярко горѣла цивилизация. Прямо отъ Борохудзира вы вступаете въ большой лѣсъ, тянущійся на 25 верстъ до первой станціи Akкента. Лѣсъ въ равнинѣ—чрезвычайная рѣдкость въ Средней Азіи и эта прекрасная роща вся до послѣдняго дерева была нѣкогда насажена трудолюбивыми руками Китайцевъ. Изъ деревесныхъ породъ преобладаетъ здѣсь карагачъ (*Ulmus campestris*), нѣкоторые виды *salix* и другие кусты, которыхъ определить не умѣю. Чрезъ лѣсъ протекаетъ рѣчка Усекъ, которая собственно и составляла нашу границу de jure, а за рѣчкой на невысокомъ холмѣ виднѣется совершенно разрушенный китайскій городъ Джаркентъ; онъ былъ весь вырѣзанъ до тла и теперь только голыя, исковерканыя стѣны виднѣются предъ глазами. Въ лѣсу, который тянется на нѣсколько сотъ квадратныхъ верстъ, находятся развалины четырехъ такихъ городовъ: Тургень, Тишканъ - Кента, Джаръ-Кента и Акъ-Кента. Въ этомъ благословенномъ уголкѣ должна бы кипѣть жизнь, а между тѣмъ здѣсь безмолвіе могилы; разрушенные дома, высохшіе арыки, самый лѣсъ чахнущій годъ отъ года отъ недостатка воды... Точно какое-то проклятие тяготѣетъ надъ всею мѣстностью; а было время и еще очень недавно, когда это была прекрасная цветущая страна и оставалась бы такою и теперь, еслибы въ началѣ 60хъ годовъ не вслыхнуло дунганское восстаніе и буквально не залило ее кровью...

Дунгане—это татарское племя мусульманского вѣроисповѣданія, но совершенно окитаившееся и принявшее китайскій бытъ и привычки. Съ этнографической стороны это народъ почти совершенно не изученый; откуда они ведутъ свое происхожденіе—въ точности неизвестно, по крайней мѣрѣ на этотъ счетъ нѣтъ одного определенного воззрѣнія. По одному взгляду, которого придерживается большинство

мусульманскихъ ученыхъ, Дунганамъ приписывается такое происхождение: когда Тимуръ-Ленгъ (хромой Тимуръ), могущественный татарскій ханъ, жившій въ XIV вѣкѣ, задумалъ покорить себѣ весь міръ, то между прочимъ онъ отправился въ Китай и разгромилъ его; возвращаясь назадъ онъ оставилъ въ Китаѣ значительный корлусъ Монголовъ. Въ одномъ изъ горныхъ проходовъ Тянь-Шаня есть гора, вся состоящая изъ мелкихъ камней и очевидно насыпанная руками человѣческими; она называется Сань-Ташъ, что буквально значитъ число или счетъ камней. Когда Тимуръ шелъ въ Китай этимъ проходомъ, то велѣлъ каждому воину взять камень и снести его въ известное мѣсто; образовалась громадная гора. Когда онъ возвращался назадъ, то велѣлъ оять воинамъ взять изъ этой горы по „камню“; оставшиеся неразобраные камни и составили Сань-Ташъ, гору, по величинѣ которой Тамуръ могъ судить о томъ, сколько народа умерло у него въ Китаѣ на войнѣ и какъ великъ корлусъ который онъ тамъ оставилъ. Эти-то оставшиеся Монголы-мусульмане, оставшие по рѣкамъ Или и Текесу, ея притоку, и суть предки нынѣшихъ Дунганъ, на что отчасти указываетъ и самое имя ихъ (Дунгане, Дунгени — испорченное отъ Тургени, оставшиеся). Такимъ образомъ нынѣшние Дунгане ни болѣе ни менѣе какъ потомки побѣдителей Китая и охотно вѣрятъ этой баснѣ, которая льститъ народному самолюбію. Нѣкоторые видоизмѣняютъ эту легенду и идутъ еще далѣе, приписывая все это не Тимуру, а самому Искандеру Эулькарнайну (Искандеръ двурогій, прозвище Александра Македонскаго на Востокѣ). Будто бы онъ, въ царствование какого-то бодыхана Хань-Ванъ, взялъ даже Пекинъ и жилъ тамъ три года. Въ такое долгое время многіе изъ его воиновъ женились на Китаянкахъ и не захотѣли идти въ обратный путь. Отсюда — Дунгане.

По другому взгляду, Дунгане суть разныя мусульманскія народности послѣдовательно покоряемыя Китайцами. Собственно говоря, Китайцы не знаютъ слова Дунгане, а всѣхъ своихъ мусульманскихъ подданныхъ, безъ различія племени, называютъ общимъ именемъ „Хой-Хой“.

Какъ бы то ни было, но вслѣдствіе Дунганскаго восстания, отпалъ отъ Китая весь его сѣверо-западъ и весь Восточный или Китайскій Туркестанъ. Въ послѣдствіи сила вещей заставила насъ занять Илійскія провинціи, а въ нынѣшнемъ

году рѣшено возвратить ихъ назадъ. Китайцы, отправляя по этому поводу къ намъ свое посланство, поставили возвращеніе этихъ провинцій какъ *conditio sine qua non* будущихъ дружественныхъ отношеній. Они особенно упирали на то что эти земли всегда составляли исконное владѣніе Китая.

Это не совсѣмъ такъ. Начиная съ глубокой древности, Китайцы действительно нѣсколько разъ завоевывали эти земли, но нѣсколько разъ теряли ихъ и обратно.

Остановимся на минуту и бросимъ хотя бѣглый взглядъ назадъ, въ далекую, туманную глубину прошедшаго...

Прежде всего мы встрѣчаемся здѣсь съ тѣмъ фактомъ что страна нами рассматриваемая, то-есть часть бывшей Джунгаріи и Китайской Туркестанъ, не оставила почти никакихъ древнихъ памятниковъ своей исторіи. Находясь въ самомъ центре Азіатского материка, бывъ окружена Индіей, Бактріей и Китаемъ, тремя государствами раньше всѣхъ начавшими жить историческою жизнью, она осталась соверше-но неизвѣстною. Индіи въ то время было не до нея; Бактрія сошла со всемирной сцены еще до начала письменности и только Китай даетъ обѣ этой странѣ кое-какія свѣдѣнія. Но изъ древнѣйшаго китайскаго сочиненія по этой части *Ши-чзи* мы ничего не знаемъ, такъ какъ это просто записка, да и то мало вѣроятныя, о путешествіи сюда нѣсколькихъ Китайцевъ. О томъ кто жили здѣсь въ это время и какъ жили, намъ ничего неизвѣстно. Но есть намеки что въ это время здѣсь вымирали, безслѣдно уничтожались цѣлые народы, напримѣръ Аппелей. Обѣ этомъ краѣ слышали Птоломей и Плиний; обѣ немъ писалъ Страбонъ въ своей географіи, составленной въ первомъ вѣкѣ по Р. Х. Около этого же времени появляется и первое официальное китайское сочиненіе *Дянъ-ханъ-шу* (Исторія старшаго дома Хань), написанное Бань-гу. Изъ него мы узнаемъ что западный край остался подъ властью Китая со временемъ государей Сюань-ди и Юань-ди (74—39 лѣтъ до Р. Х.).

Но власть Китая надъ этими странами была почти номинальная. Всѣ 55 владѣній составлявшихъ въ то время Туркестанъ нѣсколько разъ возставали противъ Китайцевъ, передавались союзниками народамъ, напримѣръ Хуннамъ, заводили междуусобные войны, оять подчинялись Китаю и наконецъ совсѣмъ отложились отъ него въ концѣ II вѣка по Р. Х.

Тутъ въ исторіи этихъ странъ наступаетъ промежутокъ въ 500 лѣтъ, во время котораго объ нихъ очень мало извѣстно. Освободившиесь отъ китайскаго владычества, они вели постоянныя войны между собою. Одни владѣнія увеличивались насчетъ другихъ, затѣмъ оять уменьшались и распадались. Пользуясь благопріятнымъ случаемъ, на нихъ нападали сосѣди.

Въ этотъ же періодъ страна приняла буддизмъ. Какая здѣсь была религія раньше, неизвѣстно. Должно-быть огнепоклонничество, такъ какъ по сосѣдству на востокѣ была Бактрія, центръ и столица огнепоклонниковъ, гдѣ жилъ самъ основатель этой религіи Зердуштъ (Зороастръ), переселившійся въ нее изъ Персіи послѣ того какъ его родная провинція Атролатене (нынѣшній Азербайджанъ) отказалась ему въ послушаніи. Навѣрное тутъ были и христіане, по крайней мѣрѣ въ то время въ другихъ мѣстахъ Средней Азіи христіанство было сильно распространено. Въ то отдаленное время когда между полудикими славянскими народами наставлявшими нынѣшнюю Россію навѣрное не было ни одного христіанина, въ Самаркандѣ, напримѣрѣ, въ 411—415 году была епископія. Въ Мервѣ въ 420 году былъ даже митрополитъ, въ томъ самомъ Мервѣ, который, по мнѣнию Аагличанъ, составляетъ непремѣнную цѣль нашей нынѣшней Ахалъ-Текинской экспедиціи. То были христіане Несторіанскаго исповѣданія, которые перебирались сюда, гонимые и преслѣдуемые византійскими императорами.

Въ VII вѣкѣ Китайцамъ оять удалось овладѣть краемъ и покрыть его сѣстью своихъ колоній, но не надолго; въ X столѣтіи они снова потеряли его, и въ исторіи этого края снова наступаетъ пробѣлъ.

Затѣмъ въ XIII вѣкѣ на сцену выступили Монголы. Чингизъ, въ своемъ стремленіи завоевать весь міръ, покорилъ и Восточный Туркестанъ, и преемники его долго владѣли краемъ, до тѣхъ поръ пока у нихъ подъ бокомъ, на сѣверѣ, не выросло другое могущественное государство Джунгарія, населенное тоже Монголами, но только иного племени (Калмыками). Джунгарія скоро получила громадное географическое распространеніе и сдѣлалась грозою самого Китая, у котораго часто отнимала вѣкоторыя изъ его собственныхъ владѣній. Въ семидесятыхъ годахъ XVI столѣтія Калмыки под-

чинили себѣ и Восточный Туркестанъ, и этотъ край такъ понравился имъ что на рѣкѣ Или они построили городъ Кабу-Хлинякъ-Баку и перенесли сюда свою резиденцію. Но прошло 200 лѣтъ, и счастіе повернулось спиной къ Джунгарамъ.

Въ 1756 году Китайцы, при помощи интригана Амурсаны, завоевали Джунгарію. На другой же годъ всыхнула мятежъ. Тогда Китайцы устроили настоящую травлю: съ оружіемъ въ рукахъ они прошли всю страну, убивая всѣхъ жителей безъ различія пола и возраста. Болѣе полумилліона Джунгаръ было зарѣзано; обѣтыя паникой небольшія ўцѣлѣвшія кучки бросились кто куда могъ: въ соседнюю Монголію, въ Туркестанъ, къ намъ на Волгу, и джунгарскія степи опустѣли...

Получивъ въ числѣ прочихъ владѣній Джунгаровъ и Восточный Туркестанъ, и Илійскій округъ, Китайцы рѣшились не терять его назадъ и устроили дѣло иначе. Маленький Илійскій округъ они обратили въ обширную военную колонію и на небольшомъ сравнительно пространствѣ построили девять сильныхъ крѣпостей. Въ 1764 году на рѣкѣ Или, на мѣстѣ разрушенной зимней резиденціи Джунгарскихъ хановъ города Кабу-Хлинякъ-Баку, они построили городъ Хой-Юаъ-Чень, который сталъ столицей области и скоро сдѣлался извѣстенъ въ Средней Азіи и вообще у мусульманъ подъ именемъ Новой Кульджи. Новою она была названа потому что въ 40 верстахъ отъ нея находилась Старая Кульджа, построенная еще сто лѣтъ тому назадъ Джунгарами, гдѣ была у нихъ ламская кумирня, отчего Китайцы стали ее называть Дзинь-динь-сы (кумирня съ золотымъ верхомъ). Эта Старая Кульджа была населена мусульманами и ей суждено было пережить Новую.

На слѣдующій годъ (въ 1765 году) всыхнуло восстаніе въ городѣ Учъ, одномъ изъ городовъ Восточного Туркестана. Китайцы поступили тутъ такъ какъ они привыкли поступать въ подобныхъ случаяхъ. Они разрушили городъ до основанія и зарѣзали всѣхъ жителей. Эта жажда мести, эта безпощадная жестокость къ побѣжденнымъ составляетъ отличительную черту Китайцевъ и проходитъ красною ниткой сквозь всю ихъ исторію.

Но устрашать побѣжденныхъ было мало; надо было засе-

дить край, такъ какъ Илійская долина послѣ поголовнаго избіенія Джунгаровъ представляла чутъ не пустыню.

Прежде всего здѣсь были поселены привилегированные классы—Китайцы и Манчжуры; они составляли войска и жителей городовъ. Потомъ, какъ иррегулярное войско, выселены сюда изъ Дауріи тоже манчжурскія племена Сибо, поселенные на лѣвомъ берегу рѣкъ Или и Солоны, и Дауры—на правомъ. Но все это были „чи-жеки“, солдаты зеленаго знамени, своего рода дворянство, которымъ Китайцы платили жалованье. Тогда въ качествѣ низшаго класса были переселены сюда въ большомъ количествѣ китайскіе мусульмане (Дунгане) изъ провинціи Гань-су. Дунгане по численности составляли преобладающій элементъ въ краѣ и всѣ были ревностные мусульмане. Кроме того, изъ мусульманскаго же города Учъ, населенного Сартами, при поголовномъ избіеніи его жителей въ 1765 году, было отдано семь тысячъ семей и поселено здѣсь, а въ наказаніе заятежъ они были записаны въ казенные землепашцы (тарань), отъ того они и ихъ потомки стали называться Таранчами. Далѣе сюда приковывали изъ сосѣднихъ земель Киргизы-Торгоуты; вернулись мало-по-малу остатки Джунгаръ и даже бѣжавшіе къ намъ на Волгу Калмыки. Наконецъ Китайцы стали ссылать сюда своихъ каторжниковъ (Чамлане).

Теперь мы видимъ какой разнолиціиный сбродъ населялъ эту прекрасную долину. Конечно, какъ низшій классъ жители-мусульмане подвергались различнымъ притѣсненіямъ. Китаецъ могъ брать у Дунгана все что хотѣлъ, начиная съ какой-нибудь вещи и кончая его собственною женой. Будучи земледѣльцами, Дунгане и Таранчи отдавали болѣе половины своего урожая; кроме того, исполняли различные тяжелыя работы, строили стѣны, копали каналы и вдобавокъ ко всему этому были совершенно безправны. Кроме того, главною причиной дунганскаго восстания была разница религій. Собственно Китайцы, народъ самый индиферентный въ религіозномъ отношеніи. Обѣ краткія офиціальные религіи Китая, буддизмъ и даосизмъ собственно и не религіи, а отвлеченные философскія системы; конфуціанство же просто гражданское ученіе. По словамъ профессора Васильева, Китаецъ сегодня вѣритъ одному, завтра другому; члены одной семьи часто бываютъ разныхъ религій; мальчики въ семье иногда исповѣдуютъ одну религію, а девочки другую, и это

никого не шокируетъ, такъ какъ ни одному Китайцу не придется въ голову сомнѣваться что Будда не такой же богъ какъ и Лаоцзы.

Но магометанство другое дѣло и мусульмане Средней Азіи очень привязаны къ своей религіи, какъ прежде были привязаны и къ религіи Зороастра, ей предшествовавшей. Когда въ VII вѣкѣ, въ огнепоклонническую еще въ то время Бухару, явились арабскіе эмиры, распространяя Исламъ огнемъ и мечомъ и взяли ее, то Бухара три раза прогоняла непрощенныхъ проповѣдниковъ и только на четвертый разъ лала подъ ихъ ударами. Съ тѣхъ поръ магометанство распространялось по всей Средней Азіи, да продолжаетъ распространяться и до сихъ поръ.

Но кромѣ разницы религій и притѣсненія которымъ подвергались Дунгане и о которыхъ я говорилъ выше имѣли тоже свое значеніе. Въ теченіе послѣдняго столѣтія властьчества Китайцевъ надъ страной мусульмане возставали пять разъ (въ 1765, 1796, 1825, 1857 и 1862 годахъ). Каждое восстаніе подавлялось съ ужасными жестокостями и народъ напуганный репрессаліями молчалъ до поры до времена, но въ сердцѣ его ярко горѣла ненависть къ своимъ притѣснителямъ. Онъ ожидалъ только удобнаго случая и случай этотъ скоро представился.

Въ 1862 году въ сѣверо-западномъ Китаѣ, въ провинціи Шанзи, въ городѣ Сингантъ-Фу, одинъ богатый дунганскій купецъ не отдалъ долга китайскому купцу и когда этотъ послѣдній началъ публично укорять его, то Дунганъ расположилъ Китайцу животъ. За убитаго встутились родственники и въ свою очередь распороли животъ Дунгану. Весь городъ раздѣлился на лагеря и Дунгане, болѣе многочисленные, вырѣзали Китайцевъ. Какъ только окрестныя селенія узнали объ этомъ, въ городъ тотчасъ стали стекаться вооруженные толпы Дунганъ и восстаніе начало распространяться дальше. Несколько разъ высыпались противъ мятежниковъ регулярныя китайскія войска и постоянно были разбиваляемы; и Китайцы, и Дунгане отлично знали что въ случаѣ если они будутъ побѣждены, имъ предстоитъ смерть, и потому борьба была ожесточенная; въ этой борьбѣ не давали и не просили пощады. Такъ тянулось дѣло два года, но впрочемъ внутри самаго Китая, гдѣ преобладали Китайцы, Дунгане потерпѣли неудачу. Въ 1864 году

возстаніе добралось до Урумчи, богатаго китайскаго города, въ коемъ счталось 2.000.000 жителей, причемъ и Дунганъ, и Китайцевъ было почти поровну. Долго длилась рѣзня; даже по официальнымъ китайскимъ донесеніямъ, старавшимся, понятно, все дѣло представить въ болѣе благопріятномъ свѣтѣ, однихъ Манчжуръ было убито 135.000 человѣкъ. Наконецъ Дунгане побѣдили и лѣтомъ 1864 года взяли и разграбили Урумчи съ его громадными чайными складами. Послѣ этого возсталъ весь сѣверо-западъ Китая. Дунгане быстро взяли города Макасъ, Шихо и др. 15го января 1865 года возстаніе началось въ Чугучакѣ и 5го апрѣля 1866 года взята его цитадель. Изъ всего Восточнаго Туркестана опять были прогнаны Китайцы, но не Дунганамъ пришлось взять Кашгаръ. Въ нѣкоторое время Восточный или Китайскій Туркестанъ извѣстенъ подъ именемъ Алтышара (шестиградіе) или даже вѣроятнѣе Джитышара (семиградіе) и Кашгаръ столица Алтышара. Въ немъ волненіе вспыхнуло еще раньше, въ 1857 году, и тоже были прогнаны или зарѣзаны Китайцы, но тамъ въ концѣ концовъ престоломъ завладѣлъ коканскій выходецъ, Якубъ-бекъ, бывшій прежде бекомъ въ Акъ-Мечети. Онъ хорошо знаетъ и ненавидитъ Русскихъ, съ которыми сражался въ 1853 году, когда Акъ-Мечеть была взята штурмомъ нашими войсками, и на этомъ мѣстѣ построенъ городъ Петровскъ. Потомъ онъ бѣжалъ въ Ташкентъ и, набравъ всячаго вооруженнаго сброду, отправился въ Кашгаръ. Воспользовавшись тѣмъ что Китайцы были заняты усмирениемъ возстанія въ другихъ мѣстахъ, онъ посадилъ на престолъ одного влиятельнаго туземца Бузурукъ-хана, но потомъ прогналъ его, сѣль самъ и въ концѣ концовъ соединилъ подъ своею властью весь Восточный Туркестанъ.

Въ Илійской долинѣ возстаніе вспыхнуло одновременно во всѣхъ городахъ, въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1864 года. До сихъ поръ здѣсь все было спокойно, но Китайское правительство, чтобъ избѣгнуть возстанія, пожелало, по своему обыкновенію, устранить народъ и приказало кульджинскому дзянъ-дзыню (китайскому губернатору, управлявшему страной) умертвить всѣхъ наиболѣе влиятельныхъ и оласныхъ Дунганъ въ Кульджѣ. Чтобъ удобнѣе привести въ исполненіе этотъ планъ, дзянъ-дзынь пригласилъ на совѣтъ другихъ китайскихъ чиновниковъ. Но слуга Дунганъ испортилъ все дѣло; онъ подслушалъ разговоръ и передалъ его своимъ землякамъ.

Народъ, доведенный до отчаянія, возсталъ какъ одинъ человѣкъ. Ужасная рѣзня продолжалась двѣнадцать дней и кончилась тѣмъ что Дунгане, по большей части вооруженные только палками и ножами, потерпѣли неудачу и должны были бѣжать въ Старую таранчинскую Кульджу. Дзянъ-дзынь, ободренный побѣдою, выступилъ съ войскомъ противъ нихъ, но былъ разбитъ на голову и едва спасся въ цитадель. Тогда Дунгане ободрились въ свою очередь: къ намъ пристали Таранчи, сначала поневолѣ, такъ какъ Дунгане подъ страхомъ смерти принудили знатныхъ Таранчей склонить народъ къ восстанию. Соединенное войско въ свою очередь осадило Новую Кульджу. Она долго держалась и была взята только 3го марта 1866 года. Минь-су, послѣдній китайскій дзянъ-дзынь, видя неминучую смерть, поступилъ какъ древніе герои. Онъ заперся въ цитадель, задалъ роскошнѣйший пиръ, пригласилъ всѣхъ приближенныхъ и когда ему донесли что Дунгане ворвались въ крѣость,—сказалъ прощальную рѣчъ, выкурилъ послѣднюю трубку, потомъ горячимъ, раскаленнымъ лепломъ отъ нея зажегъ фитиль проведенный къ пороховымъ погребамъ и взорвалъ себя на воздухъ. Что происходило по взятии города, какія сцены звѣрства и насплія совершились тутъ—неизвѣстно; но въ настоящее время громадный городъ совершенно разрушенъ до основанія и лежитъ въ развалинахъ. Изъ 200.000 жителей не осталось ни одного человѣка; Дунгане покинули городъ, Китайцы и Манчжуры все зарѣзаны или скрылись въ горахъ.

Послѣ этого китайское населеніе было быстро истреблено во всей долинѣ; многие города были взяты и разрушены еще во время осады Кульджи. Дунгане и Таранчи удалились въ Старую Кульджу; тамъ съ 1867 года началась между ними вражда за первенство. Междуусобія росли все больше и наконецъ Дунгане были разбиты на голову Таранчами въ полутора верстахъ отъ Старой Кульджи. Тогда они обратились за помощью къ своимъ землякамъ Дунганамъ въ Урумчи, но пришедшія оттуда двѣ тысячи войска разбиты около Баяндая. Таранчи захватили власть въ свои руки; у нихъ перемѣнилось нѣсколько султановъ, но наконецъ послѣдній изъ нихъ былъ брошенъ своими подданными въ защитомъ мѣшкѣ въ рѣку Или, и на престолъ сѣлъ таранчинской выборный султанъ Аля-ханъ, известный подъ именемъ Абиль-Оглы.

Между тѣмъ положеніе Русскихъ во все время этихъ т. схлв.

смутъ было самое неопределѣленное. Намъ еще при Китайскомъ правительстве въ 1851 году были открыты факторіи въ Кульджѣ и Чугучакѣ; но взбунтовавшаяся чернь разрушила и сожгла факторіи и наши консулы должны были уѣхать изъ этихъ городовъ. Во время восстания Китайское правительство предлагало намъ помочь ему въ борьбѣ съ подданными, но мы отклонили это предложение, не желая восстановлять противъ себя нашихъ мусульманскихъ подданныхъ въ Средней Азіи. Уже по изгнанію Китайцевъ мы продолжали игнорировать настоящее положеніе вещей и principio все еще признавали власть Китайцевъ надъ этими краемъ. Конечно, это создало массу недоразумѣній. Наши Киргизы укочевывали въ предѣлы Иллійской провинціи, а мы глядѣли на это сложа руки; кульджинские Таранчи грабили нашихъ подданныхъ и преслѣдоуно уходили назадъ за границу, которую мы обязались не переходить; наша торговля была стѣснена до невозможности. Когда мы стали наконецъ обращаться къ самому Абиль Оглы, требуя свободной торговли, наказанія виновныхъ и возвращенія бѣглыхъ, то султанъ отвѣчалъ молчаніемъ.

Впрочемъ онъ самъ былъ игрушкой въ рукахъ различныхъ партій, и удивительно какъ при постоянныхъ волненіяхъ въ султанатѣ, онъ еще сумѣлъ такъ долго продержаться. Наконецъ ясно стало видно все безсиліе Китайского правительства въ борьбѣ съ инсургентами; съ другой стороны для насъ было невозможно допустить между собой и Китаю существованіе независимаго разбойничьяго государства. На этомъ основаніи въ 1871 году ловелѣно было занять Кульджинскій султанатъ и присоединить его къ Российской Имперіи.

Не долго продолжалась борьба; мы дали сраженіе при Мазарѣ, дали сраженіе при Суйдунѣ, взяли штурмомъ Чик-чаго-дзи и въ пять дней кончили дѣло. Послѣ взятія Чик-чаго-дзи, жители упорно сопротивлявшіеся ожидали поголовнаго избиенія; каково же было ихъ удивленіе, когда мы не только сохранили имъ жизнь, но и тронули и имущество. Вѣсть о такомъ великодушіи Русскихъ магомъ разнеслась по всей долинѣ и все остальные города уже сдавались безъ боя и добровольно отворяли ворота побѣдителю. Только въ самой Кульджѣ партія сопротивленія, желавшая войны во что бы то ни стало и огорченная неудачей, рѣшилась со зла

зарѣзать всѣхъ Дунганъ и въ ночь наканунѣ взятія Кульджи до 2.000 Дунганъ и Китайцевъ было убито; было бы убито и болѣе, но командающій отрядомъ прислалъ сказать что если рѣзня не прекратится, то зачинщики лоплатятся головами. Эта мѣра подѣйствовала и сохранила жизнь остальнымъ несчастнымъ.

Кульджа взята нами 22 июня 1871 года. Разказываютъ что когда на другой день по взятіи Кульджи сultана спросили, какъ онъ находитъ свое новое положеніе, то онъ отвѣчалъ что это первая ночь во все время его трехлѣтняго царствованія которую онъ провелъ спокойно. Потомъ его перевели на жительство въ Оренбургъ.

Между тѣмъ по взятіи нами Кульджи, Китайцы, большиe охотники заграбать жаръ чужими руками, думая что мы тотчасъ же отдадимъ имъ ее, отправили своего уполномоченнаго князя Жуна „принять ее отъ насъ“. Но имъ объявили что во избѣжаніе дальнѣйшихъ смутъ они только тогда получатъ Кульджу, когда подчинятъ олять своей власти всѣ отлавшія владѣнія. Это имъ чрезвычайно не понравилось и они вообще ужасно скверно относятся къ Русскимъ. Въ средѣ китайскаго населения города Кульджи появлялись письма избѣжавшія о томъ что скоро Китайцы пойдутъ на Кульджу и вырѣжутъ Русскихъ. Каждый годъ распускался слухъ что 60.000 отборнаго китайскаго войска стоитъ въ горныхъ проходахъ, готовое двинуться на Кульджу. Положимъ, мы не вѣрили этимъ слухамъ и попрежнему высыпали въ одинъ горный проходъ роту солдатъ да сотню казаковъ а въ два другіе всего пакеты изъ 25 человѣкъ.

Между тѣмъ въ эти шесть лѣтъ Китайцы собирались съ силами, и въ 1877 году имъ удалось наконецъ отнять назадъ большую часть взятыхъ у нихъ городовъ. Я уже жилъ въ Кульджѣ, когда лѣтомъ 1877 года Китайцы взяли одинъ изъ этихъ городовъ, Манасъ. Въ то время въ Манасѣ былъ агентъ одного кульджинскаго торгового дома, некто Кл. и онъ, вѣрнувшись въ Кульджу, разказывалъ слѣдующее: когда Китайцы ворвались въ городъ, то по своему обычая умерщвлять всѣхъ насургентовъ—принялись рѣзать мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Узнавъ случайно что Кл. Русскій, они привели къ нему дунганскихъ девушекъ, предлагая купить ихъ, и въ противномъ случаѣ грозя ихъ тотчасъ же зарѣзать. Напрасно Кл. говорилъ что русскій законъ запрещаетъ покупать

людей, что онѣ ему вовсе не нужны; наконецъ, невольно тро-
кутый положеніемъ пленницъ, онѣ согласился. Какъ только
Китайцы узнали объ этомъ такъ тотчасъ привели къ нему
пропасть женщинъ, молодыхъ и старыхъ, предлагая купить,
и такъ какъ Кл. не имѣлъ возможности удовлетворить ихъ
требованію, то на его же глазахъ всѣхъ этихъ женщинъ за-
рѣзали.

Счастье рѣшательно повернулось къ Китайцамъ. Осенью
1877 года умеръ ихъ самый опасный противникъ и непри-
имиримый врагъ, Якубъ-бекъ кашгарскій. Послѣ его смерти
на престолъ вступилъ его сынъ, слабый и безхарактерный
бекъ Кули-бекъ и Китайцамъ въ началѣ 1878 года удалось
овладѣть Кашгаромъ. Такимъ образомъ, вернувшись все потер-
янное, они принялись хлопотать и о возвращеніи Кульджа
и, какъ известно, въ нынѣшнемъ году отправляли къ намъ
посольство, прося отдать ее и обѣщаю за это различные
торговые льготы.

Еще въ бытность мою въ Кульджѣ, Таранчи и Дунгане,
узнавъ что Кульджу хотятъ отдать назадъ Китайцамъ,
страшно встревожились. Они отправили вѣсколько петицій
прося принять ихъ въ русское подданство и выселить куды-
нибудь, а не отдавать назадъ Китайцамъ, у которыхъ ихъ
ждетъ мучительная смерть или мучительная жизнь. Они го-
ворили что еслибы Русскіе не взяли Кульджу, то они бы
никогда не допустили Китайцевъ взять опять Кашгаръ; что
Русскіе ихъ обезоружили и что поэтому на ихъ обязанно-
стіи лежитъ ихъ защищать, а не отдавать безоружныхъ Ки-
тайцамъ; что въ такомъ случаѣ они сдѣлаютъ новое возста-
ніе, такъ что русское вмѣшательство опять станетъ необхо-
димымъ.

Кульджу рѣшено отдать назадъ. Вѣроятно наше прави-
тельство по этому поводу руководили какія-нибудь высшія
соображенія. Я не хочу соваться въ политику и не буду го-
ворить о томъ, какой ударъ обаянію нашего имени въ Сред-
ней Азіи нанесетъ этотъ фактъ, и какое нравственное впе-
чатлѣніе произведетъ отдача Кульджи на туземцевъ. Если
обѣщаю отдать Кульджу перевѣсило на дипломатическихъ
вѣсахъ всѣ другія соображенія, то пусть будетъ такъ. Я не
скажу ничего о томъ что если рѣшено отдать Кульджу ради
торговыхъ льготъ которыхъ намъ обѣщаны, то мы могли до-
биться этихъ льготъ и ничего не уступая, какъ сдѣлали это

съ тѣмъ же Китаемъ Французы и Англичане. Нѣтъ, я просто скажу что жаль отдавать этотъ прекрасный и цвѣтущій край, подобного которому у насъ немногого въ Туркестанѣ. Въ самомъ дѣлѣ что дѣйствительно хорошаго имѣемъ мы на всемъ громадномъ пространствѣ земель занятыхъ нами въ Средней Азіи, на пространствѣ почти вдвое превосходящемъ Францію. Долину Или, долину Ферганы и Заревшана,— вотъ и все.

Теперь однимъ этими мѣстомъ стало менѣе.

Такова печальная исторія страны по которой яѣхалъ въ настоящее время....

Но вернемся къ путешествію.

На первой станціи отъ Борохудзира, Akkeutъ, я остановился на ночлегъ, предварительно прекрасно поужинавъ фазанами, которыхъ мнѣ удалось убить въ лѣсу. Я легъ спать со сладкимъ сознаніемъ что завтра послѣдній день моего путешествія.

На слѣдующій день я отправился дальше по мѣстности которая была нѣкогда прекрасно воздѣлана, теперь же представляла голую стель. Только въ разныя стороны тянулись неглубокія канавки отъ высохшихъ арыковъ, да кое-гдѣ виднѣлись разрушенные домики. Несмотря на семилѣтнее владычество Русскихъ, Китайцы до сихъ поръ не могутъ оправиться отъ погрома, и только нѣкоторые изъ нихъ, которымъ уже больше нечего терять, рѣшаются вновь селиться въ развалинахъ.

Слѣва отъ дороги синѣли скалистые пики Борохорора, горнаго хребта идущаго къ сѣверо-востоку отъ Кульджи и составляющаго теперь нашу границу съ Китаемъ. Въ два его прохода, Талки и Цытарты, ежегодно высылаются небольшіе ликеты, впрочемъ, единственно противъ контрабандистовъ. Этотъ хребетъ чрезвычайно дикъ; изъ Талкинского прохода, точно изъ какой-нибудь отдушины, не видно ничего, кроме клочки синяго неба наверху; тамъ, за этимъ проходомъ, идетъ въ глубь Китая знаменитая нѣкогда большая Императорская дорога. Тамъ, влѣво отъ дороги, на высотѣ 7.000 футовъ, какъ въ глубокой каменной чашѣ, спокойно дремлетъ горное озеро Сайрамъ-Норъ; ни одной рыбы не живетъ въ его глубинахъ, ничего живаго не встрѣтишь по его окрестностямъ и только дикия скалы глядятся въ пустынныя воды....

Съ вершинъ Борохорора течетъ рѣчка Хоргось, на которой построена станція Хоргосъ, слѣдующая за Akkeутомъ.

Недалеко отсюда былъ прежде городъ Хоргосъ, теперь разрушенный (официально по-китайски Гунь-Чень-Чень). Хоргосъ настоящая горная рѣка. Осенью, когда мало воды, она течетъ тремя или четырьмя тоненькими рукавами не болѣе какъ въ поларшина глубины; во время же половодья, въ юнѣ и юѣ, всѣ эти рукава соединяются въ одно цѣлое и рѣка съ шумомъ несется по равнинѣ на двѣ и даже на три версты шириной. Когда мнѣ ее пришлось перѣѣхать (10го апрѣля) она еще не разлилась и только по тремъ ея рукавамъ текла вода, все же оставшее пространство представляло груды беспорядочно накиданныхъ камней. Переправа чрезъ Хоргосъ страшно затруднительна, такъ какъ, кромѣ быстроты теченія, дно ея покрыто большими камнями, о которые скользятъ ноги лошадей. Кромѣ того, на всемъ пространствѣ между рукавами, фарватеръ мнѣется чуть не ежедневно; гдѣ сегодня было ровное, глубокое мѣсто, тамъ завтра нѣтъ зачастую проѣзда отъ кучи камней. Каждую переправу сопровождаютъ нѣсколько конныхъ Киргизовъ для поданія помоюща на всякий случай. Они привязываютъ длинныя веревки къ колесамъ и бокамъ телѣга и тянутъ за нихъ въ разныя стороны, такъ что по моему маѣнію больше мѣшаютъ чѣмъ помогаютъ; телѣга переваливается съ камня на камень, грозя перевернуться каждую минуту и вообще эта переправа была одна изъ самыхъ непріятныхъ вѣщей во все время моего путешествія.

Берега Хоргоса изобилію поросли мелкимъ кустарникомъ, въ которомъ водится множество лисицъ и зайцевъ.

Не далеко отъ Хоргоса на нашей дорогѣ лежали развалины нѣкогда прекраснаго китайскаго города Чия-лан-зи. Дорога идетъ самымъ городомъ и по обѣ стороны ея нагромождены безобразныя кучи кирпича и глины, да исковерканыя обломки стѣнъ. Здѣсь все разграблено и разорено; даже деревянные потолки домовъ и тѣ сняты; на нѣкоторыхъ стѣнахъ предъ домами уцѣлѣли различныя украшенія, рельефныя изображенія; на внутреннихъ стѣнахъ остались какія-то яркія краски. Еще недавно, уже при русскомъ владычествѣ, въ разныхъ мѣстахъ между стѣнами валялись человѣческіе скелеты. Даже могилы были разрыты, такъ какъ Китайцы имѣютъ обыкновеніе хоронить своихъ умершихъ со всѣми драгоценностями и въ богатыхъ одеждахъ. Черепа валялись на самой землѣ; сквозь глазныя орбиты ихъ проросла трава

и длинныя черныя косы Китайцевъ отливали на солнцѣ металлическимъ блескомъ. Теперь все это убрано... и слава Богу! Около двухъ верстъ ѿхали мы городомъ и наконецъ уже на выѣздѣ проѣхали какими-то великолѣпными воротами, единственными уцѣлѣвшими среди всеобщаго разрушения. Уже по однимъ воротамъ видно насколько этотъ городъ стоялъ выше другихъ мусульманскихъ городовъ. Они построены въ видѣ массивной арки, толщиной въ не сколько сажень, все изъ прекраснѣйшаго обожженаго кирпича. На верху уцѣлѣла какая-то надпись или украшеніе—не знаю. Ни прежде, ни послѣ не видалъ я такихъ построекъ въ Средней Азіи. Тайна приготовлекія подобныхъ кирпичей известна только Китайцамъ; они немного больше нашихъ, темнокраснаго цвѣта съ какимъ-то желѣзистымъ блескомъ и звенятъ какъ стекло. Многіе жители Кульджа берутъ кирпичи для своихъ построекъ изъ разрушенныхъ крѣпостей, но эти ворота запрещено трогать и потому они цѣлы до сихъ поръ.

Проѣхавъ слѣдующую за Хоргосомъ станцію Алымту мы вступили въ китайскій городъ Чин-ча-го-дзи. Впрочемъ здѣсь мало Китайцевъ, а почти все жители Дунгане, потому онъ уцѣлѣлъ среди погрома. Городъ этотъ не похожъ на мусульманскіе города Средней Азіи. Въ немъ прекрасныя улицы, обсаженные деревьями; дома по большей части деревянные, высокіе. Станція помѣщается въ бывшемъ китайскомъ зданіи, гдѣ находится много китайскихъ вещей. Какая-то стариннаго фасона мебель и ширмы, рѣзное скелетомъ кости украшеніе въ родѣ нашего туалетнаго стола, къ сожалѣнію изломанное, на стѣнахъ китайскія картины, совершенно особенныя, безъ соблюденія тѣней и перспективы.

За Чин-ча-го-дзи идетъ другой дунганскій городъ Суйдунъ (Суй-динь-ченъ). Еще издалека, когда мы только подъѣзжали къ нему, до насъ доносился ароматъ его садовъ. Фруктовые сады составляютъ гордость Суйдуна, и его яблоки, груши и абрикосы далеко развозятся по всему краю. Въ сторонѣ отъ Суйдуна лежатъ совершенно разрушенная Новая Кульджа.

Уже стемнѣло, когда я выѣхалъ изъ Суйдуна. Былъ чудный весенний вечеръ и молодой мѣсяцъ уже второй разъ во время моего путешествія сиялъ на ясномъ небѣ. Дорога постепенно приближается къ рѣкѣ Или, и въ разныхъ мѣстахъ я видѣлъ огни и столбы густаго дыма. Это выжигали камыша по рѣкѣ Или для того чтобы лучше росла трава и чтобы камыши не

занимали слишкомъ маого плодороднаго пространства. Въ нихъ водятся кабаны, а прежде были тигры. Здѣсь около Кульджи Или течетъ со скоростью девяти футовъ въ секунду; скорость порядочная, если вспомнить что Нева въ Петербургѣ протекаетъ всего три фута въ секунду.

Мѣстаность отъ Суйдуна становится холмистою и около слѣдующей станціи, Баяндай, невысокіе отроги Борохорора подходятъ къ самой дорогѣ. Здѣсь, въ горахъ Гангули, находятся коли каменнаго угля, которыми оталливается Кульджа. Угля теперь добывается около миллиона пудовъ въ годъ; онъ плохаго качества, не даетъ актрацита, содержитъ много землистыхъ частицъ и легко выветривается на воздухѣ. Къ югу, на горизонтѣ медленно всплываютъ высокія горы, отроги Тянь-Шаня, расположенные уже сзади Кульджи.

Баяндай—послѣдняя станція предъ Кульджей; не вдалекѣ развалины китайскаго города Баяндая (городъ Хой-кинъ-чень), имѣвшаго до 80.000 жителей. Отъ станціи идетъ прекрасная мѣстность съ воздѣланными полями, тянутся селенія окруженные деревьями. Въ пяти верстахъ отъ Кульджи находится мазаръ; это могила какого-то святаго или просто богатаго человѣка—не знаю. Тутъ прекрасный садъ, куда часто прїезжаютъ гулять жители Кульджи. Отъ него мѣстность представляетъ тоже нескончаемый садъ: изрѣдка мелькаютъ домики среди деревьевъ; дорога широкая, ровная, точно просированная, съ канавами по обѣимъ сторонамъ и обсаженная аллеями молодыхъ деревьевъ. Зелень сопровождаетъ васъ до самыхъ предмѣстій города, который уже издали представляется среди степи какимъ-то зеленымъ пятномъ.

Наконецъ, уже въ глубокой темнотѣ, показались ворота крѣпости. 10го апрѣля, послѣ сорока четырехдневнаго путешествія я вѣхалъ въ Кульджу. Длинный, утомительный путь былъ конченъ.

XIV. Старая Кульджа.

Старая или Таранчинская Кульджа лежитъ подъ $79^{\circ},50'$ восточной долготы и $43^{\circ},30'$ сѣверной широты, на высотѣ 1.700 футовъ надъ уровнемъ моря. Она расположена по срединѣ неширокой (50—60 верстъ) ровной Илійской долины, постепенно суживающейся и поднимающейся къ востоку. Ее со всѣхъ сторонъ, кромѣ запада, окружаютъ горы. Съ сѣвера

идутъ горы Борохороръ, съ юга горы Улькунъ-Тау, отроги Тянь-Шаня; обѣ горныя цѣпи сходятся на востокѣ въ 250. верстахъ отъ Кульджи, такъ что вся долина представляетъ треугольникъ. Преобладающій вѣтеръ западный.

Будучи такъ далеко выдвинута на югъ и расположена почти въ самомъ центрѣ Азіатскаго материка, Кульджа имѣетъ континентальный и притомъ чрезвычайно жаркій климатъ. Ея средняя годовая температура + 10° С., а средняя температура лѣта 26,5° С. Мы, жители Европы, не имѣемъ понятія о такой жарѣ. Всѣ города которые мы привыкли считать жаркими далеко отстаютъ отъ Кульджи въ этомъ отношеніи. Алжиръ, Пекинъ, Мадридъ, Миланъ, Римъ, Флоренція, Палермо, Константинополь, Неаполь, Ницца,—холоднѣе лѣтомъ Кульджи. Такіе города какъ Каиръ и Калькутта только на одинъ градусъ теплѣе ея. Континентальность кульджинскаго климата сказывается въ томъ что между тѣмъ какъ большинство перечисленныхъ городовъ вовсе не имѣть зимы, въ Кульджѣ она продолжается слишкомъ мѣсяцъ, причемъ средняя температура бываетъ—9° С. Туземцы утверждаютъ что съ приходомъ Русскихъ зима каждый годъ дѣлается холоднѣе. Зима 1877—1878 года, которую я провелъ въ Кульджѣ, была дѣйствительно очень сурова.

Несмотря на такія особенности климата онъ вообще можетъ называться здоровымъ и мягкимъ, такъ какъ чрезмѣрная сухость и жара умѣряются частымъ дождемъ. Этимъ Кульджинскій районъ рѣзко отличается отъ нашихъ остальныхъ средне-азіатскихъ владѣній, гдѣ лѣтомъ почти не бываетъ дожда. Вообще долина верхней и средней части Или очень богата водой. Кромѣ многихъ рѣчекъ, текущихъ съ горъ, здѣсь сильно развита ирригационная система. Съ обѣихъ сторонъ рѣки Или, артеріи края, которая пересѣкаетъ долину въ прямомъ направлениіи съ востока на западъ, проведены громадные арыки, которые сами по себѣ составляютъ цѣлые рѣки; съ лѣвой стороны изъ Или проведенъ арыкъ Сумунъ, а съ правой арыкъ Арустанъ, впрочемъ не изъ самой Или, а изъ притока ея рѣки Каша, впадающаго въ Или близъ урочища Ямату. Этими арыкомъ орошаются Кульджа. Чрезвычайно сильная жара и обилие воды сдѣлали то что здѣсь лѣтомъ развивается почти тропическая растительность; всевозможные плоды, начиная отъ обыкновенныхъ яблоковъ и кончая самыми тонкими сортами персиковъ и абрикосовъ,

повсемѣстно растутъ здѣсь на открытомъ воздухѣ, а тѣ которые не растутъ могутъ быть легко культивированы. Хлопчатникъ часто встрѣчается здѣсь въ дикомъ видѣ, тутовое дерево тоже нерѣдко и шелководство легко могло бы развиться. Чайное дерево растетъ въ горахъ. По берегамъ арыковъ развивается лѣтомъ такая роскошная растительность какую никогда не видала и не увидитъ Европа. Весною вся степь, а лѣтомъ склоны горъ покрыты густою, сочною травой, превышающею ростъ человѣка.

Почва песчано-глинистая и плодородная, она вовсе не требуетъ удобренія и нуждается только въ водѣ. Производительность природы здѣсь изумительна, пшеницу иногда снимаютъ въ лѣто два раза и она рождается самъ 30—50. Урожай проса доходитъ до самъ 200—300. Клеверъ, который составляетъ исключительную пищу лошадей и рогатаго скота, косятъ до пяти разъ. Дешевизна мѣстныхъ продуктовъ здѣсь замѣчательная, особенно была нѣсколько лѣтъ тому назадъ; теперь же къ сожалѣнію все дороже. Такъ при взятіи Кульджи курица стоила 1 коп. сер.; пудъ пшеницы осенью стоялъ 5 коп.; рабочій получаетъ въ день на своихъ харчахъ нѣсколько копѣекъ; тысяча кирпича-сырца стоила 70 коп. Яблоки не продавались десятками и сотнями, а прямо накладывались въ мѣшокъ, 6 пудовъ вѣсомъ (калъ), и это стоило 10—20 коп.; пудъ каменнаго угля стоилъ 1 коп.; а на самыхъ коляхъ даже $\frac{1}{4}$ коп. Теперь все это стало дороже, но все-таки до сихъ поръ чрезвычайно дешево.

Предметами туземной торговли служать: хлѣбъ, потомъ плоды, бараны и мяка; въ Россію вывозится также серебро въ слиткахъ (ямбы). Русскіе торгуютъ преимущественно краснымъ товаромъ и различными мелкими вещами. Туземцы не знаютъ никакого правила торговли и торгуютъ какъ имъ Богъ на душу положить. Колебанія цѣнъ поражаютъ своею неожиданностью; достаточно чтобы увеличился спросъ на какой-нибудь предметъ, достаточно показать видъ что вамъ понравиась такая-то вещь, и за нее запрашиваются здѣсятеро. Сотая яицъ стоятъ напримѣръ обыкновенно 12—15 коп.; вдругъ безъ всякихъ видимыхъ причинъ цѣна на нихъ начинаетъ подниматься, точно на перебой: она у всѣхъ купцовъ дѣлается выше, выше и доходитъ до 1 р. 50 к. и даже до 2 р. Тогда всѣ перестаютъ покупать яица и цѣна на нихъ падаетъ до ихъ первоначальной стоимости. Или арба камен-

наго угля въ 20—25 лудовъ стоитъ зимой обыкновено 1 р. 50 к.—2 р. Но вотъ выпадаетъ подъ рядъ нѣсколько холодныхъ, морозныхъ дней; въ холодъ Таранчу ни за какія днѣгъ не вытащишь изъ дома; никто не вѣдетъ на коли за углемъ, базаръ пусть и стоять всего 5—6 арбъ, за которыхъ просятъ 6, 7, 8 р. и больше. Но наступаетъ чрезъ нѣсколько днѣй оттепель, и на базарѣ отъ угла опять нѣтъ прохода и цѣна ему грошъ.

Окрестности Кульджа чрезвычайно живописны, вездѣ сады и кенты (селенія). Рядъ кентовъ идетъ съ сѣверной стороны; другой рядъ такихъ же поселеній (сумуновъ) идетъ съ южной стороны Кульджи, вдоль предгорій Тянь-Шана. Кроме того въ разныхъ мѣстахъ разбросаны отдельные деревни окруженные садами. Иногда только печально поражаютъ глазъ разрушенные села, сухие арыки, медленно погибающіе отъ недостатка воды и ухода, кулы заглохшихъ деревьевъ, да обширные кладбища—все слѣды бывшаго возстанія. Огромныя пространства засѣянныя пшеницей, ячменемъ и просомъ, обширные участки кукурузы и клевера, рисовыхъ и маковыхъ поля окружаютъ самый городъ. Особенно оригинальны и красивы маковые поля, засѣянныя ярко-краснымъ, бѣлымъ или пестрымъ макомъ. Опіумъ здѣсь бываетъ готовъ около половины или конца юня и сборъ его составляетъ настоящій праздникъ. Работники выходятъ въ поле по-парно; одинъ маленькимъ острымъ ножомъ надрѣзываютъ косвенно незрѣлые маковые головки, а другой собираетъ выступающій млечный сокъ въ роговый стаканчикъ. Чрезъ нѣсколько днѣй сокъ твердѣеть, пригнаетъ бурый цвѣтъ и въ видѣ опіума поступаетъ въ обращеніе.

Съ первого взгляда Кульджа производить какое-то странное впечатлѣніе; нельзя уловить никакого характера въ физиономіи города, что конечно зависитъ отъ разнообразія племенъ его населяющихъ. Здѣсь живутъ: Таранчи, Дунгане, Калмыки, Манджуры, Китайцы; отчасти живутъ, отчасти только пріѣзжаютъ сюда для торговли: Сарты, Киргизы, Таргоуты, Сибо и Солоны; затѣмъ Русскіе; наконецъ попадаются Афганцы и даже Индійцы. Преобладающее населеніе Таранчи; это лучшая народность края, честный, трудолюбивый народъ; они строгіе мусульмане и даже дома ихъ отличаются мусульманскимъ характеромъ. Затѣмъ идутъ Дунгане; они тоже мусульмане, но совершенно окитались въ образѣ жизни

и привычкахъ. Они прияли китайскую одежду и постройку, носятъ косу и бреютъ бороду, женятся на Китаянкахъ, только дочерей своихъ не отдаютъ за Китайцевъ, что очевидно надо приписать разницѣ религій. Они прияли китайскій календарь и лѣтосчислѣніе и вмѣстѣ со своими празднуютъ даже и китайскіе праздники. Китайцы и Манджуры отчасти уцѣлѣли во время погрома, заранѣе покорившись Дунганамъ, отчасти вернулись на прежнія мѣста уже при русскомъ владычествѣ. Они все буддисты; впрочемъ въ низшемъ классѣ и между Калмыками господствуетъ самое грубое суевіе и идолопоклонство.

Самый городъ довольно грязенъ: длинныя, узкія, извилистыя улицы; маленькие низенькие домики, скученные до послѣдней возможности. Но что чрезвычайно скрашиваетъ Кульджу, это обилие зелени и воды. Тысячи и тысячи арыковъ проведены по всѣмъ направлениямъ, начиная отъ широкихъ и глубокихъ—пятисаженной ширины и глубины нѣсколькихъ аршинъ, и кончая такими чрезъ которые легко перешагнуть. То отдѣльными группами, то цѣлыми аллеями обступили ихъ, наклонившись надъ ними и свѣсивъ вѣти до самой воды, столѣтніе карагачи и тополи. Вездѣ перекинуты висячіе мостики, на перилахъ которыхъ всегда можно застать Таранчей и Дунганъ, совершающихъ свое *far piente*. Садовъ въ Кульджѣ тоже чрезвычайно много и чѣмъ дальше отъ центра города тѣмъ больше; тутъ каждый домъ обнесенъ отдѣльною стѣной и казалось потонулъ въ массѣ зелени. Сады очень обширны; они рѣдко имѣютъ менѣе десятины и часто простираются на 5—6 десятинъ и предмѣстія города сплошь окружены садами какъ яркимъ зеленымъ кольцомъ. Лѣтомъ все начальство города живетъ въ этихъ садахъ. Лучшіе изъ садовъ, кроме тѣхъ въ которыхъ живутъ туземцы и которые поэтому мало известны Русскимъ — три. Общественный садъ, где лѣтомъ живетъ начальникъ сѣвернаго участка — С., садъ где живетъ начальникъ Кульджинскаго района — полковникъ В. и наконецъ садъ где находится дворецъ бывшаго Кульджинскаго султана; такой, въ полномъ смыслѣ слова, великолѣблой аллеи изъ пирамидальныхъ тололей, какъ въ этомъ саду, я никогда не видалъ ни прежде, ни послѣ.

Большая часть присутственныхъ мѣсть и казенныхъ зда-

ній находится въ туземномъ городѣ, но все-таки въ сторонѣ отъ него, за рѣчкой, на возвышеніи расположены новый или русскій городъ. Тутъ находятся казармы, церковь, кладбище, госпиталь и много частныхъ домовъ и лавокъ. Верстахъ въ двухъ отъ него, по другую сторону большой почтовой дороги, лежитъ лагерь квартирующихъ въ Кульджѣ войскъ. Здѣсь стоитъ 10й Туркестанскій линейный баталіонъ, бя и бя сотня 1го коннаго полка Сибирскаго казачьяго войска и два взвода горной батареи 2й Туркестанской артиллерійской бригады. Впрочемъ эти войска никогда не бываютъ въ сборѣ, такъ какъ часть лѣхоты и кавалеріи постоянно стоятъ въ городахъ Суйдунѣ и Борохудзирѣ, а лѣтомъ кромѣ того въ трехъ горныхъ проходахъ.

Съ ранняго утра килитъ жизнь на улицахъ Кульжи. Вотъ крѣость, центръ туземнаго города. Ея массивныя стѣны, выстроенные Калмыками, отлично сохранились и по нимъ разгуливаютъ Таракчи. Стѣны строены еще при китайскомъ владычествѣ и имѣютъ $3\frac{1}{2}$ сажени вышины, $2\frac{1}{2}$ сажени толщины и 350 саженъ длины. Около стѣнъ пріютились въ разныхъ мѣстахъ оранжереи и ползучія растенія и цветы пріятливо вьются по скатамъ. Китайцы страшные любители цветовъ, и молодая Китаянка, кто бы она ни была, непремѣнно, кромѣ массы серебряныхъ укращеній, носить въ волосахъ два-три цветка. Мусульмане чужды этихъ поэтическихъ прибавленій къ своей жизни, но впрочемъ таракчинская девушки теперь начинаютъ перенимать у Китайцевъ этотъ обычай.

Крѣость подъ прямымъ угломъ пересекаютъ двѣ улицы; улицы прямые, широкія; они окаймлены съ обѣихъ сторонъ арыками, выложенными досками и кирличами и усаженными деревьями. На главной улицѣ даже поставлены фонарные столбы, хотя для чего—неизвѣстно, такъ какъ фонарей на нихъ нѣть, и местные остряки уверяютъ что они поставлены для того чтобы въ темныя, безлунныя ночи Таракчи разбивали себѣ лбы объ эти столбы. Вездѣ, прямо на землѣ, насыпаны груды плодовъ и овощей; въ лавкахъ подъ навѣсами невозмутимо сидятъ Таракчи и продаютъ всякую дрянь. Это мусульманскій или таракчинскій базарь.

Въ центрѣ крѣости, гдѣ сходятся обѣ улицы, площадь и на ней мечеть; впрочемъ эта мечеть въ китайскомъ вкусѣ и совершенно не похожа на мусульманскія мечети въ другихъ

восточныхъ городахъ. Это широкое, многоэтажное зданіе, укращенное разноцвѣтными изразцами съ рельефными, выпуклыми изображеніями. Оно имѣетъ черепичную кровлю съ приподнятыми углами и влопоть напоминаетъ китайскую пагоду. Дѣло въ томъ что почитатели Магомета въ Кульджѣ не имѣютъ собственной мечети и имъ отведены старые китайскіе буда-хане; другая такая же мечеть въ восточной части города.

За крѣпостью обширное пространство въ видѣ площади, на которомъ разсѣяны присутственные мѣста и болѣе красивые частные дома. Тутъ же прекрасный бульваръ, устроенный уже Русскими, а рядомъ фруктовый и конный базаръ, на которомъ съ утра до вечера Таранча съ крикомъ и гиканьемъ объѣзжаютъ своихъ лошадей. Дальше безконечнымъ лабиринтомъ идутъ ряды узкихъ и кривыхъ улицъ, во всякое время дня густо покрытыхъ народомъ. Можно сказать что здѣсь вся жизнь проходитъ на улицѣ; пользуясь своимъ чуднымъ климатомъ, жители цѣлый день проводятъ на воздухѣ, и только лаздняя ночь загоняютъ ихъ домой.

Около лавокъ движение, говорѣ; рѣжутъ на рѣзкѣ клеверъ; продаютъ баранину, большими кусками подвѣшенную къ навѣсу лавки; тутъ же на улицѣ пекутъ прѣснья пшеничныя лепешки (кульча) и приготовляютъ какія-то кушанья. Всѣ низшая мусульманская школа (муртабдаръ); вокругъ одного старика сидятъ 15—20 мальчиковъ и разомъ повторяютъ за учителемъ молитву или слова Корана. Это еврейскій обычай перенятый мусульманами, и неистовый гамъ далеко несетъся отъ такой школы. По свѣдѣніямъ 1877 года всѣхъ школъ въ районѣ считается 344 съ 5.357 учащимися; а это на 131.500 человѣкъ жителей округа составляетъ около 5°, между тѣмъ у насъ въ Европейской Россіи приходится менѣе одного процента.

Тroe Таранчей рядомъ Ѳдутъ верхами и горячо разсуждаютъ о чёмъ-то; на перилахъ моста, недалеко отъ своей мечети сидитъ мулла въ бѣлой чалмѣ. Мальчикъ-Дунганъ въ короткой пестрой курткѣ и ермолкѣ на головѣ выдвигаетъ и задвигаетъ мѣхъ въ кузницѣ, а старикъ-Дунганъ съ рѣденькою, сѣдою бородой и какими-то грустно равнодушными глазами поворачиваетъ на огнѣ длинную желѣзнную полосу. Молодая Таранчинка, въ раслашномъ тепломъ стеганомъ ситцевомъ халатѣ, стоитъ на крыше и сбрасываетъ оттуда

клеверъ. Ослы, нагруженные каменнымъ углемъ, лѣниво бѣгутъ мелкою рысцой, лохлолывая ушами. Ребятишки шныряютъ и перебѣгаютъ черезъ улицу, опасаясь каждой минуту быть раздавленными проѣзжающими всадниками. Маленькия, хорошенкия таранчикскія дѣвочки, въ круглыхъ парчевыхъ, вышитыхъ серебромъ и золотомъ шапочкахъ, съ вычерненными, совсѣмъ сходящимися бровями и съ длинными косами, въ которыхъ вплетены черные шелковые шнурка, взявшись за руки, жмутся около стѣнки; старуха-Таранчикка что-то кричитъ на нихъ. Собаки бѣгаютъ по крышамъ или лежать свернувшись около домовъ на самой дорогѣ, рѣшительно не обращая вниманія на проѣзжающихъ. Около арыка нѣсколько Киргизовъ кричатъ на воловъ, которые боятся идти въ воду; высокія, неуклюжія арбы скрипятъ при каждомъ движениі; одинъ Киргизъ длинною палкой бьетъ по мордѣ вола, но упрямое животное не двигается и только отвертываетъ голову.

Вотъ китайская кумирня, изящное зданіе съ высокими решетчатыми воротами; въ ней находится колосальное изображеніе Будды и множество мелкихъ идоловъ (бурхановъ). На воротахъ традиціонный кружокъ, выкрашенный полодамъ въ черный и белый цветъ; это символическое изображеніе двухъ противоположныхъ началъ, поровну владѣющихъ міромъ: дня и ночи, добра и зла. Дальше къ сѣверо-восточной части города китайскій базаръ; его улицы всегда сплошь покрыты народомъ и по безпрерывной тѣснотѣ и суетѣ его можно сравнить съ нашей толкучкой. Въ прохладной глубинѣ лавокъ, за темными крытыми навѣсами меланхолически сидятъ Китайцы, предлагая товаръ покупателямъ; это торговцы-аристократы, тогда какъ мелочь торгуется прямо на улицѣ. Впрочемъ все хорошее или по крайней мѣрѣ рѣдкое и оригинальное раскуплено и теперь осталась только ничего не стоящая дрянь, такъ какъ новыхъ вещей не подвозится и торговля Кульджи съ городами внутренняго Китая, послѣ завоеванія ея Русскимъ, совсѣмъ пала. Стѣны лавокъ часто покрыты какими-то картинами или китайскими письменами и чрезъ улицу перекинуты въ видѣ висячихъ арокъ цвета бумаги ленты съ изображеніемъ драконовъ или цветовъ. Вотъ китайская аптека, гдѣ шарлатанская медицина предлагаетъ желающимъ различные, большую частью возбуждающія средства;

тутъ можно достать замечательный китайский корень жень-шень (Radix Gynsengi), продающійся на двойной вѣсъ золота, или не менѣе известныя молодыя налитыя еще кровью маральи рога (отъ Aegoceras sibiricus). Тутъ китайская кухня-ресторанъ, гдѣ любитель полакомиться можетъ спросить себѣ піявокъ подъ бѣлымъ соусомъ или стручковаго перцу зажаренаго въ горчичномъ маслѣ; здѣсь же вамъ подадутъ филе изъ мышиныхъ лапокъ или цѣлый обѣдъ приготовленный изъ мяса кошки. Всѣ кушанья изготавляются на открытомъ воздухѣ, вонь стоитъ ужасная и, говорятъ, пролетая мимо такой кухни, налету умираетъ воробей.

Вотъ испитой, поблѣдающій Калмыкъ катить какую-то тачку съ грузомъ; толстый, жирный Китаецъ, съ длинною черною косой и съ чваннымъ выраженіемъ на глупомъ лицѣ важно идетъ впереди держа трубку въ зубахъ. Молоденькия Китаянки съ узкими косыми глазками, что придаетъ нѣкоторымъ изъ нихъ ликанское задорное выраженіе, съ черными какъ смоль волосами, въ которые вплетены цветы и воткнуты какія-то серебряные стрѣлы и кольца, въ парчевыхъ вышитыхъ кофточкахъ и до безобразія маленькихъ, миниатюрныхъ башмачкахъ, взявшись за руки или опираясь на палку, идутъ вдоль стѣны. Жертвы уродливой моды, они почти совсѣмъ не могутъ ходить и малѣйшій порывъ вѣтра валить ихъ съ ногъ. Цѣлое китайское семейство въ голубой двухколесной кареткѣ, завѣшанной синею или бѣлою матеріей, медленно прокладываетъ себѣ дорогу среди волнующейся толпы. Всевозможныя рѣчи на всѣхъ языкахъ слышатся здѣсь и отъ непрестаннаго крика и гама стоить стоитъ въ воздухѣ...

Но вотъ медленно погасаетъ день и полу-мусульманскій и полу-китайскій городъ затихаетъ мало-по-малу. Раньше всѣхъ ушли Китайцы со своего базара; масса разнаго сброду пріѣзжающаго въ Кульджу ежедневно по торговымъ дѣламъ тоже разѣзжается покемногу. Въ крѣпости съ закатомъ солнца въ послѣдній разъ влѣзаетъ мулла по ступенямъ вырубленнымъ въ глиняной стѣнѣ на какое-то возвышеніе и тамъ оборотясь къ западу (къ Меккѣ), зажмутивъ глаза и закрывъ пальцами уши, заувыино поетъ призывающую молитву. Къ мечети со всѣхъ сторонъ какъ муравьи ползутъ Таракчи и шумъ на площади стихаетъ. Только не попавшіе почему-то въ мечеть двое Таракчей преслѣдовано совершаютъ

камазъ у ближайшаго арыка, да проходящіе мимо русскіе солдаты громко разсуждаютъ о чёмъ-то. Медленно расходится народъ послѣ вечерней молитвы; трое Таранчей, наговорившись обо всемъ вдоволь, наконецъ въ знакъ прощенія вѣсколько разъ прикладываютъ руки ко груди и ко лбу и важно расходятся по домамъ. Тутъ мирно ужинаетъ печеными лепешками мусульманская семья. На площади пустѣеть и темнѣетъ... Только сторожа-Дунгаке со своими трещотками расхаживаютъ по улицамъ или бросивъ пригоршню каменного угля и разведя огонь въ выбоинѣ стѣны грѣютъ озябшіе пальцы. Надъ успокоившимся городомъ воцаряется тишина; лишь иногда струя набѣжавшаго вѣтра донесетъ собачій лай или неясный шумъ далекаго арыка, да изрѣдка по сонной улицѣ проскачетъ залоздавшій офицеръ и звучный гулъ лошадиныхъ колытъ далеко несется въ мягкому ночномъ воздухѣ...

Такова Кульджа, которую, судя по послѣднимъ извѣстіямъ, решено отдать назадъ. Воображаю, зададутъ теперь Китайцы жару своимъ вновь возвращеннымъ подданнымъ.

И. ЗАРУБИНЪ.

Москва, 1879 года.